

ДОЛОЙ ВОЗРАСТ, К ЧЁРТУ ДОМ!

TRAVEL STORY

История жизнерадостной бабушки,
которая по полной использовала
последние годы своей жизни

Annotation

Сохранять оптимизм и стремиться к исполнению желаний возможно даже в самых тяжелых обстоятельствах. Когда Норме было 90 лет, ей поставили страшный диагноз – рак. Однако Норма не согласилась провести остаток жизни на больничной койке – вместо этого она отправилась путешествовать и собрала тысячи фанатов в Facebook.

Это издание для тех, кому не чужда вера к жизни. Авантюрный поступок Нормы Бауэршмидт воодушевляет и придает сил двигаться дальше, когда, казалось бы, все дороги ведут в тупик.

- [Тим Бауэршмидт, Рейми Лиддл](#)

- [Пролог](#)

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)

- [Глава 16](#)

- [notes](#)

- ☐ [1](#)

- ☐ [2](#)

- ☐ [3](#)

- ☐ [4](#)

- ☐ [5](#)

- ☐ [6](#)

- ☐ [7](#)

- ☐ [8](#)

- ☐ [9](#)

Тим Бауэршмидт, Рейми Лиддл Долой возраст, к чёрту дом!

Tim Bauerschmidt, Ramie Liddle

DRIVING MISS NORMA: ONE FAMILY'S JOURNEY SAYING «YES»
TO LIVING

© Амелина А.Е., перевод на русский язык, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Пролог

Дом

Южная Нижняя Калифорния, Мексика

Тим

Для кочевников, как мы, «дом» – понятие очень относительное. Наш, например, остался далеко позади, на песчаном пляже в Южной Калифорнии, штат Мексика, который отделяет зубчатые горные породы от лазурных вод Калифорнийского залива. Каждую зиму мы останавливались в каком-нибудь местечке на планете Земля, отцепляли наш 19-футовый фургон «Airstream» и временно оседали там.

Одним прекрасным февральским утром мы решили искупаться. Ринго, наш 73-фунтовый пудель, восседал на носу серфа Рейми, а дельфины дразнили его, будто уговаривая прыгнуть в воду. Первые лучи восходящего солнца озарили брызги, вылетающие из их дышал и наполняющие воздух ритмичной музыкой, от которой у меня перехватило дыхание. На губах я ощущал вкус соленой воды, которую выдыхали дельфины. Морские ястребы и голубоногие олуши пикировали вниз в поисках жертвы для завтрака, а китовые акулы, проплывая под нашей доской, лакомились планктоном. Наконец, солнце показалось за горами, и бухта засияла золотом.

Позже мы залезли в воду вместе с друзьями и другими путешественниками на фургонах, остановившимися на пляже. Внутри мы чувствовали умиротворенность и расслабление, мы начали философствовать, стали размышлять о старости, в особенности о том, что случится с нашими родителями. Мы представляли себе, что же мы предпримем, как справимся с ситуацией, мы строили планы на далекое-далекое будущее.

Например, что мы сделаем, если мама Рейми, Джен, живущая в западной Пенсильвании, или, скажем, мои родители, Лео и Норма, из северного Мичигана больше не смогут сами заботиться о себе? Как узнать, когда наступит это время и как это случится? Какую больницу лучше всего выбрать? Что скажут врачи? Они обнадежат нас или заставят беспокоиться? Маме Рейми, которая очень любила шумные компании и была заядлым игроком в бридж, вероятно, понравилось бы в доме престарелых, но для

моих родителей, которые привыкли к природе и саду и не желали менять свой ритм жизни, это место показалось бы сущим адом.

Вообще-то, сложно сочетать мой кочевой образ жизни с престарелыми родителями, поэтому я всегда рассчитывал, что ими займется моя младшая сестра Стейси. Однако восемь лет назад она умерла от рака. «Что ж, – сказала Рейми, – не обязательно решать все сегодня. У нас еще есть время. Все живы и здоровы, поэтому давай просто насладимся моментом». Я постарался забыть о тех страхах и вопросах, которые терзали меня, чтобы «насладиться моментом», полагая, что у меня действительно еще много времени. Надеюсь, что оно у меня есть.

* * *

Мы не всегда были кочевниками, хотя, я полагаю, в той или иной степени эта свободная, простая жизнь всегда манила нас. Когда мы впервые встретились с Рейми, мы выяснили, что суммарно успели пожить в четырнадцати штатах. В тот день, когда мы встретились, мы, по счастливой случайности, одновременно оказались в одном и том же месте в одно и то же время.

Я был строителем-самоучкой, который колесил по стране на своем стареньком пикапе марки «Форд» и занимался перепланировкой домов, а Рейми в то время была консультантом в некоммерческой организации. До этого она работала на круизных лайнерах и на различных курортах, чтобы удовлетворить свою тягу к путешествиям. В раннем возрасте мы оба потеряли близких людей и оба понимали, что хотим жить, скорее, ради того, чтобы найти смысл жизни, чем заработать денег. Мы страстно желали сойти с проторенной дорожки, избавиться от материальных вещей, финансовых тягот и даже семейных обязанностей. Мы жаждали простоты и ясности.

Наша жизнь навсегда изменилась в тот момент, когда сестра Рейми, Сэнди, позвонила ей из Мэриленда и предложила нам отправиться в путешествие на старом фургоне «Airstream». Мы находились за 2000 миль, в Колорадо, и у нас не было соответствующего транспорта, однако ее предложение нас определенно интересовало. Мы одолжили пикап «Шевроле» и двинули на восток за своей «наградой». В то время мне было уже 45 лет, и мы оба устали от палаточной жизни и сна на земле. Наша мечта отдохнуть с комфортом в домике на колесах становилась реальностью, просто тогда мы этого еще не осознавали.

Фургончик был допотопным, однако обивка внутри казалась новой. Он был оснащен небольшой кухней и на удивление работающим туалетом. Я провел рукой по изношенному алюминиевому кузову, горячему от палящего июльского солнца. Касаясь его потрясающих изгибов, я предвкушал авантюру. «Будет круто», – сказал я Рейми. В качестве пробного путешествия мы отправились обратно в Колорадо. Важнее всего было решить, где припарковать машину и переночевать. Мы чувствовали, что погружаемся в новую, неведомую ранее свободу.

По возвращении Рейми продала свой любимый кабриолет, а на вырученные деньги купила ярко-красный пикап с прицепом. Мы уверенно шагали в новую жизнь. Мы постоянно пользовались фургоном, когда была возможность, наши путешествия длились все дольше и дольше, а работали мы все реже.

Перезимовав один сезон, мы решили, что в следующий раз на время холодного периода, когда дни становятся короче, а ночи длиннее, лучше податься в теплые края. Мы оборудовали рыбацкую хижину на севере Мичигана. Но оказалось, что она рассчитана только на лето и недостаточно утеплена. Сколько бы дров мы ни жгли в старой печи, тепло уходило через несколько часов, потому что крыша была покрыта черепицей. Ночью, лежа на кровати и прижавшись друг к другу, мы оба дрожали от холода вместе с нашей немецкой овчаркой. Я мечтал о том красивом песчаном пляже, где несколько раз останавливался с палаткой с середины 90-х. После этого на зиму мы решили обосноваться на полуострове Калифорния в Мексике.

В первый же сезон на полуострове мы многое узнали о кочевой жизни в фургоне. Мы обзавелись небольшой солнечной батареей для подзарядки аккумулятора и старались по минимуму расходовать энергию. Все эти амперы, ватты и прочие термины, связанные с электричеством, внезапно стали для нас жизненно важными, когда однажды ночью фары начали мигать и мы поняли, что бензин на исходе.

Кроме того, нам пришлось контролировать расход воды, что было крайне важным, ведь питьевую воду можно было набрать только в небольшой рыбацкой деревушке, располагавшейся в получасе езды на севере. Специально отведенных мест для слива отходов также не было, поэтому нам приходилось довольствоваться вырытыми на берегу ямками. Мы мылись с помощью солнечных водонагревающих мешков на улице в кабинке. Ее мы смастерили из обруча и шторки, висевшей на открытой дверце фургона.

Несмотря на отсутствие благ современной цивилизации, это место как магнит притягивало множество людей со всего мира.

Например, Гэри и Джэнел, фермеров из Айдахо, которые каждое Четвертое июля устраивали собственное родео. На пляже Гэри носил джинсы и никогда не снимал своей фирменной ковбойской шляпы. Джэнел была типичной сельской жительницей: имела мощное телосложение, чистила рыбу, водила грузовики и готовила восхитительный вишневый пирог в жаровне на открытом огне. Из Британской Колумбии, провинции на западе Канады, сюда приезжал Санта Уэйн, которого на родине прозвали «Санта Клаус № 1». По понятным причинам до Рождества он здесь не появлялся. Невозможно забыть Педро, колоритного ведущего конных представлений по всему миру и по совместительству тренера лошадей, и его жену Джанет. Даже находясь на пляже, Педро не переставал носить цветистую одежду. Эти люди, которые из года в год возвращались сюда, были в основном канадцами или выходцами с северо-запада США. Они не только пытались убежать от зимних холодов, но и искали простой жизни, для которой имело значение не то, как ты зарабатываешь, а что ты *знаешь*.

Все наши дни на пляже начинались с того, что мы вплавь огибали ближайший остров, расположенный в миле от берега. Мы плыли и ждали восхода солнца над полуостровом, образовывавшим бухту, наслаждаясь утренним спокойствием. Затем мы возвращались на берег. Мы быстро завтракали йогуртом с местной клубникой, а затем вместе с другими путешественниками покидали уютную бухту, чтобы отправиться в пеший поход. Преодолев расстояние в три мили, мы забирались на холм, а после по пустынной ветреной тропе снова спускались к морю. Болтая с нашими товарищами по пути к фургону, мы обдумывали, чем же еще заняться в тот день: поплавать на доске, искупаться, отправиться в поездку или, может, навестить старых и новых друзей.

Здесь никто не говорил о политике или религии, и никто не обсуждал новости из внешнего мира, даже после четырех или пяти месяцев на острове. Мы влились в группу единомышленников. Мы успели пожить во многих городах и районах, и везде и мне, и Рейми сложно было поддерживать приятельские отношения с людьми. Но здесь все было совершенно иначе: никаких пробок, никаких новостей, никаких часов. Люди просто жили, наслаждаясь единением с природой и временем, проведенным друг с другом и с самим собой. Нам казалось, что мы нашли свое место.

Мы провели на острове две из трех зим в собственном домике у озера, расположенном на песчаной дюне. Продав его, мы купили фургон побольше и следующей зимой двинули во

Флориду. В это время Рейми получила диплом школьного психолога. Мы отправились в Колорадо, где ее ждала стажировка, но, в конце концов, остановились в Прескотте, штат Аризона, и нашли там новый дом, требующий ремонта.

Конечно, в фургоне можно было спокойно жить, но мы хотели путешествовать, исследовать мир и чувствовать себя ближе к природе. Мы начали чаще оставаться дома, потому что таскать за собой эту громадину было довольно проблематично. Когда мы поняли, в чем дело, мы купили машину поменьше – автодом «Бэмби». Это сработало, и мы начали больше путешествовать, месяцами могли отсутствовать дома. Обычно мы старались попасть в «межсезонный» период, когда туристов в заповедниках и у других достопримечательностей не так много. Наши поездки становились все продолжительнее: сначала мы колесили по стране целое лето, потом полгода и даже дольше.

Мы ездили так много, что наш домик в Аризоне практически все время пустовал. Когда Рейми работала, во время школьных каникул мы отправлялись на юго-запад и исследовали северную кромку Гранд-Каньона, национальные парки: Долину смерти, Брайс-Каньон и Зайон. Летом мы навещали друзей в Теннесси, штат Северная Каролина, иногда ехали на юг Мэриленда, чтобы провести Сэнди, которая и подкинула нам эту идею. Северный Мичиган был нашим конечным пунктом назначения, после которого мы возвращались назад.

В 2011 году мы отправились в годовое путешествие и объездили всю страну с запада на восток и с севера на юг. Мы выехали из Аризоны и направились к Большому бассейну в Неваде, от него мы проложили маршрут до Остроконечных гор в Айдахо, а затем в национальный парк Глейшер в Монтане. Отсюда мы двинули на запад, а затем к южному побережью Орегона и, наконец, продолжили путь по SR1, прибрежной автодороге штата Калифорния, пока не достигли мексиканской границы. Перезимовав в Южной Калифорнии, всю весну и лето мы путешествовали по южным штатам, затем свернули в сторону Мэна и только после этого вернулись домой, в Аризону.

Нам нравилось оставлять наш «Бэмби» у валунов национального парка Арчес в Юте и рано утром, до того как парк заполняют туристы или станет невыносимо жарко, отправляться на прогулку. Иногда мы парковались в уединенной рощице с секвойями и спали под сенью листвы тысячелетних деревьев или под еще более древним звездным шатром.

Если мы часто останавливались на одном и том же месте, у нас завязывались приятельские отношения с живущими там людьми. Иногда мы навещали друзей, с которыми познакомились

в Южной Калифорнии. В Эйвери, штат Калифорния, мы жили у Джона и Лорри в домике в горах Сьерра-Невада. Мы оставляли машину на плоскогорье за парком Лав Крик. Однажды мы заехали к ним во время сезона сбора яблок. Тогда мы, закатав рукава, помогали им переработать 200 фунтов яблок дедовским способом: с помощью чугунной дробилки и пресса, сделанного из прочных деревянных брусьев. Затем мы отфильтровали сок и разлили его по бутылкам.

Однажды на Пасху мы остановились на ранчо нашей подруги Кейзи в Прескотте, штат Аризона. К нашему удивлению, наше пребывание здесь совпало с периодом спаривания великолепного жеребца Моргана. Рано утром Кейзи подошла к нашему фургону и попросила нас кое с чем помочь. Мы еще даже не успели узнать, в чем дело, а нас уже записали в помощники: мы должны были собрать, привести в действие и отрегулировать температуру новейшего механизма – лошадиного влагалища.

Мы приучили себя быть максимально гибкими, начали больше прощать себе и другим. На самом деле у нас просто не было выбора: мы разрабатывали план путешествия исходя из расположения точек, оборудованных специальными баками для слива отходов, а наш GPS просто не находил их на карте; иногда нам приходилось отставать от намеченного графика из-за различных парадов, марафонов или дорожных работ в небольших городах. Все это требовало от нас принять ситуацию и не переживать по пустякам. К тому же мы постоянно забывали что-нибудь дома, и, чтобы справиться с той или иной задачей, нам приходилось постоянно что-то придумывать. Не говоря уже о том, что по пути мы умудрились встретить детенышей койота, лося, медведя, перелетных бабочек и даже женщину в туфлях на высоком каблуке, которая выгуливала своего поросенка на площадке для кэмпинга и была одета в точно такой же свитер, как и ее питомец. Значения не имеет ни ваш опыт, ни тщательность разработанного плана, ведь путешествия помогают подготовиться к неожиданностям и научиться справляться с ними.

Разумеется, можно путешествовать крайне осторожно, но мы любим рисковать. Когда мы вынуждены действовать не по плану, мы получаем новые ощущения, которые в противном случае просто прошли бы мимо нас. Иногда мы просыпались от того, что под окном нашей спальни лосось метал икру, иногда после ежегодного празднования Четвертого июля у нас оставались силы, и мы шли плавать на доске под покровом ночи. Сорванные планы – это возможность еще раз почувствовать, насколько человек – существо маленькое и легкое под голубым небом

Америки. Однажды, когда мы спонтанно решили заехать в магазин и пополнить запасы провизии, мы почувствовали себя детьми: Рейми залезла на магазинную тележку, до краев набитую продуктами, а я толкал ее вдоль всей парковки, пока мы не добрались до нашего фургона. В ее смехе слышалась неподдельное веселье.

Кочевая жизнь – это простота и свобода. Мы с Рейми наслаждаемся ими, они защищают нас от суеты современности. Чем меньше мы имеем, тем меньше мы должны и тем меньше мы беспокоимся. Мы просыпаемся и засыпаем не по будильнику, а с восходом и закатом солнца, мы гуляем, играем, читаем и едим в соответствии с собственными биоритмами, в этом и есть прелесть кочевой жизни.

Мы были сродни тростнику, колышущемуся на ветру: мы жили просто и путешествовали налегке, а Южная Калифорния была нашей путеводной звездой. Наш первый «Airstream» стал для нас неожиданным и незапланированным подарком, который спас нас, точнее, научил жить по-настоящему: с горящими глазами и открытым сердцем принимать то, что предлагает жизнь.

* * *

Пятнадцать раз у нас с Рейми была возможность поговорить с моими родителями о том, чего бы они хотели в будущем. Именно столько раз она отправлялась со мной в путешествие в их родной дом в Мичигане. Когда она впервые приехала к ним, маме и папе исполнилось порядка 65 лет, возможно, тогда говорить об этом было еще слишком рано. Если честно, нам даже не приходило это в голову. Они все еще могли сами позаботиться о себе и были полны сил. Однако ближе к 80 годам они стали более беспомощными и начали медленнее ходить. Мама больше не могла спускаться в подвал, поэтому стирать белье теперь приходилось папе, ей также стало тяжело готовить полезную еду. Папа взял на себя обязанность забирать письма из почтового ящика через дорогу. Тем не менее они не сдавались.

Каждый год, когда мы гостили у них в течение недели или чуть больше, мы изо всех сил старались поддерживать их. Я занимался домом, а Рейми работала во дворе. Я выкинул старые ковры, установил пожарные сигнализации, прикрутил поручни, за которые они могли держаться. Я наготовил еды на целый год и заморозил ее в холодильнике, который притащил из подвала. Короче, я сделал все, кроме самого важного – разговора.

«Не обязательно решать все сегодня, – сказала мне Рейми, – у нас еще есть время».

Я глубоко вздохнул и замолчал, возвращаясь к игривым дельфинам, окружившим нас и снующим туда-сюда под моим серфом.

Наш отдых в Южной Калифорнии подходил к концу, многие уже собрали вещи и уехали. Те, кто не любил прощаться, уходили по-английски, проще говоря, сбегали тайком. Педро, напротив, устраивал из своего отбытия целое шоу: вся округа слышала, как он трубит в охотничий рог. Каждый отъезд был по-своему уникален, впрочем, как и люди, которые жили на полуострове.

Мы тоже начали собирать вещи через несколько недель. Мы смывали соль с пляжных принадлежностей, укладывали их на крышу фургона и закрепляли веревками. Мы сняли гамак с деревьев, сложили тент и упаковали его в сумку. Мы постарались вытряхнуть весь песок из фургона и прицепа, но знали, что до конца сделать это невозможно.

Затем мы отправились вверх по гористому полуострову на север, по шоссе мы проехали через винный регион Южной Калифорнии до города Текате, расположенного на границе с США. Так началось наше ежегодное путешествие, нам предстояло проехать 5000 миль через всю страну, навестить друзей и родственников и остановиться в Мичигане у моих родителей. Мы даже не догадывались о том, какое сильное потрясение нас ожидает.

Глава 1

Приоритеты

Преск-Айл, Мичиган. Июнь

Рейми

Жизнь – хрупкая штука. Мы часто говорим это, но в большинстве случаев мы просто думаем так, не чувствуя этого сердцем. Мы воспринимаем людей как данность, забывая о боли и страданиях. Мы не говорим самых важных слов, откладывая их на потом. Так и мы с Тимом пытались отсрочить разговор с его родителями о старости, в особенности о том, как они хотят провести остаток своих дней. Почему же так сложно было обсудить это? Почему мы продолжали уходить от темы, а вопросы, которые мы так хотели задать, словно застревали у нас в горле? Что же делать, когда этот момент наступит? Неужели нам не оставалось ничего, кроме как смириться с тем, что все мы смертны? И есть ли шанс сказать «да» жизни, смотря в глаза смерти?

Наконец, в очередной раз отправляясь навестить родителей, мы твердо решили получить ответы на свои вопросы. «Уж в этом году нам точно хватит смелости поговорить об этом», – думали мы, но, как обычно и случается, обстоятельства сыграли против нас.

Каждый раз, когда мы приезжали, мама Тима, моего мужа, пекла для нас печенье. Причем оно всегда было разным. А папа Тима, Лео, помогал ему с парковкой. Но в этот раз, пока мы ставили наш «Airstream» на подъезде к дому, из небольшого кирпичного дома никто не вышел.

Без слов мы оба поняли, что переживаем. Мы быстро подошли к дому, поднялись по лестнице ко входу, открыли дверь и через сени направились в кухню. Пахло горелым.

Что-то явно было не так. Случилось что-то очень плохое.

«Мам? Пап?»

Ответа не последовало.

Тим выключил духовку, даже не заглянув внутрь.

Часы Лео пробили невпопад. То же самое произошло и с еще двумя его часами. А дедушкины часы, которые Лео исправно заводил каждое воскресенье, не работали. По телевизору,

стоящему в гостиной, шли гонки, но стулья, на которых обычно сидели Норма и Лео, пустовали. Тогда мы прошли в большую комнату в задней части дома.

Там мы и нашли родителей Тима.

Сначала нам показалось, что все в порядке. Но затем мы увидели, что Лео, сгорбившись, висит на плече Нормы, а лицо его искажено болью. Моя свекровь, женщина хрупкого телосложения, с трудом держала его, левой рукой опираясь на палку.

Они медленно шли нам навстречу. На каждом шагу он вскрикивал от боли, не узнавая нас.

Мы поспешили к ним. Тим обхватил Лео, а я – Норму.

«Мам, что случилось?»

«Пап, поговори со мной, что происходит? Когда это случилось?»

«Осторожно, коврик! Не споткнись!»

«Держись за меня».

«Пап, я держу тебя».

«Все будет хорошо».

«Сейчас я усажу тебя на стул».

Пока Лео стонал и корчился от боли, мы тащили его в гостиную. Я быстро усадила Норму на стул, но с Лео сделать это было намного сложнее. Очередные часы снова зазвонили не вовремя. Телевизор продолжал галдеть. Я схватила пульт, неуклюже пытаясь сделать что-то с орущим телевизором, но у меня ничего не получалось – я впервые видела этот пульт. Где же кнопка выключения звука? Наконец, телевизор замолк.

Всегда веселое и счастливое лицо Лео было перекошено. Он стонал, дрожал, а иногда даже выл. Мы принесли ему подушки, переложили на другой бок, но это не облегчило его агонию. Тим и Норма ушли на кухню и начали тихо разговаривать. Я носилась вокруг Лео, без толку надеясь, что смогу как-то помочь ему.

Лео взглянул на меня и сказал: «Случилась какая-то чертова хрень».

За все эти годы, что я знала его, он никогда так не выражался. И я сразу все поняла.

Тим открыл духовку. Внутри он увидел противень, накрытый фольгой, на котором лежали ничем не приправленный кусок курицы и две сморщенные картофелины. «И это все, что они собираются есть на ужин?» – мы переглянулись в недоумении.

Я почувствовала, как внутри меня растет волнение. Это было только начало.

Несколько месяцев назад, когда мы зимовали в Мексике, мы думали лишь о том, чем бы заняться сегодня: поплавать на досках, каяках, просто пойти купаться или же сделать все и сразу. Каждый день мы загорали под теплым солнцем с нашей радушной компанией. Мы любовались пейзажами, от которых захватывало дух, наслаждались свежими морепродуктами и гитарной музыкой. И казалось, что все прекрасно.

Весной мы возвращались в Штаты, по дороге минуя Калифорнию и Теннесси, останавливаясь на парковках ресторанов «Крекер Бэрел» и супермаркетов «Walmart». По дороге мы иногда звонили Норме и Лео и спрашивали, как у них идут дела. Они никогда не просили о помощи, и поэтому мы ничего не делали. Тим всегда говорил: «Отсутствие плохих новостей – уже хорошая новость».

В итоге мы остановились у друзей в Северной Каролине. На их ферме площадью в 35 акров цвели великолепные сады, паслись лошади и располагались несколько пристроек. В течение нескольких дней у меня держалась высокая температура. Я чувствовала себя ужасно и искала что-нибудь, чтобы отвлечься от мыслей о болезни. И пока остальные наслаждались компанией друг друга, я читала лежа в кровати.

В некоторых пристройках находились библиотеки, проще говоря, стеллажи от пола до потолка, забитые книгами, поэтому мне было из чего выбрать. Я чувствовала себя настолько ужасно, что не могла выйти из гостевого домика. Здесь я перерыла все книжные полки, но не нашла ничего интересного. Тогда я отправилась в гостиную и случайно наткнулась на небольшую кипу книг, лежащую на старинном столике. Я остановила свой взгляд на одной из книг Атула Гаванде под названием «Как быть смертным: медицина и то, что важно в конце жизни», которая представляла собой критическое исследование медицинской помощи и лечения в конце жизни. В тот момент мне казалось, что я умираю, поэтому я достала книгу из середины стопки и вернулась в кровать.

Через несколько дней я практически дочитала книгу. Физически мне было по-прежнему плохо, но я понимала, что моя жизнь изменилась. Из книги я узнала важные вещи: оказывается, мое представление о том, что ожидает нас перед смертью, было в корне неверным. Раньше я постоянно избегала подобных разговоров со своей мамой или родителями Тима, но теперь я знала, что мне предстоит обсудить с ними эту непростую тему.

Мы отправились к Внешним отмелям, песчаным островам побережья Северной Каролины. Мы ждали парома от Окракока до мыса Хаттерас, когда у Тима зазвонил телефон. Это был его отец,

Лео. Он сообщил, что дядя Тима Ральф – лучший друг Лео и последний оставшийся в живых брат Нормы – умер в возрасте 91 года.

В тот день Лео говорил довольно уверенно, но через несколько недель, когда мы позвонили ему на День отца, он словно сник.

«Нам надо идти, – сказал Тим, по его лицу было видно, что он в панике, – с папой что-то не так».

Когда я вспоминала об этом телефонном разговоре несколько месяцев спустя, больше всего меня поражала наша непоколебимая уверенность в том, что у нас все под контролем. На самом деле, важно понять, что старости и болезни наплевать на наши планы, они действуют по собственному графику, и не имеет никакого значения, готовы ли мы взглянуть в лицо неизбежному или нет.

* * *

Мы так и не отцепили прицеп от нашего фургона. Спустя три дня после нашего приезда Лео лежал на больничной койке, свернувшись в кокон, словно эмбрион. С каждым днем он становился все слабее. Казалось, что ему очень неудобно и одиноко. Норма стала еще меньше, чем раньше: она сидела рядом с кроватью Лео на кресле с откидной спинкой, которое будто мешало ей вырасти, и молчала.

Тим залез в кровать к отцу, обняв его. Я дала ему влажное полотенце, и он заботливо вытер лоб Лео. Тим твердил, как заведенный: «Все хорошо, я позабочусь о маме. Я люблю тебя. Все будет хорошо».

Через некоторое время я сменила Тима. Тем утром мы так и менялись до тех пор, пока Норма не попросила отвести ее вниз. «Я должна встретиться с доктором в час дня и сдать кое-какие анализы...» – сказала она.

Я понятия не имела, о чем идет речь. В лифте она вскользь упомянула о том, что обнаружила кровь в своей моче. Я заподозрила, что все не так просто, когда заметила в ее сумочке гигиенические прокладки, прекрасно зная, что в ее возрасте менструации быть не должно... Я осталась в комнате ожидания, и, когда она сдала анализы, мы вернулись к Лео. Норма ничего не рассказывала о процедурах. В тот момент все наше внимание мы уделяли Лео, поэтому мы с Тимом ничего у нее не спрашивали.

В течение недели мы узнали, что Норме нужно сдать дополнительные анализы, в том числе трансвагинальное ультразвуковое исследование. Муж Нормы умирал в хосписе

несколькими этажами выше, а она лежала на столе, накрытом простыней, ожидая, пока врач введет ультразвуковой зонд. Внутри все ее тело словно сжалось. Она была такой маленькой и ощущала стыд. Я стояла рядом с врачом и смотрела, как она обводит что-то на экране, какой-то большой инородный объект, которого не должно быть в матке. «Не могу поверить», – прошептала я. Лео умирал, и, судя по тому, что я видела на экране, у Нормы раковая опухоль.

Я глубоко вдохнула и сообщила Тиму о том, что видела на мониторе.

Вскоре из хосписа Лео перевели в местный дом для больных, нуждающихся в длительном медицинском обслуживании. Через два дня после того, как мы просидели у его кровати около шести часов, измученная Норма настояла на том, чтобы о нем позаботились. «Теперь можно идти», – сказала она. Мы все знали, что этот теплый июльский день будет для Лео последним. Едва мы вернулись домой, нам позвонили из хосписа и сообщили, что он умер в 17.50. И в этот момент сломанные судовые часы, подарок Лео от Стейси, снова пошли.

Мы кремировали его останки и захоронили его урну на городском кладбище рядом с дядей Ральфом и Стейси.

Официального диагноза пока не было, но мы с Тимом знали, что, скорее всего, у Нормы рак. Лежа в нашем фургоне, мы обсуждали, как действовать дальше. Ни один из нас не хотел такого конца для Нормы, как у Лео. Мы переживали о том, что случится, если Норма попадет в дом престарелых. Она любила гулять. Как же она выживет за закрытой дверью, там, где для выхода нужно знать код? Как она, такая стеснительная женщина, будет делить комнату с незнакомцем? К тому же мы знали, чем кормят в таких местах. Не было никакой гарантии, что ее жизнь будет столь же разнообразной, как раньше, что она сможет сохранить свою независимость и привычную ей обстановку. Интуиция подсказывала нам, что Норма не только нуждалась в свободе, самостоятельности и достойном обращении, она заслуживала их, заслуживала того, что дома престарелых были не способны дать ей.

И если Норма вдруг пожелает посидеть с кружкой пива или бокалом вина в конце дня, нам хотелось предоставить ей такую возможность. Если ей, по какой бы то ни было причине, вздумается уехать из дома престарелых, нам хотелось, чтобы она могла это сделать. Если она решит съесть завтрак вместо обеда или пройтись босиком по траве, так тому и быть. А еще нам хотелось, чтобы она снова улыбалась.

Мы переглянулись и одновременно произнесли: «Надо

узнать, не хочет ли она поехать с нами».

Мы и понятия не имели, что будет, если она согласится.

На следующий день мы втроем сидели за кухонным столом.

«Норма, мы не знаем точно, что скажут доктора по поводу твоих анализов, – сказала я, – но скажи нам, как ты считаешь, сможешь ли ты позаботиться о себе сама после смерти Лео?»

«Я не знаю, что делать, – ответила она, с каждым словом ее голос становился все слабее, – я не смогу жить одна. Я знаю это».

«Что ж, – вмешался Тим, – мы как раз обсуждали это с Рейми, и нам бы не хотелось оставлять тебя одну, даже если тебе будут помогать другие люди. Мы смотрели различные дома престарелых, куда бы мы могли отдать тебя здесь, в Мичигане, или в Пенсильвании, где живет мама Рейми. Однако есть еще один вариант, – продолжил он, – не хочешь ли ты разделить с нами кочевой образ жизни? Мы могли бы купить фургончик побольше».

«Конечно, идея может показаться тебе сумасшедшей, – добавила я, – но она не намного безумнее, чем провести остаток своих дней в доме престарелых. Если ты согласна, мы поедem туда, куда ты захочешь».

Мы сказали, что не обязательно давать нам ответ прямо сейчас. «Просто подумай об этом», – предложили мы и молча продолжили есть сэндвичи с ветчиной и салатом. Норма первой нарушила тишину. Она тихо произнесла: «Думаю, я хотела бы поехать».

На следующий день вместе с гинекологом и студенткой медицинского училища, которая стояла за спиной врача, мы сидели в тесном кабинете для обследований. В течение двух дней после смерти Лео мы ходили из кабинета в кабинет, от одной процедуры к другой. Наконец, мы дошли до приемной акушера-гинеколога.

Врач, приятный мужчина лет тридцати пяти, сообщил нам то, что мы и так знали: у Нормы в матке раковая опухоль. Он сидел за столом для осмотра больных на возвышении и свысока смотрел на Норму. Затем он произнес твердым тоном, не терпящим пререканий: «Что ж, мы удалим матку, а затем назначим вам сеансы радио- и химиотерапии. Вас положат в реабилитационное учреждение, и в течение нескольких месяцев вы поправитесь».

И хотя он не предложил Норме никаких других вариантов, он спросил ее, чего же она хочет. Она встретилась с ним взглядом и со всей уверенностью ответила: «Мне 90 лет, и я отправляюсь путешествовать».

Ясное дело, доктор был поражен и не знал, что сказать. Тим объяснил, что мы постоянно находимся в разъездах, колесим на

своем фургоне и собирались взять Норму с собой, если ей это интересно и она физически выдержит такие нагрузки.

Поведение доктора тут же изменилось, он просиял. Студентка медицинского училища была, казалось, удивлена: она не ожидала такого ответа от этой хрупкой пожилой женщины.

«Вы считаете нас безответственными? – спросил Тим. – Такое решение кажется нам естественным, но мы далеко не придерживаемся правил. Что вы думаете?»

«Нет, – ответил врач, – я не считаю вас безответственными. Нет никакой гарантии, что в таком возрасте она выживет после операции. А если даже все пройдет успешно, ей потребуется особый уход и придется бороться с побочными эффектами. Мы, врачи, ежедневно видим и обратную сторону монеты. На ее месте я бы тоже отправился с вами».

«В точку», – ответили мы с Тимом.

Нам еще многое предстояло сделать, чтобы выполнить наше обещание и взять Норму с собой в ее последнее путешествие. Мы не знали, сколько оно продлится и куда приведет нас.

Глава 2

Поиски

Северный Мичиган. Август

Тим

После смерти отца мы очень тосковали, но в течение всего месяца продолжали планировать наше путешествие. Мы постепенно начинали осознавать, что закончилась одна история, но началась другая. Его смерть будто замедлила ход времени, впрочем, так происходит всегда, когда теряешь близкого человека, но диагноз моей мамы дал нам понять, что на самом деле времени-то у нас очень мало. Сказал ли я отцу то, что хотел, или то, что было нужно, перед смертью? Почувствовал ли он мою любовь и благодарность? Папы больше не было, а мама умирала. Внезапно все изменилось: на протяжении долгих лет мы ежегодно навещали родителей и иногда звонили им, а теперь мы втроем будем жить в доме на колесах.

«Думаю, я хотела бы поехать», – сказала мама. Вот так просто. И через секунду мы начали составлять план путешествия с новым компаньоном – с моей слабой и разбитой горем мамой, зная, что наша жизнь кардинально изменится.

Мне было уже 57. Последние 15 лет я то и дело сменял комфортные условия жизни на спартанские, я жил обособленно от других. Иногда это было настоящим счастьем, а иногда выглядело более чем нелепо. Раньше нас было трое: я, Рейми и Ринго. А теперь мне предстоит стать сиделкой, соуправляющим мобильным домом престарелых.

Грусть нависла над нами плотным черным облаком. Когда она переполняла меня, я лежал на полу фургона, все еще припаркованного около дома родителей, запустив руки в мягкую и густую шерсть Ринго, и плакал до изнеможения. Только после этого я чувствовал временное облегчение и засыпал. Но мы не рассказывали друг другу о нашей тоске или страхах. Мы не сидели за обедом, предаваясь воспоминаниям. Вместо этого мы собирали вещи.

С мамой мы собирались путешествовать в течение года, а затем действовать по ситуации. Честно говоря, мы не думали, что она протянет целый год, но мы надеялись, что благодаря этой цели ее желание жить станет сильнее. За пять недель до

предстоящего отъезда нам нужно было много всего купить и сделать. Мама не могла передвигаться самостоятельно, поэтому мы через интернет заказали ей легкое и удобное в использовании кресло-каталку. Мы также должны были привести в порядок дом и помочь ей собраться, но для начала нужно было определиться с бюджетом, который устраивал бы каждого.

Мы с Рейми уже давно могли позволить себе не работать, так как жили довольно скромно, не брали в долг, и у нас не было детей. Мы всегда ездили на подержанных машинах и никогда не тратили много во время путешествий. Прежде всего, мы старались останавливаться на дешевых лагерных стоянках без удобств или же ночевали на стоянках магазинов или парковках общего пользования. Наши вложения ежегодно приносили нам небольшой доход, на который мы и жили. Этих денег хватало и на троих – без учета трат на личные нужды и еду для мамы. Ей также требовался ряд дополнительных условий: лагерь со всеми удобствами, более комфортное проживание и иногда питание в кафе и ресторанах – все то, чего мы старались избегать во время наших путешествий. Для этих целей мы решили воспользоваться маминим социальным пособием и частью пенсии отца.

Мы посмотрели стоимость проживания в доме престарелых, в месяц за комнату с соседом выходило порядка 8400 долларов, то есть 280 долларов в день. Согласно нашим расчетам, сумма, которую мы планировали потратить в путешествии, и близко не стояла рядом с этими цифрами. Более того, если мама отправится с нами, а не в дом престарелых, мы даже сэкономим часть того наследства, которое оставил нам мой отец. Поэтому вместо того, чтобы потратить деньги (около 120 000 долларов) на проживание в доме престарелых, мы вложили их в покупку дома на колесах, который можно было перепродать по окончании путешествия.

Наш «Airstream», разумеется, для троих был слишком маленьким, поэтому нашей следующей задачей стало найти фургон, который подошел бы нам всем. Мы с Рейми спокойно обходились душем на парковке супермаркета «Walmart» и жили на солнечной энергии, от которой заряжали лампы индивидуального освещения, но мы прекрасно понимали, что маме нужны более комфортные условия жизни.

Мы сидели за столом на кухне, снова ели сэндвичи с ветчиной и салатом и обсуждали, какой же фургон нам нужен. Первым в списке обязательных предметов стоял удобный стул для мамы, а также две отдельные спальные зоны с ванной посередине, чтобы мы не вторгались в личное пространство друг друга. «А что насчет стирки?» – спросила мама. И мы добавили в список стиральную машину и сушилку.

«Нам понадобится план нашего дома, чтобы Норма могла ориентироваться внутри», – сказала Рейми, склоняясь над ноутбуком, который стоял у нее на коленях, и подыскивая подходящий вариант по интернету. Мы сразу отбросили фургоны Г-образной формы, с небольшими дверными проемами и столом в центре кухни. Мы также решили, что наличие телевизора не должно быть главным критерием, а в камине нет необходимости. Нам была важна каждая деталь, а основное внимание мы уделяли таким вещам, как личное пространство и удобная зона общего пользования.

Наконец, мы нашли подходящий вариант: дом на колесах «Fleetwood Southwind 36D», оборудованный ванной с туалетом и раковиной, стиральной машиной и сушилкой, а также стулом в европейском стиле.

В интернете мы прошерстили все магазины подержанных фургонов в поисках «Southwind» за подходящую нам сумму. На продажу было выставлено 9 машин в разных штатах. Один за другим мы вычеркивали варианты, которые нас не устраивали: некоторые находились слишком далеко, другие были чересчур дорогими или имели очень большой пробег. В конце концов, мы остановились на фургоне, который продавался в Нью-Йорке, за 900 миль от маминого дома. Он подходил идеально, и мы не глядя внесли за него залог.

Итак, все было замечательно, кроме одного: поехать в Нью-Йорк на папином джипе «Патриот», а оттуда перегнать фургон в Мичиган казалось не самой удачной идеей, так как из-за трансмиссии прицепить джип к автодому было невозможно. Нам нужна была новая машина, причем, желательно, джип «Вранглер».

После нескольких неудачных попыток Рейми наткнулась на хорошее предложение о продаже в Чебойгане, штат Мичиган. Ленни, менеджер по продажам, сказал нам, что у него есть два подходящих джипа, но предупредил, что на одном из них тюнинга на 30 000 долларов, поэтому нам оставался лишь один вариант. Однако мы все равно решили поехать (дорога занимала всего полтора часа) и взять машину на тест-драйв.

Ясным июльским днем мы с Рейми сели в «Тойоту MR2», которую Стейси подарила моему отцу много лет назад, и отправились за новой машиной. Рейми, пристегнувшись, устроилась на переднем сиденье рядом со мной и, пока мы ехали на север по двухполосному шоссе, сквозь стеклянную крышу изучала белые облака. «Ты там спишь?» – спросил я ее.

«Нет», – ответила она, впервые расслабившись с тех пор, как мы приехали к родителям.

«А что делаешь?» – поинтересовался я.

«Со Стейси болтаю», – сказала она как ни в чем не бывало.

Пока мы искали новый фургон и прицеп, мы также пытались найти место во Флориде, где могли бы остановиться на зиму. Несмотря на июль месяц, все парковки для фургонов были уже зарезервированы. Казалось, во всем «солнечном штате» не осталось ни одного свободного места в течение всего сезона.

«Я прошу ее найти нам хороший лагерь во Флориде и идеальную машину, чтобы все прошло без проблем», – добавила она.

Мы опоздали на полчала и встретили Ленни у входа в необычный стеклянный павильон. Он был невысокого роста, почти как мама, с забавной походкой с подскоком и живой улыбкой. «Рейми! – воскликнул он. – Вы не поверите, но ровно полчаса назад к нам в продажу поступил новый «Вранглер». Я думаю, это именно то, что вам нужно».

Однако он был прав лишь наполовину: машина действительно была замечательной, но мы ПОВЕРИЛИ в это. Это был знак свыше, которого мы ждали. Наверное, в тот момент мы чувствовали в себе присутствие некой силы. Мы шли против системы, и никто (ни доктора, ни продавцы машин) не пытались отговорить нас от задуманного. Мы подумали, что наш сумасшедший план может сработать.

Весь вопрос только в том, сможет ли мама забраться на заднее сиденье джипа? Через несколько дней мы с Рейми вернулись в Чебойган, на этот раз прихватив в собой маму и Ринго.

«Вау! Мы его берем? Здорово!» – прошептала мама на ухо Рейми. Я усмехнулся: она была так взволнована, увидев машину, которая вполне подходила для сафари и сильно отличалась от коричневых «Бьюиков», заполонивших практически все парковки и улочки северо-восточного Мичигана.

Сразу же стало понятно, что мама слишком маленького роста и ей не хватает физической силы, чтобы самостоятельно забраться в джип. Тогда Ленни отыскал подножку, и вскоре мама торжественно восседала на заднем сиденье вместе со своим приятелем Ринго.

Ленни пришел в восторг: «Что скажете?»

Мама, которая обычно молчала и вела себя очень сдержанно, внезапно иронично ответила: «Ленни, послушай. Машина отличная, но есть две проблемы».

Ленни, переживая, что сделка сорвется, спросил: «Что не так?» – «Ну, во-первых, я не могу в нее залезть. Во-вторых, я не могу из нее вылезти. Но если вы согласны продать нам подножку, считайте, мы договорились».

В тот же день мы подписали все бумаги на наш новый джип. Вскоре я, полный решимости, отправился за новым фургонном.

* * *

Я глубоко вздохнул и встал, чтобы размять ноги. Наконец-то августовская жара спала и наступил прохладный и ветреный день. Я обошел вокруг дома и остановился в саду. За ним никто не ухаживал, и он постепенно приходил в запустение: сорняки обвили высокие и чахлые кусты помидоров. Трава стала густой, выросла до колен, а ветер разнес семена по всему саду, так что собирать урожай было уже слишком поздно. Запах плесени из западного подвала, в котором я провел все утро, перебирая вещи родителей, пропитал все мое тело и въелся в одежду, не желая выветриваться даже на свежем воздухе.

Вернувшись домой, я обнаружил, что бумаги моего отца чересчур аккуратно сложены в деревянный шкаф для хранения документов, стоящий в спальне для гостей. Толстые папки защищали инструкции и гарантийные талоны к вещам, которые уже давным-давно покоились на помойке.

Все было тщательно отсортировано и продумано, в стиле моего отца – никакого беспорядка, никаких проблем. Я никогда не видел, чтобы мои родители ругались или кричали, однако я никогда не видел их невероятно счастливыми. Мы никогда не говорили ни о деньгах, ни о здоровье.

Однажды я листал финансовую документацию родителей, и какая-то бумажка выпала на пол. Я наклонился и поднял ее, это была вырезка из газеты, рекламирующая полеты на воздушном шаре на другом конце штата. Позже, когда я полез в холодильник, чтобы достать прохладительный напиток, на дверце я увидел еще одну такую же бумажку, прикрепленную магнитом. А потом, роюсь в книге, я нашел и третью (ее использовали в качестве закладки). «Папа всегда хотел полетать на воздушном шаре, – сказала мама, когда я показал ей свои находки, – но он так никогда этого и не сделал». Я чувствовал себя одновременно и подавленным, и удивленным. Мой папа? Он мечтал о такой безрассудной авантюре? Я не мог поверить в это.

Насколько хорошо я знал своих родителей? Как большинство детей, я мог описать их во всех подробностях. Они были настолько предсказуемы, что мы с Рейми часто шутили, что знаем, чем они занимаются, даже когда нас разделяли километры. В полдень они обедали сэндвичами с мясом, жареной

картошкой и маринованными огурцами. Затем в 13.00, просмотрев дневную почту, они дремали каждый в своем кресле. Они всегда ужинали в 17.30 и ложились спать сразу же после десятичасового выпуска новостей.

Родители прожили вместе практически 70 лет. Лидером в семье был папа, он всегда улыбался и часто шутил невпопад, но зато он был веселым, общительным и легко сходиллся с новыми людьми. Маме даже не нужно было разговаривать, когда рядом был папа. Она могла просто улыбаться и смеяться над его шутками. Вдобавок она строила рожицы, которые прекрасно дополняли папины дурацкие истории. Мне кажется, что большую часть жизни она общалась с людьми не своим голосом. Я думаю, это был ее осознанный выбор – она предпочитала смеяться и наблюдать за происходящим.

И все же вот она, моя мама, бойкая, но немного застенчивая. Это она дразнит Ленни в автосалоне. А родительский дом до сих пор помнит неисполненную романтическую мечту отца. Да, я знал своих родителей, но не до конца: на карте еще оставались белые пятна. Пришлось ли маме набраться смелости, чтобы молчать все эти годы? Что еще они не попробовали в жизни? Что еще мама не рассказывает мне о моей сестре Стейси? А об отце?

Я жаждал получить ответы, пробиться через негибкую завесу, которая разделяла меня и родителей на протяжении всей нашей жизни. Интересно, будет ли у нас на это время?

Рейми помогла маме упаковать сумки, а я готовил все самое необходимое для фургона. Среди вещей, которые мама разложила по двум ящикам, я увидел выцветший красный свитер из сельской гостиницы у озера «Файерсайд Инн».

«Зачем ей это старье? – спросил я у Рейми. – Она ведь знает, что место в машине ограничено?»

«Это символ из прошлого, – ответила Рейми, – частичка того, по чему она сейчас тоскует».

Рейми была права. Мы с ней всегда брали мало вещей и практически ничего не планировали. Но я знал, что это путешествие будет другим.

Сборы и планирование неким необъяснимым образом заставили Норму еще больше думать о недавней потере. Она больше не будет жить в доме, наполненном тем, что было так дорого для нее и отца, не будет совершать свои ежедневные ритуалы, к которым она так привыкла за 67 лет брака. Она больше не сможет спать в собственной постели, которую еще недавно она делила с отцом, и держать подушку, на которой еще остался запах его тела. Только месяц назад она потеряла последнего и самого близкого брата, дядю Ральфа. Она пережила

всех своих сверстников и была последней в своем поколении.

Мама не плакала. Она была непоколебима в своей вере. Она выросла среди твердых и мужественных немцев. Она пережила Великую депрессию.

Однако тоска брала свое, что сказывалось на ее внешнем виде: она потеряла аппетит (хотя и до этого ела очень мало) и исхудала. Казалось, она уменьшается прямо на глазах. Она была тише, чем обычно. Она словно пребывала в замешательстве. Помню, она спросила нас: «А что я теперь буду делать?» Печаль и болезнь поглощали ее, но она по-прежнему не проронила ни одной слезы.

Ее решение поехать с нами выражало ее оптимистичный настрой, будто она говорила: «Я еще жива. Мое любопытство и радость не иссякли». И, хотя у мамы было множество симпатичной одежды, для путешествия она хотела купить обновки, чему мы были очень рады. Ее энтузиазм вдохновлял нас. Мы спросили ее, хочет ли она взять с собой что-то из дома. «Только одну вещь, – ответила она, – диванные подушки». Однако в этом было больше практического смысла (нам как раз нужны были подушки), нежели ностальгии.

«А фотографии папы или Стейси?» – спросили мы.

«Нет».

Тем не менее мы все же взяли снимок с нашей свадьбы на случай, если она вдруг передумает.

Вместо тех вещей, которые вызывали у нее тоску по прошлому, она решила взять в дорогу книги и головоломки. Первым она упаковала свой бинокль, а затем несколько пособий по естествознанию, чтобы по пути изучать окружающий мир. Мы перетянули струны на ее цимбалах, положили альбомы для рисования и нашли безопасное место для вязальных спиц. Мы дали ей старый iPod, чтобы она могла играть в солитера и другие игры, которые она освоила благодаря терпению Рейми.

Несмотря на то что она прожила здесь последние 28 лет, ей не было грустно покидать дом. Мы решили оставить все как есть до лучших времен. Нам хотелось, чтобы она тратила свою энергию на настоящую жизнь, а не на разбор хлама. Она никогда не хотела этим заниматься, впрочем, как и мы сами. Мы слили воду из труб и заперли дом, даже не сделав генеральную уборку. Мы не были уверены в том, что она доживет до того момента, когда мы решим вернуться сюда в следующем году.

Рейми положила дорожный атлас рядом с маминым креслом-качалкой в гостиной и достала книги о путешествиях Смитсона с полки в кладовке. У мамы была целая серия этих книг.

«Ты можешь выбрать любое место, и мы отправимся туда», –

сказали мы ей.

«Ой, я даже не знаю. Все так интересно. Я бы все посмотрела».

Но мы стояли на своем.

«Я всегда хотела побывать в Нью-Мексико, – призналась она, – не знаю почему, но меня всегда тянуло туда». По крайней мере, уже что-то.

Тем временем, мама похудела со 101 фунта до несчастных 94. Она выглядела очень хрупкой и апатичной, у нее кружилась голова, и она практически всегда молчала, словно ей нечего было больше сказать. Мы все еще видели в ней искру жизни, но мы также не могли не заметить, какой глубокий след в ее душе и теле оставили болезнь и лекарства. Наша поездка была многообещающей. У нас было много времени, чтобы поговорить, и, значит, я смогу задать ей интересующие меня вопросы, получить на них ответы и, возможно, узнать, кем же на самом деле является моя мама. Про себя я молился, чтобы она как можно дольше оставалась в здравом уме и могла все мне рассказать.

Наконец, настало время уезжать. Летним августовским утром мы выехали с нашей улочки и направились к двухполосному шоссе, ведущему на север. Когда я взглянул на Рейми, то понял, что вопросы были излишними. Мы оба вздохнули с облегчением.

Глава 3

Открытие

Хартленд. Август

Рейми

В первый день мы проехали лишь пару часов. Мы считали настоящим достижением уже то, что мы, наконец, выбрались из этого дома и Норма все еще могла путешествовать с нами. На стоянке местной городской ратуши мы прицепили джип к фургону, по дороге я наблюдал за тем, как менялось выражение лица Нормы по мере того, как мы все дальше и дальше уезжали от места, которое она называла домом на протяжении почти 30 лет.

Она сидела на стуле перед обеденным столом, пристегнув ремень безопасности. Отсюда она могла смотреть во все окна. Норма задумчиво изучала деревья, которые они вместе с Лео сажали в саду на протяжении многих лет. Мы не стали говорить никому из ее друзей о ее диагнозе. Норма не хотела видеть грусть в их глазах (зачем лишний раз беспокоить их?), однако эта тема не давала нам покоя с тех пор, как мы покинули дом.

Несколько минут назад Норма распрощалась со своими старыми друзьями и соседями. На ее лице не дрогнул ни один мускул, пока она махала им рукой и смотрела, как некоторые из них плачут. Теперь у нее оставались только мы. Все остальное отошло на второй план. Мы – Тим, Ринго и я – взяли с собой хрупкую пожилую женщину в путешествие, которое не имело особой цели. Я не могла перестать думать о том, сможет ли она снова увидеть свои прекрасные сады, не увядающие круглый год, или насладиться запахом лаванды, наполнявшим воздух воспоминаниями о юге Франции, где это чудесное растение всегда в цвету. Если бы я играла в азартные игры, я бы поставила на то, что и ее мысли были заняты тем же. Разумеется, она ни словом не обмолвилась об этом. Она аккуратно сложила руки на столе, в ее затуманенных глазах отражалось все то волнение и суматоха, которую она пережила за эти недели. Она плотно сжала губы. Теперь у нее начиналась новая жизнь.

Пока мы петляли вдоль берега озера Гурон, вдалеке я впервые заметила горизонт. Бирюзовая водная гладь, подернутая рябью, простиралась на мили, сливаясь со светлым небосклоном.

Пейзаж открылся мне в новом свете: когда я водила низкую легковую машину, я не видела ничего, кроме кедровых деревьев и берез, окаймлявших дорогу. Теперь, когда мы ехали в высоком фургоне, перед нашим взором предстал совершенно иной вид.

Лобовое стекло автодома стало для нас окном в новый мир. Меня вдруг осенило: несмотря на то что мы объездили почти всю страну вдоль и поперек, теперь у нас появился шанс взглянуть на уже знакомые нам места под другим углом. Даже под несколькими углами: через лобовое стекло фургона и глазами 90-летней женщины, которая практически никогда не покидала Мичиган, а до этого родной Толедо, штат Огайо, женщины, которая видела войны, бедность и потери и которая вопреки своей болезни набралась мужества и предпочла путешествие лечению.

В этот первый день пути я наслаждалась возможностью замораживать лед в морозилке автодома, раньше такой роскоши у нас не было. Перед ужином Тим и Норма пили холодное пиво, и мы подняли бокалы за наше успешное первое путешествие вместе. Норма приняла свой первый душ на борту нашего фургона, воспользовалась вакуумным туалетом (по крайней мере, попыталась нажать на ручку смыва) и сладко поспала на раскошном матрасе «Sleep Number».

А по другую сторону раздвижной двери мы провели бессонную ночь в наших новых апартаментах, оборудованных рулем, кухонной раковиной и диваном с небольшими надувными матрасами, которые приходилось поддувать каждую ночь.

Та свобода, за которую мы с Тимом так боролись всю жизнь, все еще была в наших руках, и все же в некотором вполне практичном смысле мы полностью потеряли ее. Каждый раз, когда Тим ворочался на надувной кровати, я просыпалась. Я понятия не имела, как мы с этим справимся.

* * *

На следующий день мы решили проехать через мост Макинак, самый длинный подвесной мост в мире. «Большой Мак» соединяет Нижний и Верхний полуострова штата Мичиган. Если взглянуть на карту, то именно в этой точке кажется, что озеро Гурон «целует» озеро Мичиган.

В тот день дул сильный ветер, и деревья сгибались под его натиском. Не самый удачный момент для того, чтобы проехать по мосту, соединяющему два Великих озера. В конце концов из-за штормового предупреждения мост закрыли для проезда

крупногабаритных машин, таких, как наша. Хотели мы того или нет, но нам пришлось остаться в лагере, возвышающемся над проливом Макино.

Начался холодный, морозящий дождь. Конец августа внезапно превратился в конец октября, и я почувствовала себя невероятно одинокой. Когда мы с Тимом путешествовали вдвоем, мы всегда могли рассчитывать друг на друга в плане бесед, развлечений, кухни и заботы о нашем питомце. Теперь же один из нас всегда был занят, помогая маме.

С Нормой было легко, и с самого начала она ясно дала нам понять, что не хочет становиться для нас обузой, и все же каждую секунду я думала о том, насколько комфортно она чувствует себя. Не болит ли у нее что-нибудь? Не скучно ли ей? Достаточно ли воды она пьет? Как заставить ее есть, ведь ей больше никак нельзя было худеть?

Перед отъездом я составила календарь на следующие четыре месяца поездки. Если бы меня спросили, где мы остановимся на ночь в такой-то день, до вчерашнего дня я бы с легкостью ответила. Но теперь, когда мы застряли в Милл Крике, меня терзало волнение, а сердце готово было выскочить из груди.

Последние месяцы были очень насыщенными: сначала мы пытались оправиться от тяжелой потери, а затем все наше время заняло планирование поездки. Когда мы предложили взять Норму с собой, идея казалась отличной: мы думали, что все будет хорошо и просто и мы продолжим жить своей жизнью с новым компаньоном, о котором заботиться не так-то уж и сложно. Однако ветер заставил нас ждать, мы не могли двигаться вперед, и земля словно уходила у меня из-под ног. Я просто сидела, пытаюсь осознать все происходящее.

Я размышляла над своей жизнью. Я давно чувствовала, что появилась на этой планете, чтобы сделать мир лучше, и моя работа была тому подтверждением: я давала советы детям и подросткам, координировала усилия по оказанию гуманитарной помощи после разрушительного наводнения, работала волонтером в местном центре ювенальной юстиции, собирала деньги для бесчисленного количества некоммерческих организаций и участвовала в движении, направленном на более активное вовлечение отцов в жизнь их детей. Пока мы сидели в лагере под дождем, все мои страхи вылезли наружу. Неужели мы просто устраиваем для Нормы экскурсию по всей стране, расходуя ископаемое топливо? Неужели я потеряла себя в постоянной заботе о другом человеке, к которой я не была готова? Неужели тоска заполнит внутреннюю пустоту, образовавшуюся из-за отсутствия цели, как это уже случалось

раньше?

Как я могу сделать мир лучше, заботясь только об одном человеке, об этой женщине, которая всегда казалась такой независимой и самодостаточной? С Нормой на борту мы лишили себя возможности помогать тем, кого привыкли поддерживать. Но смогу ли я как-то изменить мир без этих людей и без их помощи? «Я столько всего могу дать миру, – думала я, – но только не услуги сиделки». Это не мой дар. Он ничтожен, не имеет никакого значения и изолирует меня от других.

Я чувствовала себя точно так же, когда ушла со своей первой должности, чтобы посвятить все время путешествиям. Заполнить образовавшуюся пустоту мне помогла лишь работа в небольшом детском приюте в мексиканской деревне, когда мы последний раз были в Нижней Калифорнии. Мы планировали вернуться в приют и следующей зимой, но Норма была еще не готова пересечь с нами южную границу. Во мне говорил эгоизм, и я боялась, что это путешествие не оправдает моих ожиданий. Мне казалось, что, заботясь об одном человеке, я отказываю многим другим.

Мы с Тимом сделали решительный шаг, и теперь я думала о том, смогу ли я справиться с этим. Я знала, что нужно отпустить ситуацию, но как же это было сложно!

«Ты любишь фотографировать, – попытался подбодрить меня Тим, – возможно, если ты займешься этим, то на время отвлечешься от тяжелых мыслей». Но я еще не готова была перестать жалеть себя. «Мама не будет путешествовать с нами вечно, – продолжил он, – мы вернемся в Калифорнию к детям. Я обещаю. А пока у тебя есть возможность отточить свои навыки фотографа».

«Конечно, я люблю фотографировать, – думала я, – но как же мое желание изменить мир или хотя бы сделать его чуточку лучше? Как фотография поможет мне справиться с чувством одиночества от того, что я вынуждена отдавать свою заботу, не требуя ничего взамен?»

Я достала свой ноутбук и записала кое-какие мысли в блоге о путешествиях, который вела с 2011 года. И хотя его читали всего лишь человек пятнадцать, я чувствовала, что это те люди, которые понимают меня. Возможно, им будет также интересно читать мои посты, если я стану писать не о природе, а о путешествии с пожилой женщиной, за которой требуется уход. Может быть, делясь своими впечатлениями через рассказы и фотографии, я не буду чувствовать себя такой одинокой.

Я напечатала название поста: «Новые горизонты, новые взгляды». Придумывая его, я вдохновилась одной из своих любимых песен Джимми Баффета. Норма погрузилась в чтение

книги, а мы с Тимом, облачившись в плащи-дождевики, отправились на прогулку по берегу озера. Мы искали камешки причудливой формы для Нормы, нашего домашнего геолога-коллекционера. Вернувшись, я обнаружила несколько комментариев, которые уже успели появиться под моей записью. Мы зачитали их вслух, надеясь, что от них Норма придет в не меньший восторг, чем когда-то от почтовых писем.

«Кто сказал, что нельзя отправиться в путешествие в девяносто лет?» – писал один из читателей.

«Вперед! – писал другой. – Можно столько всего посмотреть и сделать, причем ничего не планируя. Это так круто! Спонтанность рулит!»

Несмотря на видимую усталость, ее глаза загорелись, в них появился интерес. «Неужели этим людям есть дело до нашего путешествия? – спросила она. – Но почему?»

Я удивилась, почувствовав облегчение, охватившее меня, пока мы читали Норме комментарии и разделяли с ней радость от этих теплых слов. Отчасти Тим был прав. Фотографии действительно помогли мне, но не только они. Я делилась с другими своими рассказами и фотографиями, ощущала себя частью некоего сообщества, и это утешало меня. Эти люди показали мне, насколько я боялась отступить от своих ожиданий.

Выхода не было: погода испортила наши планы, Норма вмешалась в привычный ход жизни, а новый уклад, разумеется, изменил мое видение себя. Я ощущала одиночество, потому что отправлялась в неизведанное путешествие, и мне приходилось заново узнавать своего мужа и свекровь. Но я должна была плыть по течению, а не против него.

Мои читатели открыли мне то, чего я не могла увидеть из-за страхов: даже самым заядлым кочевникам иногда нужно сделать паузу и отпустить все свои ожидания. Внезапно все наши планы, так тщательно проработанные на следующие четыре месяца, изменились. И теперь нам пришлось воспользоваться самым простым запасным планом – вовсе отказаться от планов.

* * *

Мы прождали в Макино-Сити три дня, пока городские власти не открыли проезд для крупногабаритного транспорта. В каком-то смысле пересечь «Большой Мак» стало для нас неким ритуалом. На Верхнем полуострове ощущаешь себя по-другому: здесь местность более гористая и дикая. По дороге на запад встречаются в основном неприступные березовые, кедровые и

сосновые леса, а сама трасса усеяна золотарником, рогозом и кустами дикой моркови. Слева простирается озеро Мичиган, его девственный берег говорит о том, что сюда практически не ступала нога человека.

Пока мы пересекали центральный часовой пояс, Норма не сводила взгляда с большого окна в столовой. «Добро пожаловать в Висконсин!» – объявила я.

Она заговорила, достаточно громко, чтобы я могла услышать ее на переднем сиденье. В голосе звучало волнение: «Ой, а я никогда не была в Висконсине». Ни я, ни Тим не знали, что она никогда не пересекала границу Мичигана и не ездила в соседний штат. Вскоре мы оказались на неизведанной территории.

«Будет весело!» – решили мы с Тимом. «Молочный штат» встретил нас холмами, усеянными красными амбарами, тюками сена и пастбищами, на которых гуляли черно-белые коровы. Картина постепенно начала складываться. На амбарных стенах мы увидели старую рекламу: «Жевательный табак» и «Пейте кока-колу», мы заметили, что Норма поддалась ностальгии, когда мы проезжали мимо. Она хотела взглянуть на гору Рашмор, и мы планировали попасть туда до того, как ее здоровье ухудшится.

* * *

Добираясь из пункта А в пункт Б (при условии, что по пути никуда заезжать не нужно), многие из тех, кто путешествует в фургонах, останавливаются на стоянках без удобств. Найти бесплатную парковку для автодома не так сложно, как кажется. С помощью приложения на iPad мы с Тимом заранее находим на карте места для ночлега. Иногда можно останавливаться и на стоянках для грузовиков, однако там бывает очень шумно. Фургонщикам намного больше подходят парковки гипермаркетов, казино, ресторанов типа «Крекер Бэрел».

Правила просты: мы всегда заранее спрашиваем разрешения и никогда не остаемся больше чем на одну ночь. Иногда все проходит как нельзя лучше. Если встать с краю, то вдобавок можно увидеть простирающиеся поля и равнины. Иногда, конечно, попадаешь на шумный карнавал или же на ночную автогонку. Тогда, сидя в фургоне, ты чувствуешь запах попкорна и сахарной ваты или же выхлопных газов из трубы грузовика, пробирающегося между рядов бесхозных машин. Но вскоре привыкаешь к шуму автомобилей, смеху детей, музыке, доносящейся с карусели неподалеку от парковки. Мы всегда были благодарны просто за то, что благополучно смогли переночевать,

расслабиться в фургоне, вытянув ноги, и насладиться стряпней Тима.

Мы останавливались в подобных местах на протяжении многих лет, просто не рассказывали родителям, как часто мы ночуем на парковках гипермаркетов «Walmart». И так как мы знали, что это самый лучший способ путешествовать, нам нужно было подготовиться к этому Норму. Никто из нас не знал, как она отреагирует на то, что придется остановиться, скажем, на стоянке магазина «Home Depot».

Мы начали с парковки у казино «Oneida Nation» в Грин-Бей, штат Висконсин, где оставили машину под деревьями. А затем мы решили, что лучше будет сразу поставить ее перед фактом. Это как учить ребенка плавать – бросаешь его на глубину, а уж он вынужден как-то барахтаться, чтобы не утонуть. Поэтому вскоре мы припарковались на стоянке «Walmart» в Блу-Эрте, штат Миннесота.

Нас поразило, насколько Норма стремилась выйти из зоны комфорта и как легко она согласилась заночевать на парковке (мы знали, что многие не пошли бы на это). Мы начали прощупывать почву заранее, чтобы понимать, на какие условия можем рассчитывать, а на какие она не согласится.

Я никак не могла выбросить из головы комментарии своих читателей, которые советовали просто расслабиться. Мне начало казаться, что я должна удовлетворять духовные потребности, находящиеся на вершине пирамиды Маслоу, а задача Тима обеспечивать наши базовые нужды. Он занялся поиском еды, воды, крова и вопросами безопасности, в то время как я пыталась привнести в нашу жизнь сплоченность, спонтанность, креативность, опыт и цель. Я не хотела внезапно столкнуться с какой-нибудь непредсказуемой ситуацией, я пыталась просчитать все до мелочей.

Мы собирались переночевать под мерцающим фонарем, так как на парковке гипермаркета это было единственное место, расположенное на ровной поверхности дороги, но для начала вместе с Нормой мы отправились на разведку. Мы проехали по улице и вернулись обратно, обогнув местный ресторан быстрого питания «Дайри Квин». Мы хотели показать ей кое-что особенное. «Смотри», – сказал Тим, наслаждаясь моментом. В ту же секунду мы остановились перед самой большой (и, наверное, единственной в мире) статуей Веселого зеленого гиганта. Символ компании по производству замороженных овощей возвышался над нами на высоте 55 футов.

Я думаю, что именно эта статуя задала тон нашему дальнейшему путешествию. Теперь мы были готовы ко всему. Мы

надеялись, что она поможет нам расслабиться и, возможно, благодаря ей выражение лица Нормы станет чуть менее серьезным.

Одетая в зеленый вышитый свитер, Норма поднялась и, ковыляя, направилась к статуе. Когда она подошла ближе, она отдала нам трость и положила руки себе на бедра, встав в ту же позу, что статуя. Я достала фотоаппарат и начала делать снимки, весело смеясь: меня забавляла эта хрупкая, обычно сдержанная женщина, теперь пытавшаяся пародировать Зеленого гиганта.

Впервые за долгие годы мы с Тимом видели, как она улыбается *по-настоящему*. За пять недель до отъезда мы пересматривали старые фотографии в ее доме и были удивлены, что она ни на одной не улыбалась. «У меня просто нет удачных фотографий, – объяснила она мне, – и никогда не было». Она принимала это как должное.

И вот уже через несколько дней нашего путешествия она открылась нам с новой стороны: она была не просто счастлива и улыбалась, она дурачилась, наслаждалась собой. Она последовала за тенью, которую отбрасывал гигант, и дошла до тантамарески^[1], рекламирующей продукцию «Little Green Sprout». Норма как ни в чем не бывало просунула голову в небрежно вырезанную дыру и начала позировать для еще одного фото. В ее глазах читалось желание побаловаться и неподдельная радость. Внезапно я поняла, что в этой женщине было намного больше жизни и энергии, чем я думала раньше. Она умела сочетать совершенство и абсурд. Она не стала лишать себя удовольствия попробовать что-то новое, вместо этого она позировала и дурачилась, не спрашивая, зачем ей все это нужно.

Возможно, в ней всегда таился этот талант, просто она не давала ему выхода. Возможно, возраст и болезнь подарили ей возможность сделать то, что раньше смутило бы ее. Возможно, покинув свой дом в Преск-Айле и избавившись от всех домашних забот, она почувствовала себя свободней. Возможно, она больше не переживала о том, чтобы фото получались «удачными», вместо этого она была готова сделать «реалистичные» снимки: глупые, смешные, радостные и правдивые.

В тот момент мое сердце растаяло. Женщина, которую я знала на протяжении двух десятилетий, а Тим на протяжении всей его жизни, теперь была не просто «Нормой» или «мамой», она стала мисс Нормой. «Эта девяностолетняя старушка еще задаст жару», – сказала я себе. Именно в этот момент я поняла, что нам многому предстоит научиться у самого невероятного человека из всех знакомых мне людей – у моей свекрови.

Мы продолжили наш путь по автомагистрالي I-90 через

Хартленд, по дороге заезжая ко всем возможным достопримечательностям. Мы не стали менять маршрут к горе Рашмор, потому что в этом не было необходимости: трасса просто кишела необычными и забавными достопримечательностями, которые определенно стоило посмотреть. В предыдущих поездках мы с Тимом иногда останавливались здесь, а иногда просто проезжали мимо. Теперь мы сознательно тормозили машину, когда замечали что-нибудь интересное. Норма вдохновляла нас своей улыбкой, и мы постоянно пытались рассмешить ее.

Следующую остановку мы планировали сделать в Митчелле, штат Южная Дакота, родине единственного в мире Кукурузного дворца (или, как называют его местные, самой большой кормушки для птиц). Изначально дворец был построен, чтобы отпраздновать обильный урожай, собранный в течение года. Стены здания, сделанные из кукурузы, соломы и других природных материалов, расписаны тематическими фресками и ежегодно обновляются. Нам повезло, и мы приехали в самый разгар фестиваля Кукурузного дворца, в честь которого здание украсили самыми новыми фресками. Улицы были закрыты для движения транспорта, повсюду красовались фотографии и символы кукурузы. «Встаньте с Ринго вон туда», – сказал Тим своей маме, пока я фотографировала их на фоне гигантского початка кукурузы.

По пути из Митчелла в Рапид-Сити (275 миль) мы заметили, что по всей Южной Дакоте простираются огромные поля подсолнечника, деревьев почти нет, а вот рекламных щитов более чем достаточно. Соблазнившись сотнями нарисованных от руки рекламных табличек, мы отправились к гипермаркету «Wall Drug». На улице было почти 40 градусов жары, поэтому мы просто не могли не остановиться в просторном магазине с кондиционером, который к тому же является известной во всем мире достопримечательностью.

Он был основан в 1931 году, и его первый владелец привлек к своему делу автолюбителей, предлагая ледяную воду одуревшим от жары туристам, направляющимся на запад к недавно открытому национальному монументу – горе Рашмор. Мы и сами выпили по стаканчику воды. Пока мы гуляли, Норма забралась на огромную статую рогатого зайца, обнаруженную ею во дворе между зданиями. Пока мы пробирались через прилавки к стенду с открытками, которые хотели послать домой, она остановилась и погладила чучело бизона, в несколько раз превосходившее ее саму в размерах. Она оживала на глазах.

Позже, на этой же неделе, мы достигли своего первого крупного пункта назначения: горы Рашмор, национального

памятника, расположенного в горном массиве Блэк-Хиллс в городе Кейстоун, штат Южная Дакота. Он был спроектирован в 1923 году с целью развития туризма в стране. Гутзон Борглум и еще 400 рабочих потратили 14 лет, вырезая из гранитных образований громадные (высотой в 60 футов) скульптурные портреты президентов США: Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона, Теодора Рузвельта и Авраама Линкольна. Вскоре мы поняли, что одни их головы имеют такой же размер, как и вся статуя Зеленого гиганта целиком.

В центре для посетителей моя скромная свекровь радостно привела в действие муляж взрывчатки на интерактивном дисплее, а после хохотала до упада над роликом о настоящем взрыве на горе.

Перед ее шалостями и заразительным смехом не устоял и девятилетний мальчик, который также смотрел фильм. Вскоре его примеру последовала и его семья, и весь зал наполнился весельем. Зрители подначивали Норму взорвать что-нибудь еще.

Мы начали осознавать, что ее веселье заряжает, причем не только нас, но и окружающих. Да, одна ее часть нуждалась в заботе и постоянной поддержке, что так сильно испугало меня утром, но мы постепенно открывали и другую ее сторону. Эта Норма, мисс Норма, подарила нам нечто бесценное в ответ на нашу заботу: свой искренний восторг, дух авантюризма, желание играть с миром и познавать что-то новое, предаваясь радостному самозабвению. Мы не знали, нравятся ли ей эти огромные скульптуры из-за того, что она интересовалась историей США, геологией, искусством, или просто потому, что они являли собой невероятное творение. На самом деле это не имело никакого значения. Она не могла отвести взгляда от гигантских каменных бюстов, она читала каждую надпись в парке. Норма, как губка, впитывала все, каждую каплю, и вскоре мы сами тоже уподобились ей.

Норма никак не могла объяснить нам, что хотела бы обязательно успеть сделать до конца жизни. Вначале мы очень на это надеялись (в конце концов, это помогло бы нам спланировать поездку). «Ну, я не знаю», – то и дело повторяла она, и вскоре мы поняли, что ничего от нее не добьемся.

Иногда меня ужасно расстраивало, что она не принимает никакого участия в планировании путешествия. «Интересно, все дело в возрасте? – думала я. – Из-за этого ее мозг не способен четко формулировать идеи? Или, может, она просто не думала о том, что мы будем спрашивать ее мнение?» Но спустя некоторое время я начала ценить ее молчание. Оно открывало нам массу новых возможностей.

Без обязательной программы мы могли просто плыть по течению. Мы еще многого не видели и не сделали, а Норма больше всего на свете хотела узнать, что же будет дальше, какие варианты предложит нам судьба. Конкретный список только ограничил бы наши возможности. На этот раз мы отправились в путешествие не для того, чтобы следовать заранее составленной программе. Наоборот, когда в первый день на мосту Макинак наши планы сорвались и после того как мы спонтанно останавливались по пути, чтобы посмотреть приглянувшиеся нам достопримечательности, мы поняли, что в этой поездке мы должны жить здесь и сейчас, принимая все, что дает нам жизнь. Мы ни о чем не пожалеем, и нет необходимости торопиться.

Тем не менее мы должны были решить, в каком направлении двигаться дальше. К счастью, у нас было несколько зацепок: Норма любила геологию и была патриоткой. Она никогда профессионально не занималась искусством, зато изучала его в колледже, и мне действительно казалось, что творческий взгляд на мир живет внутри ее. На протяжении долгих лет она плела корзины и жертвовала их на благотворительность. Она также мастерила серебряные украшения, глиняные горшки и рисовала углем. Судя по ее великолепным садам, она также интересовалась естествознанием.

К тому же мы хотели отправиться на запад, чтобы Нью-Мексико находился в зоне досягаемости. Летом по возможности мы старались избегать знойных уголков страны. Исходя из этого, мы оставались на севере, держа путь на запад, зная, что Норме понравится барельеф на горе Рашмор. И мы были правы. Отсюда имело смысл поехать в одно из самых удивительных мест не только в США, но и во всем мире: в Йеллоустонский национальный парк.

Мы отказались от идеи составить четкий план и решили просто сказать «да» тем возможностям, которые будут открываться нам во время поездки, разумеется, принимая во внимание интересы Нормы. Мы посчитали нужным плыть по течению и, не сопротивляясь, полностью доверились судьбе. Мы использовали любой удобный случай, чтобы получить новый опыт, и каждый из них стал чем-то важным для нас. В результате в какой-то момент мы могли оказаться перед полотнами Эндрю Уайета, изучая мазки его кисти, а в другие – что ж, просто смеяться над тем, как Норма позирует рядом с Зеленым гигантом.

В конце концов, между такими понятиями, как «быть живым» и «жить», существует ощутимая разница. И Норма уже доказала нам это. Мы стали замечать, что теперь все мы больше улыбались, в нас проснулась жизнь, и нам хотелось говорить «да», не

останавливаясь. Мы искали любые возможности, надеясь встретить что-то новое, веселое или трогательное. Поэтому я ничуть не удивилась, когда ни с того ни с сего получила имейл от Тани, моей подруги, с которой я не общалась около 15 лет. В электронном письме она писала: «Я вспоминала о тебе, надеюсь, у тебя все хорошо. Сейчас мы живем в Южной Дакоте. Напиши, как сможешь».

«ПРЯМО СЕЙЧАС мы как раз в Южной Дакоте!» – быстро ответила я. Это совпадение позабавило меня. Я пояснила, что с нами едет мама Тима, и отправила ссылку на страницу в Фейсбуке, которую теперь вела вместо блога о путешествиях с Нормой.

«А свекровь пиво любит? – пришел мне странный ответ. – У нас с Джошем теперь своя пивоварня в Спеарфише, и я хочу дать мисс Норме попробовать пиво собственного изготовления».

Не колеблясь, я написала: «Конечно!»

Вскоре моя давняя подруга приехала с тремя ящиками (по шесть банок в каждом) непревзойденного пива из пивоварни «Crow Peak». Тим открыл банку удостоенного наград эля «Сапуон Креат» и отдал ее своей маме. Норма сделала глоток освежающего напитка и с блеском в глазах произнесла: «Не думаю, что смогла бы сделать ЭТО в доме престарелых!» Затем она поднесла холодную банку к губам и сделала еще один глоток.

Осознав глубокий смысл ее слов, я почувствовала отклик в своей душе. Вот в чем, оказывается, заключалась цель нашего путешествия: дать умирающей женщине, которая так любила и лелеяла других всю свою жизнь, возможность узнать что-то новое и насладиться своими последними днями на этой земле.

Все изменилось, никто из нас не знал, что будет дальше. Но мы были уверены лишь в одном: взять Норму с собой было правильным решением.

Глава 4

Доверие

Йеллоустонский национальный парк, Вайоминг. Сентябрь

Тим

Горы Бигхорн простираются вдоль северной части Вайоминга и южной части Монтаны. Между горными пиками высотой более 12 000 футов находится множество чашеобразных углублений, полукруглых долин и ледниковых озер. Горы Бигхорн являются отрогом Скалистых гор и располагаются в 200 милях к северу от Великих равнин. Они стали первой возвышенностью на нашем пути. «Мы сделаем это, – сказал я перед тем, как начать подъем на нашем фургоне с бензиновым двигателем по серпантину, выходящему вдоль края обрыва, – люди, путешествующие в домах на колесах, постоянно забираются сюда». Я чувствовал, что мои ладони вспотели и руль стал мокрым.

В такие сложные моменты Рейми замолкает, стараясь не дышать. Я считаю, что в большинстве случаев она слишком уж нервничает, но я понимал, что она успокоится, как только мы достигнем вершины. Но вот, когда мы уже практически добрались до верха, что-то пошло не так. Я вжал педаль газа в пол, но фургон, накренившись, едва ли двигался вперед. Палящее августовское солнце обжигало меня своими лучами, пробивающимися через боковое окно, из-за чего я чувствовал себя еще хуже. По мере того как наша скорость снижалась, я начал искать место, чтобы остановиться. Но вокруг была лишь пропасть глубиной в тысячу футов. Теперь-то я знаю, что эту ситуацию можно было бы предотвратить простым нажатием кнопки TOW/HAUL на торце рычага АКПП, но тогда я только начинал водить такие машины, поэтому нам ничего не оставалось, кроме как продолжать путь вверх, а тяга двигателя между тем продолжала уменьшаться.

«Мы доедем?» – Рейми нервничала и покусывала костяшки пальцев.

«Конечно», – соврал я. Я знал, что, остановившись посередине дороги, мы столкнемся с массой неприятностей.

Мама сидела за столом и смотрела в окно, любуясь невероятным пейзажем, ее не волновали наши проблемы. Либо

она верила в то, что мы справимся, либо, что было более вероятным, просто не слышала нашего взволнованного разговора.

Мне казалось, что я вот-вот продавлю пол ногой, когда внезапно я заметил знак, указывающий на то, что мы приближаемся к вершине. «Пожалуйста, еще немного», – шепотом молил я. И в тот момент, когда мы практически остановились, дорога изменила свой уклон и начала спускаться вниз к следующей долине. Мы были похожи на неваляшку, которая вот-вот должна была перекатиться вперед.

«Я же говорил, что мы сделаем это», – сказал я максимально уверенно. Дальше мы все время ехали под горку. Рейми снова начала дышать, и наконец мы добрались до города Тен-Слип^[2], штат Вайоминг.

«Как думаете, почему его так называли?» – хором спросили мы друг друга, въехав в городок с населением в 257 жителей. Позже мы выяснили, что имя этому месту с богатой историей дали индейцы народа Сиу, так как путь отсюда до следующего крупного индейского поселения занимал десять дней или, если быть точнее, десять ночей.

На входе в причудливый лагерь-мотель, расположенный в западной части города, нас встретили старые деревянные повозки, усеянные цветами. Хозяин оказался очень приятным парнем, который явно гордился своим лагерем. Когда мы въезжали внутрь, он сажал деревья. После путешествия по голым горным вершинам хребта Бигхорн это место показалось нам настоящим раем. Он поприветствовал нас в своем кабинете, зарегистрировал, предложил выпить прохладной воды, а затем зашел к нам, чтобы удостовериться в том, что у нас все в порядке. Мы все глубоко выдохнули после долгого дня и непростого подъема в фургоне и решили воспользоваться предоставленными удобствами.

Наш лагерь находился через дорогу от местного родео-парка и футбольного поля средней школы. Было видно, что игроки только что закончили тренировку и толпились вокруг трибун родео, ожидая, когда их повезут домой. Мама заметила, что среди них есть и девочки, одетые в шлемы и наплечники.

«А это что, девочки в форме?» – спросила мама. «Они самые», – согласились мы. Позже мы узнали, что в Тен-Слипе не хватает мальчиков, чтобы сформировать команду, поэтому играть приглашают и девочек. «Ничего себе», – добавила она. Мы с Рейми переглянулись и улыбнулись друг другу.

Через 150 миль и одну ночь вместо десяти мы въехали в восточные ворота Йеллоустонского парка, гордо продемонстрировав мамино пенсионное удостоверение. Ворота были настолько узкими, что между ними и боковыми зеркалами нашего фургона оставалось буквально по паре сантиметров. «Добро пожаловать в Йеллоустон, Норма», – крикнула Рейми так, чтобы ее было слышно в кабине фургона. Каждый раз, когда мы пересекали границу штата, она громко сообщала об этом маме, теперь ей казалось, что целесообразно будет объявлять и названия национальных парков.

Йеллоустон, главный национальный парк США, – это заповедник площадью 3500 квадратных миль, расположенный в вулканической кальдере, или котловине. На территории парка находятся невероятные каньоны, леса, альпийские реки, горячие источники и бьющие из-под земли гейзеры, в том числе и самый известный среди них, Старый служака. Парк также населяют тысячи видов животных, включая медведей, волков, лосей, антилоп, выдр и бизонов.

«Надеюсь, мы увидим медведя», – сказала мама, когда мы въехали в парк.

«Да, я уверена, что мы встретим каких-нибудь диких зверей», – ответила Рейми. Не успела она произнести это, как мне, как и группе движущихся впереди туристов, пришлось затормозить: дорогу переходило стадо бизонов. Мы полностью остановились, и Рейми быстро достала фотоаппарат, чтобы запечатлеть мамино удивление, когда огромный самец бизона заглянул в ее окно. Он находился в некоем замешательстве и рычал, наполняя воздух своим зловонным дыханием.

Пытаясь сделать идеальный снимок, Рейми продолжила: «Еще мы увидим бурлящие грязевые источники и гейзеры. Это потрясающее место, Норма!»

Мы сдержали обещание и через несколько дней доехали до Верхнего бассейна гейзеров. «Здесь находится самое большое число гейзеров во всем мире, мам», – сказал я, любуясь пейзажем. Вдалеке виднелись сотни струй пара, выбивающихся из земли, – а мы еще даже не отъехали от парковки. На самом деле, этот бассейн площадью в две квадратные мили располагает одной четвертью всех гейзеров на земле. Помимо бьющих из-под земли гейзеров нам встретились цветные горячие источники и фумаролы с серными испарениями. Мы сразу же почувствовали запах тухлых яиц.

«Мы покатаем тебя в кресле, и ты сможешь все посмотреть», – сказала Рейми.

«Да? Но разве это возможно?» – спросила мама, немного

отропов.

Мы объяснили ей, что этот парк предлагает не только уникальную природу, но еще и отличный сервис, и он оборудован специальными дорожками для кресел-каталок.

«Я думаю, тогда все получится», – наконец, сказала она, но голос ее звучал настороженно.

Это была наша вторая крупная остановка после горы Рашмор. Во время посещения барельефа я тоже катал ее в инвалидном кресле, но там все дорожки были асфальтированы, оснащены специальными ограждениями и выглядели довольно безопасно. Здесь же все было по-другому: вместо асфальта мы ехали по деревянному настилу, который лишь на пару сантиментов возвышался над хрупкой корой, покрывающей вулканическое поле. К тому же не было никаких ограждений, кроме низкого бортика, сделанного из простой доски 2 на 4. И единственной опорой, удерживающей маму от падения на камни или в бурлящую грязь, был я, и я совершенно не был уверен, что в вопросах личной безопасности она полностью доверяет мне.

До Старого служак было рукой подать. За последние 30 лет мы с Рейми много раз видели, как он извергается, а вот моя мама в свои 90 лет наблюдала эту картину впервые. Мы внимательно следили за ней, ожидая увидеть на ее лице восторг и изумление, когда в воздух на 100 футов вверх поднимутся около 8000 галлонов кипящей воды. Этот спектакль длился всего лишь несколько минут, а когда все успокоилось, туристы со всех уголков мира, наблюдающие за шоу матери-природы, начали аплодировать. Мама смотрела на все происходящее с открытым ртом, пораженная величиим этого пейзажа.

Когда толпа разошлась, мы вернулись к настилу и проехали мимо других гейзеров: Анемона, Улья, Львиного гейзера, Непостоянного гейзера, Красавицы и Призматического гейзера. Я подвез маму как можно ближе к краю, чтобы она могла насладиться ими во всей красе. Мы терпеливо ждали, пока земля с грохотом зашевелится, выплевывая высоко в воздух струи воды и пара. «Не так близко», – закричала она, когда в нас полетели брызги.

Мы уже прошли несколько миль, и мама решила, что мне стоит передохнуть. Она попросила меня пройти последние сто ярдов вверх по склону и показать ей озеро Утренней Славы, изумрудный горячий источник с оранжево-желтой кромкой, цвет которой придают теплочувствительные бактерии, живущие при экстремально высоких температурах. Завораживающее зрелище, от которого мама долго не могла оторвать глаз.

Здесь же заканчивалась дорожка для инвалидов. Дальше к

бассейну Бисквит и другим гейзерам вела тропка, посыпанная гравием. Меня впечатлило, что мама согласилась проехать такое большое расстояние, и я решил спросить ее, хочет ли она продолжить нашу экскурсию. «Разумеется», – ответила она, не задумываясь.

В течение некоторого времени мне не было сложно везти ее по неровной тропе, но затем склон становился все более крутым, и я выбился сил. Мы уже дошли до середины холма, мама была в полном восторге, и ей хотелось идти дальше. Она уверяла меня, что сможет преодолеть весь оставшийся путь пешком, но вопрос был в другом: удастся ли потом мне спустить ее обратно. «Думаю, нам нужно вернуться», – сказал я.

С помощью ручных тормозов мы размеренным шагом вернулись на каменистую, но относительно ровную тропинку у подножия склона. Я никак не мог отойти от нашей прогулки, меня переполняли эндорфины и адреналин. Я заметил узкий проход, ведущий к горячему ключу, расположенному у кромки быстрого ручья. Я решил, что я попробую отвезти туда маму.

Я толкал кресло по грунтовой дорожке, и каждый раз, когда мы наезжали на камни, ее маленькое тело раскачивалось туда-сюда, напоминая тряпичную куклу. Ее морщинистые руки крепко держали ручки кресла, она нахмурила брови и плотно сжала губы. Казалось, что ей неудобно, она напугана и все ее нутро сопротивлялось происходящему.

Мы проделали невероятный путь. Несмотря на то что мы успешно взобрались на вершину горы Бигхорн, мы все еще шли по камням. Долгое время мы с мамой жили далеко друг от друга, и это породило некое недоверие между нами. За последние несколько недель я узнал ее с совершенно новой стороны – безрассудной и авантюрной, – и теперь я хотел показать ей все, что уже видел сам. Абсолютно все. Сможет ли она довериться мне настолько, что позволит мне везти ее по этой разбитой тропинке и стать ее проводником до конца своих дней?

* * *

Я узнал о доверии, когда мне было три месяца. Тогда я впервые встретился со своими новыми родителями. Это случилось за девять дней до рождества 1957 года, но они уже получили свой подарок – меня.

Родители росли во времена Великой депрессии. Маминому отцу лишь иногда удавалось найти подработку в Толедо, штат Огайо, и он не мог обеспечивать семью. Когда я был ребенком,

мама рассказывала нам с сестрой, как на ужин они делили пять тонких кусочков копченой колбасы на шестерых. Семья моего отца жила в Толедо и была ненамного богаче. Каждое лето его отсылали работать на ферму к тете, чтобы как-то облегчить финансовое положение семьи (у него не было отца, мама растила его в одиночку).

По крайней мере, живя на ферме, он лучше питался.

Когда началась Вторая мировая война, они оба добровольно отправились на фронт. Папа был служащим в корпусе армейской авиации, предшественнице ВВС, в Хикам-филде, штат Гавайи. Мама пошла за своим старшим братом, Ральфом, и вступила в ряды ВМФ. Ральф поступил на службу в 17 лет (он был несовершеннолетним), но мою маму дед не отпускал из дома, пока ей не исполнилось 20 лет. В итоге она записалась в женский спасательный батальон WAVES. После базового подготовительного курса в Нью-Йорке в вагоне холодного поезда она проехала через Канаду и направилась на юг Нью-Мексико, а затем на запад Калифорнии в военно-морской госпиталь Сан-Диего, где полтора года работала медсестрой. Она любила рассказывать всем, что ей быстро назначили международное жалованье, так как войска находились за пределами США. «С миру по нитке», – говорила она. Тогда в Тен-Слипе мне казалось, что она, издали смотря на девочек, которые играли в футбол, просто не могла на них налюбоваться. Я думаю, что ее вера в силу женщины была столь же непоколебимой, как и семьдесят лет назад, когда она сама стала одной из первых женщин в рядах ВМФ.

После войны мамин брат и мой отец сдружились. Они вместе ходили выпить пива или ковырялись в гараже. Однажды вечером в баре Ральф познакомил маму с папой, а позже они поженились. В 1950-х годах, когда вся наша страна была полна веры в светлое будущее американской нации, мои родители узнали, что не могут иметь детей. В течение десяти лет они помогали католической благотворительной организации ухаживать за детьми, и тогда им разрешили усыновить одного из малышей.

Я узнал о том, что меня усыновили, когда мне было шесть лет (родители рассказали мне об этом). Я был уже достаточно взрослым, чтобы понять, что такое усыновление, но мне было все равно, являюсь ли я их биологическим сыном или нет, ведь они были единственными родителями, которых я знал.

Вскоре нам позвонили и сообщили, что у меня будет сестра. Сразу же после моего усыновления родители решили взять еще одного ребенка, но процесс сильно затянулся. Я помню, как зазвонил наш бежевый дисковый телефон. Мама попросила меня

ответить на звонок. Я быстро передал громоздкую трубку, когда звонящий сказал, что хочет поговорить с ней. Она разговаривала таким взволнованным голосом, что я никак не мог дожидаться окончания беседы и расспросить ее о том, что происходит. «На следующей неделе к нам придет твоя сестра!» – закричала она. Я никогда еще не видел ее такой оживленной. Кроме того, я даже не знал, что у меня будет сестра.

Когда Стейси приехала, я был счастливей всех. Я вышел из школьного автобуса и побежал по тротуару к нашему скромному дому на улице Миддлбери. Я бежал вверх по ступеням, пока не оказался перед первой слева дверью. Здесь, в углу спальни около окна, я впервые увидел свою сестру в колыбельке. Она была маленькой, розовой как поросенок, а на ее голове практически не было волос.

Мама была домохозяйкой, она готовила, шила мне костюмы на Хэллоуин и обучала меня по карточкам с рисунками и цифрами. Папа нашел хорошую работу в региональном предприятии коммунального обслуживания. Нашу семью можно было с уверенностью отнести к среднему классу, что являлось большим достижением для человека, в два года потерявшего отца и закончившего только среднюю школу.

Папа был офисным работником, но иногда ему приходилось выходить в вечерние смены или праздничные дни. Бывало, он работал и днем, и ночью, и на следующий день – у него не было постоянного жесткого графика. Иногда я видел его только утром или перед сном. Я стоял под дверью спальни и слушал, как электрический вентилятор заглушает его храп. Я всегда хотел, чтобы он мог выйти на улицу и поиграть со мной в баскетбол или построить скворечник.

Возможно, именно поэтому я сблизился с мамой больше, чем с отцом. В конце концов, все свое время она посвящала мне. Вычитав в «Книге здравого смысла о детях и уходе за ребенком» доктора Бенджамина Спока, что нужно доверять своим инстинктам и быть уверенной в своих родительских способностях, она полностью следовала его советам. Воспитывая меня, она руководствовалась многими его принципами: порядок – это, конечно, хорошо, но детям не нужен строгий режим; не злитесь, если ваш ребенок дурачится; ваши идеи о правильном воспитании должны развиваться; детям нужна любовь.

И такой подход вовсе не сделал из меня эгоиста, который не уважает своих родителей, как утверждали некоторые из критиков доктора Спока. Я бы даже сказал, наоборот. Сейчас, смотря в прошлое, я вижу, что именно в тот момент у меня появился некий стержень, я научился быть независимым. Мама верила в то, что

вырастит из меня достойного человека, а я верил в то, что благодаря ее усилиям стану этим самым достойным человеком. Ее уверенность научила меня доверять себе. Больше всего я надеюсь, что не разочаровал ее.

Возможно, этот подход сформировал также личность моей мамы. Книга доктора Спока вышла в 1946 году. В то время в США мнение врачей считалось авторитетным в вопросах медицины. После Второй мировой войны Спок заставил новоиспеченных родителей поверить в правильность своих решений. Возможно, именно этими принципами мама руководствовалась и теперь, отказавшись от терапии и сообщив докторам, что отправляется путешествовать.

Однако сейчас я был взрослым человеком. В течение многих лет нас с мамой разделяло время и расстояние, к тому же между нами нет биологической связи. Мой отец и моя сестра умерли. И для мамы я стал единственным кормильцем, человеком, который заботится о ней, решает денежные вопросы и защищает ее. Сможет ли моя пожилая, хрупкая и тяжелобольная мама положиться на меня и поверить в то, что в душе я искренне мечтаю о том, чтобы наше путешествие прошло для нее наилучшим образом? Доверяет ли она мне так же, как я когда-то доверял ей?

Я отказался иметь детей, потому что не хотел брать на себя такой ответственности. Засыпая каждую ночь, я думал бы лишь о том, что готовит мне следующий день: как любой родитель, я должен был бы ежедневно защищать своих детей и финансово поддерживать их. Эта мысль сводила меня с ума. Теперь же из-за маминого нынешнего положения мне пришлось пересмотреть свои взгляды. Мы поменялись ролями, сейчас ей нужно было полностью довериться мне.

* * *

Я продолжал везти маму к горячему ключу у ручья. Я наклонил коляску назад, чтобы перекатить ее через корень огромного дерева. Мама, вцепившись в ручки кресла, напрягла все свои мышцы, словно готовясь к чему-то ужасному.

«Норма, – сказала Рейми, – Тим держит тебя. Все в порядке. Расслабься».

Я остановился, почувствовав, что наступил некий переломный момент, подобный тому, который мы пережили на горе. Дальше так продолжаться не может: мы ничего не добьемся, если будем и дальше сомневаться друг в друге. Да, долгое время

у каждого из нас была своя жизнь, но теперь-то мы зависим друг от друга. И нам нужно научиться взаимодействовать.

И вдруг случилось нечто невероятное: мама выпустила ручки кресла и широко раскинула руки так, словно она хочет объять весь мир. Уголки ее губ приподнялись, она стала дышать свободно, а на ее лице появилось выражение радостного умиротворения. Она заразила меня и Рейми своим позитивным настроением. Рейми быстро выхватила фотоаппарат, чтобы запечатлеть этот момент для будущего поколения.

Настоящее волшебство произошло не тогда, когда мы гуляли по главным достопримечательностям Йеллоустонского парка, а именно в тот момент, когда я катил маму по этой ухабистой тропке к ручью. На протяжении долгого времени моя мама была сильной и самоотверженной женщиной, пережившей множество трудностей: бедность, войны, бесплодие, смерть ребенка и мужа. Ей всегда проще было сказать: «Все хорошо, не волнуйся за меня», чем попросить о помощи. Но теперь она нуждалась во мне и в Рейми. И чтобы у нас была возможность действительно позаботиться о ней, мы должны доверять друг другу. И где бы мы ни находились в этом путешествии, мы не должны скрывать друг от друга свои слабые стороны.

Своим жестом мама показала, что всем сердцем доверяет нам и полностью отпускает свой страх. Ей больше не было необходимости контролировать ситуацию. В этот момент мы все поняли то, что свободу можно обрести только через доверие. Без него мы заключаем нашу радость в клетку и в прямом смысле лишаем себя возможности дышать. Но стоит только вспомнить о том, что кто-то поддерживает нас, и мы чувствуем, что можем расслабиться, спросить себя: «А почему бы и нет?» – и наслаждаться каждой кочкой на дороге.

Позже, когда мы оказались на ровной асфальтированной тропинке, ведущей обратно к центру для посетителей, мама снова удивила нас. «Ты катал меня весь день, – сказала она, – давай-ка ты передохнешь, а я тебя покатаю». Раньше я никогда не сидел в инвалидной коляске, и уж тем более меня никогда не катала в ней моя мама. Судя по косым взглядам и сочувственным кивкам головы, идущие навстречу туристы, должно быть, думали, что она везет меня уже довольно долго. На самом же деле мы проехали не так уж и много, но Рейми успела снять небольшое видео, которое мы пересматривали каждый раз, когда хотелось посмеяться. Люди, встретившиеся нам по пути, скорее всего, не догадывались о том, что мы пережили в этот день. Это была не просто поездка в инвалидной коляске, мы почувствовали крепкие объятия друг друга и ощутили сладкий вкус свободы: после невероятного

напряжения мы, наконец, могли расслабиться и отдаться на волю случая.

Мы с Рейми всегда напоминали маме об этой истории, когда видели, что она сомневается в моих способностях катить ее коляску или решать любые другие проблемы во время нашего путешествия. «Тимми держит тебя, Норма, – говорила Рейми, – вспомни нашу поездку в Йеллоустонский парк».

Глава 5

Перспектива

Боулдер, Колорадо. Сентябрь

Тим

Из Йеллоустонского национального парка и парка Гранд-Титон в штате Вайоминг мы двинули на юг, в штат Колорадо, вдоль хребта Уинд-Ривер, минуя континентальный водораздел и обогнув горы Медисин-Боу. На дворе стояла осень, и осинового цвета листья дрожали на ветру, а их невероятный золотой цвет контрастировал с кобальтово-синим небом, которое можно увидеть только на западе.

Уже месяц мы жили на возвышенности. Мы с Рейми вздохнули с облегчением, когда поняли, что мама не испытывает проблем со здоровьем, с которыми обычно сталкиваются люди, впервые оказавшись на высоте.

Кроме того, когда мы остановились у подножия Скалистых гор рядом с национальным парком Роки-Маунтин, она могла уверенно ходить пешком и катить свою легкую коляску. Если она уставала, она садилась в кресло, чтобы передохнуть перед тем, как двигаться дальше. С каждым днем ей становилось все проще забираться по ступенькам в фургон, она с удовольствием гуляла по окрестностям, а после возвращалась в наш лагерь на реке Биг-Томпсон. Она могла целыми днями сидеть в своем кресле и любоваться бурным речным потоком, попивая чай, читая книги или разгадывая sudoku. Иногда она вязала, и нам казалось, что ей все нравится.

Месяцем ранее, когда мы уезжали из Мичигана, мы с Рейми заметили, что у мамы распухли ступня и лодыжка. Но мы тогда узнали о смерти отца, а затем о мамином страшном диагнозе, и у нас совершенно не было времени заниматься этой проблемой. Теперь же было видно, что припухлость разрослась, поразив икру и голень.

Однако ее нога была не единственным поводом для беспокойства. Мы также заметили у нее частые головокружения, когда она вставала, чтобы отправиться в ванную в другой конец фургона. Она постоянно мучилась насморком и периодически засыпала и просыпалась в течение всего дня. Кроме того, каждый раз, принимая ванную, она невольно вспоминала о своем

страшном диагнозе. У нее ничего не болело, и она не чувствовала, что опухоль внутри ее растет, но каждый день у нее обильно текла кровь, так, что не спасали даже две прокладки. А этого она просто терпеть не могла.

«Это не очень хорошо, – сказал я, – возможно, все дело в перепаде высот, который влияет на ее кровообращение».

«Интересно, а могут ли являться причиной побочные эффекты таблеток, которые она принимает?» – ответила Рейми.

Мама пила много лекарств, и, чтобы найти ответы на наши вопросы, мы полезли в интернет.

Трижды в день мама принимала опиоидные анальгетики, чтобы снять боли от хронического артрита. Мы обнаружили, что опиоиды могут вызывать сонливость, спутанность сознания, головокружения, запор и, в зависимости от дозы, затрудненное дыхание. У мамы наблюдались многие из этих симптомов, но боли от артрита все равно не проходили. Причиной насморка, вероятно, стало еще одно лекарство для борьбы с высоким уровнем холестерина. Маме его назначил врач, который уехал из города много лет назад, и больше она к нему никогда не обращалась. Кроме того, недавние анализы показали, что уровень холестерина в ее организме снизился.

Кроме того, мы нашли довольно убедительную информацию о марихуане и входящих в ее состав компонентах. Например, мы выяснили, что каннабидиол (КБД) и тетрагидроканнабинол (ТГК), две основные составляющие марихуаны, принадлежат к уникальному классу каннабиноидов. ТГК больше известен как психотропное вещество, влияющее на изменение настроения, поведения и восприятия. Он также повышает чувствительность, способствует расслаблению и иногда вызывает острое чувство голода – на сленге, «пробивает на хавчик». Несмотря на то что сейчас это могло бы помочь маме (она начала бы набирать вес), я знал, что ей это не нужно.

КБД, однако, не является психотропным веществом. Более того, клинические исследования выявили его пользу при применении в медицинских целях. Мы с Рейми наткнулись на исследование, в ходе которого у пациентов, принимающих КБД для снятия воспалений, боли, чувства тревожности, лечения психоза, апоплексических ударов и спазмов, наблюдались положительные изменения. А еще в одном клиническом исследовании говорилось о том, что КБД способен уменьшить некоторые раковые опухоли.

Мы всегда чувствовали свою ответственность за то, чтобы маме было максимально комфортно и чтобы она не испытывала боли. Побочные эффекты лекарств мешали ей быть бодрой и в

полной мере наслаждаться жизнью, и мы хотели найти другие варианты.

Тогда мы решили попробовать КБД. В конце концов, мы были в Колорадо, который в 2014 году стал одним из четырех штатов, легализовавших марихуану. Теперь ее мог достать любой без специального рецепта. Однако мы также знали, что нам предстоит обсудить это с мамой.

Маму беспокоила опухшая нога, но перед тем, как мы покинули Преск-Айл, она ясно дала понять нам, что решила не только отказаться от терапии, но и от посещения врачей в целом. «Больше никаких уколов и примочек», – сказала она. Ей хотелось сохранить свое достоинство и право на личную жизнь, но мы видели, что она испытывает дискомфорт. Я попросил Рейми поговорить с мамой и предложить ей использовать крем с экстрактом марихуаны, потому что мне казалось, что мою жену мама воспримет серьезнее, чем меня.

У меня были причины так думать, ведь однажды, когда я еще учился в школе и мою одежду стирала мама, я забыл вытащить косяк из нагрудного кармана моего старого поношенного джинсового жакета, перед тем как отправить его прямым ком в корзину для белья. Мы никогда не поднимали эту тему, потому что мама не привыкла вести нравоучительные беседы, но затем в кармане свежестыранного жакета я нашел записку: «Надеюсь, ты бросишь курить эту дрянь. Мама». Косяк был аккуратно завернут в записку. Моя мама, ярая противница подобных вредных привычек, заботливо уберегла его от стирки, ополаскивания и сушки.

Я вышел из фургона и подошел к ширме, нервно прислушиваясь к разговору. Рейми спросила маму, слышала ли та когда-нибудь о креме с экстрактом конопли, средстве для кожи с содержанием КБД и других эфирных масел, таких как арника, перечная мята и можжевельник. Я был удивлен, когда мама ответила: «Разумеется».

«А ты бы хотела попробовать его? – напрямую спросила Рейми. – Он помогает от боли, и, возможно, припухлость на ноге спадет. Его можно достать в Колорадо».

«Да, я тоже думаю, он поможет», – ответила она, не задумываясь ни на секунду.

* * *

Мои родители никогда не использовали рекреационные психоактивные вещества, но мой отец выживал только благодаря

фармацевтическим препаратам. В 1978 году у него случился сердечный приступ, и ему потребовалось коронарное шунтирование. Первая успешная операция такого типа была проведена всего лишь десятью годами ранее, и несмотря на то что в то время хирурги оперировали уже до 100 000 больных в год, я сильно переживал за отца. Тогда я только переехал из Огайо в Колорадо и помню, как полетел домой, чтобы во время операции находиться рядом с семьей. Позже я узнал, что в тот же год от сердечного приступа скончался отец Рейми.

К счастью, мой отец успешно перенес операцию, но выяснилось, что он страдает прогрессирующим заболеванием сердечно-сосудистой системы, от которого нельзя излечиться. После этого он пережил еще две операции. На протяжении сорока лет он делал все, что ему говорили доктора: принимал прописанные ему лекарства, чтобы поддерживать свою жизнедеятельность, и никогда не подвергал сомнению их эффективность.

Когда я познакомил Рейми с отцом, ему было уже 72 года. Он хорошо себя чувствовал, но не мог делать все, что ему хотелось. Я видел, что его физическая несостоятельность, вызванная болезнью сердца, расстраивает его. Со временем он все больше и больше переживал, когда не мог сделать что-то по дому или заняться любимым хобби.

«Что бы ты ни делал, сынок, никогда не старей», – неустанно твердил он. И все же он не смог последовать собственному совету.

Когда мы в очередной раз наведались к родителям летом, за год до смерти отца, и зашли в их скромный кирпичный дом, то увидели растрепанного и совершенно расклеившегося старика. «Слава богу, вы здесь!» – воскликнула мама, увидев нас на пороге. Мама с неохотой рассказала нам, что они уже несколько недель не выходят из дома, потому что папа не в состоянии вести машину (последний раз, когда они отправились в город за покупками и лекарствами, он, проехав 20 миль за рулем своего джипа, улетел в кювет).

Отец сидел на краю своего любимого мягкого кресла в гостиной. Он выглядел квелым и едва мог говорить. Полдень давно пробил, но вместо привычного ухоженного и всегда опрятного моего отца, мы увидели старика со спутанными волосами и трехдневной щетиной. Обычно он носил широкие брюки и рубашку, теперь же он был одет в мешковатые штаны, из-под которых виднелось нижнее белье, и грязную футболку. Сначала мы подумали, что это какая-то шутка. Отец любил розыгрыши. Но затем мы поняли, что это не тот случай.

Мама и папа ничего не сообщали нам, кроме того, что врачи,

к которым он недавно ходил на прием, считали его состояние здоровья хорошим. Но что-то было явно не так. Мы должны были выяснить причину и прежде всего полезли в аптечку. Отец был вялым, сонным, у него кружилась голова, и поэтому нам показалось, что мы ищем в правильном месте.

После того как мы слегка пришли в себя, мы вытащили все лекарства, которые он принимал, чтобы узнать, в чем же причина.

«Господи, да как же он разбирается во всех этих таблетках?» – спросил я, копаясь в куче коричневых пластиковых бутылочек на полке кухонного шкафчика около двойной раковины.

«Тимми, в комодке есть еще пузырьки», – сказала Рейми.

«Он что, действительно все это принимает?» – воскликнули мы в один голос. Мы разложили таблетки на полу гостиной перед креслом отца. На пузырьках, которые можно было повторно заполнять препаратами, под его именем были аккуратно напечатаны длинные труднопроизносимые названия. Мы внимательно читали каждую этикетку, стараясь правильно их произнести, держа пузырьки так, чтобы отец мог их видеть. «А это для чего?» – спрашивали мы его. «Черт, понятия не имею», – то и дело отвечал он, нервничая все больше.

В доме у родителей не было интернета, поэтому за поиском нужной информации мы отправились в местную библиотеку. Там мы выяснили, что среди лекарств отца были обычные препараты для снижения давления и уровня холестерина, таблетки, предотвращающие образование тромбов, мочегонное средство для вывода воды из организма в течение дня, пилюли против ночного мочеиспускания и снотворное. Одно из лекарств вызывало у него тошноту, поэтому он обратился к доктору, чтобы тот выписал ему соответствующий препарат против тошноты. А затем еще один, предотвращающий побочный эффект другого лекарства, и еще один, и так далее. Когда мы обнаружили, что он принимает антидепрессанты, я не выдержал.

«Папа всегда был счастливым человеком. Что могло заставить его впасть в депрессию?» – спросил я.

Постепенно я начал осознавать, что аккуратный и здравомыслящий человек, которого я знал и любил, превращается в неряшливого, растерянного и несчастного старика вовсе не из-за болезни, а потому что не проверил состав препаратов, которые принимал якобы для поддержания здоровья. В какой же момент таблетки перестали его лечить и начали калечить?

Но если побочные эффекты отдельных лекарств были еще не так страшны, то последствия потребления нескольких отдельных препаратов вкуче просто ужасали. Перед нами стояли 24

пузырька с веществами, которые могли реагировать между собой как угодно, в различных сочетаниях. Мы сделали шаг назад и попытались отследить, какие из этих препаратов могли вызвать тот или иной недуг. Мы тщательно изучили информацию, предоставленную фармацевтическими компаниями о лекарствах, и поняли, что она во многом объясняет текущее состояние отца.

Далее мы решили встретиться с докторами, которые выписывали ему лекарства. По очереди мы обращались к каждому из них, взяв с собой отца.

Пульмонолог неуклюже вертел в руках рекомендации от своего коллеги. Он не мог внятно ответить ни на один вопрос о здоровье моего отца и явно нервничал. В конце концов, стало ясно, что он и сам не знает, от какой болезни он лечит моего отца, он просто согласился с диагнозом другого доктора. Следующий прием у него мы отменили.

Когда мы пришли к терапевту, оказалось, что он и понятия не имел о том, что папа принимает таблетки, несовместимые с лекарствами, прописанными терапевтом. Мы поделились с ним результатами собственного расследования, и он внес необходимые коррективы в свой рецепт.

Третий врач признал, что снотворное, которое принимал мой отец, было слишком сильнодействующим, и согласился, что папе подойдут самые простые таблетки для сна, отпускаемые в аптеке без рецепта. И он был прав.

Мы потратили много времени, но в результате поняли, что перед тем, как обратиться к врачу за медицинской помощью, нужно хорошо подготовиться, тщательно изучить доступную информацию и не бояться отстаивать свою точку зрения. Благодаря здравоохранению и эффективным программам по рецептурным препаратам перед пожилыми людьми, такими, как мой отец, открывается масса новых возможностей, однако никто не хочет быть их проводником в необъятном лабиринте медицинской промышленности. Каждый врач, казалось, имел свою таблетку «от всего», а отец принимал их все разом. Страховые компании были готовы платить фармацевтическим фирмам, над диагнозами никто долго не задумывался, и ни один из множества лечащих врачей моего отца не удосужился посоветоваться с другими. Да, медицина не раз спасала моего отца и продлила ему жизнь, но в этот раз что-то пошло не так.

Чтобы избавиться от побочных эффектов других препаратов, в свои 87 лет отец принимал лекарства, которые имели свои побочные эффекты и взаимодействовали с активными веществами других таблеток. Разве это можно назвать полноценной жизнью? Разве здесь вообще можно говорить о здоровье?

Мы стали его «адвокатами» в вопросах медицины, стараясь собрать воедино рекомендации всех врачей и отказаться от ряда лекарств или снизить их дозы. Этим летом мы провели с родителями больше времени, чем обычно, и уехали только тогда, когда убедились, что ситуация стабилизировалась, папа вернулся к нормальному состоянию и мог самостоятельно позаботиться о себе. В то утро, когда мы уезжали, мама работала в саду: выдирала сорняки и собирала лаванду, чтобы засушить ее и украсить дом, а папа возился с садовым трактором, пытаясь починить ремень для косилки. Нас с Рейми переполняли эмоции. Мы были благодарны судьбе за то, что теперь родители могли наслаждаться своей жизнью. К тому же мы многое узнали о том, как работает современная медицина.

* * *

Два дня спустя после разговора о покупке крема для ног с экстрактом марихуаны мы все залезли в джип и отправились в «аптеку». Мама сидела сзади. Мы ехали по двухполосной дороге в Боулдер вдоль подножия горы, к востоку от нас простирались равнины, день стоял солнечный, и мы могли видеть на много миль вперед. По иронии судьбы наше радио поймало регги-канал «Косяк», по которому крутили растаманскую музыку, вполне подходящую к цели нашего путешествия. Раньше мне и в голову не могло прийти, что я отправлюсь в подобную поездку с мамой.

Наша цель, впрочем, оправдывала всю неловкость ситуации – мы чувствовали ответственность перед мамой и считали, что поступаем правильно. На примере моего отца мы знали, что некоторые препараты традиционной медицины лечат, а некоторые, наоборот, вредят здоровью.

Мама доживала свои последние дни. Вместо терапии, которая могла бы продлиться всю ее оставшуюся жизнь (и, возможно, приблизить ее кончину), она решила отправиться в путешествие и сохранить свое достоинство. Наверняка если бы она выбрала первый вариант, то провела бы остаток жизни на больничной койке. Врачи пичкали бы ее лекарствами, надеясь победить рак. Но раз уж она предпочла авантюру, было бы неправильно провести отпущенные дни в полусонном состоянии, вызванном лекарствами, с опухолью на ноге, лишившей ее подвижности, и постоянными кровотечениями. Она хотела жить, а не существовать. И мы должны были попробовать любые варианты, даже если это означало бы неприятный разговор с мамой.

«Тим, ты должен сказать маме, куда мы едем», – настаивала

Рейми.

«Нет, ты скажи», – нервно бросил я в ответ.

Рейми редко использовала этот аргумент, но в тот момент она просто не сдержалась: «Это твоя мама. Ты должен сказать ей».

Рейми была права: мы не могли просто затащить маму в магазин по продаже марихуаны, не предупредив ее.

Я приглушил музыку и громко (так, чтобы она могла слышать меня с заднего сиденья) сказал: «Мам, мы едем в Боулдер в магазин марихуаны, чтобы найти что-нибудь, что поможет тебе снять боль. Идет?»

На фоне тихих регги-ритмов мы услышали ее твердый голос: «Нет, никуда мы не едем».

Рейми прошептала: «Тим, выбирай слова. Ей не нравится «марихуана», лучше говори «конопля».

И она продолжила в полный голос: «Норма, помнишь, мы на днях говорили о креме с экстрактом конопли для твоей ноги?»

«Разумеется», – ответила она.

Рейми успокоила ее, сказав, что мы направляемся в такое место, где, возможно, есть нужный нам крем.

«А, ну тогда все нормально», – согласилась она.

«Слава богу, все обошлось», – с облегчением вздохнули мы с Рейми, обгоняя машины на дороге Боулдера.

Через двадцать минут я свернул на стоянку магазина и припарковался на месте для инвалидов около задней двери. Когда я учился в колледже, здесь находилась кофейня «Данкин Донатс». А теперь вместо глазированных пончиков и горячего кофе на витрине лежали цветки и экстракты конопли, а также всевозможная съестная продукция с добавлением марихуаны. Мы усадили маму в коляску и подвезли ее к охраннику, стоящему на входе.

«Дайте-ка взгляну, есть ли этой юной леди восемнадцать», – пошутил он. Он не выглядел слишком мускулистым и смотрелся менее угрожающе, чем вышибала в баре. Он просканировал наши удостоверения личности. «Гарантирую вам нераспространение ваших персональных данных. Они не будут переданы властям», – добавил он.

Мы зашли, взяли номерок в автомате электронной очереди и устроились в переполненном зале, ожидая, когда сможем пройти к кассам.

«Все в порядке, Норма?» – спросила Рейми, рассматривая людей в зале, больше напоминавшем своеобразную гостиную. Мы хотели, чтобы она ни минуты не испытывала дискомфорта.

Мы приехали вечером в самый час пик, когда люди заканчивают работать. В углу сидела медсестра в форме,

переписываясь с кем-то по телефону. Напротив нас расположились два маляра (на их белых майках все еще виднелись следы краски), а рядом с нами болтали два парня в рубашках с логотипом местной компании-подрядчика. Молодая женщина с дредами и кольцом в носу мерила комнату шагами, от нее пахло пачули. Она посмотрела на счетчик электронной очереди так, словно была в местном магазине деликатесов, с нетерпением ожидая, когда же на табло высветится ее номер. Какой-то бизнесмен в костюме читал газету. Я был удивлен тому, что в зале сидели абсолютно разные люди и все они выглядели вполне адекватными. Таких можно встретить и в продуктовом магазине, и просто на улице. Мама, должно быть, разделяла мои мысли, так как на вопрос Рейми она ответила утвердительно. Было заметно, что она немного расслабилась.

Когда подошла наша очередь, мы с Рейми встали. Я отдал бумажный билетик женщине, и она проводила нас через прочную дверь, ведущую во «внутренние покои» магазина. В большой светлой комнате располагались стеклянные прилавки. Нас поразило, что комната была буквально забита покупателями, которых обслуживало около дюжины сотрудников магазина.

«Пройдите, пожалуйста, сюда», – услышали мы голос, доносящийся из угла. Нам помахали рукой, приглашая подойти, и мы покатили маму, пробиваясь через толпу.

Нашим «марихуановым барменом» оказалась приятная молодая женщина, стоявшая за своей частью прилавка. Рядом с ней располагался холодильник со стеклянной дверцей, сквозь которую можно было увидеть, сколько еще осталось печенья, пирожных, чизкейков и сладостей с марихуаной. На каждом из продуктов висела этикетка «действенное средство». Мама не могла оторвать от них взгляда.

Шкафы были набиты стеклянными трубками, паровыми ингаляторами и другими приспособлениями, а рядом с ними стояли контейнеры, наполненные фирменными сортами марихуаны, отличающимися по цвету, степени эффективности, вкусу и запаху (это чем-то напоминало производство вина). Клиентам, стоящим неподалеку от нас, демонстрировали ровно подстриженные бутоны соцветий марихуаны, и мы почувствовали гнилой мускусный запах. Все происходящее казалось мне нереальным, ведь я находился в подобном месте со своей мамой.

Однако нам не нужны были ни цветы, ни выпечка. Нас интересовала продукция, лежащая на полках и висящая на крючках за прилавком, потому что именно в ее состав входил тот самый КБД.

«Здравствуйте, – начал я, – это моя мама Норма, ей 90 лет.

Мы хотим подобрать для нее один из ваших кремов для локального применения, содержащий КБД».

«Ух ты, не часто к нам заходят 90-летние», – ответила девушка-консультант. Она явно оживилась, увидев пожилую даму в таком магазине, и подозвала коллегу, чтобы поделиться с ним этой новостью, а заодно узнать его профессиональное мнение.

«Да, – продолжил я, – мы ищем крем или лосьон, который бы помог моей маме от артрита и снял бы припухлость на ноге». Я взглянул на маму, и она продемонстрировала свою ногу в подтверждение моих слов.

В течение следующего получаса мы задали сотню вопросов и узнали о продукции с содержанием КБД и ее применении больше, чем могли себе вообразить. КБД выпускался в форме масла, настойки и капсул. Немного подумав, мы купили небольшой тюбик с пробником особо сильного действия и нанесли крем на мамину ногу и руки.

Поскольку мама заинтересовалась этой темой и принимала активное участие в нашей беседе о свойствах КБД и способе его действия, я решил пойти дальше и предложил использовать данный подход к лечению любой боли. Я поговорил с двумя специалистами по вопросам применения конопли и сообщил им, что мы хотим заменить опиоиды, которые принимает мама, на капсулы с содержанием КБД. Они поддержали меня.

«Да, такие препараты помогают при болях, мы сами это видели, – сказал консультант-мужчина, – но я бы советовал некоторое время принимать КБД в качестве дополнения к обычным лекарствам. Если вы поймете, что КБД работает, можно будет постепенно снизить дозу опиоидов и, в конце концов, полностью отказаться от них».

«Мне это подходит», – согласилась мама.

Мы вышли из магазина с тюбиком крема с экстрактом марихуаны и баночкой пятиграммовых КБД-капсул.

Тем же вечером в 9 часов, перед тем как отправиться спать, мама нанесла немного крема на припухлость на ноге и шишки на кистях рук. Она не могла дождаться следующего утра, чтобы показать нам, что припухлость значительно спала (уменьшилась примерно наполовину). Мы заметили морщинки на тех местах, где кожа стянулась. Ее больные артритом руки также выглядели намного лучше.

Мама начала принимать и КБД-капсулы. Сперва мы действовали очень осторожно, но мама чувствовала себя так хорошо, что в течение недели полностью отказалась от опиоидов. Пару ночей ее мучила бессонница, но вскоре КБД подействовал и помог справиться с болью даже эффективнее, чем обычные

лекарства. Все мы были безмерно счастливы.

Мы отказались от большинства препаратов, которые прописали маме врачи, а головокружение, сонливость и насморк остались в прошлом. Теперь боль проходила намного лучше без неприятных побочных эффектов.

На нашу страничку в Фейсбуке нам приходили тысячи сообщений. Наши подписчики умоляли мисс Норму попробовать то или иное средство для лечения рака: фрукты нони, щелочные диеты, ферментотерапию и даже молитвы. Рейми с мамой как-то решили посмотреть, что же входит в одну из предложенных диет, но отказались от нее, как только поняли, что диета запрещает потреблять сладости, пищу и пиво.

«Давай не будем рассказывать Тиму об этой диете, – попросила мама, – а то он может меня на нее посадить».

Конечно, мы не медики, но, когда речь идет об уходе за 90-летней женщиной, мы невольно спрашиваем себя: «А так ли хороши эти таблетки, если они отнимают у нее радость жизни? Что, если она будет спать целыми днями? Если эти лекарства имеют целый перечень побочных эффектов, но едва ли помогают снять боль?» Мы знаем, что врачи только недавно начали заниматься вопросом обеспечения полноценной жизни пожилых людей. И мы лишь можем сказать, что с того момента, как мама узнала о своем диагнозе, она хотела получить от жизни все, пока у нее еще оставалась такая возможность, а мы стремились исполнить ее желание всеми возможными способами.

Через четыре дня после начала КБД-терапии мама отправилась со мной на прогулку с Ринго, а затем прошептала что-то на ухо Рейми, словно не хотела, чтобы остальные услышали.

«Мне кажется, у меня перестала идти кровь», – сказала она.

«Серьезно?» – ответила Рейми.

Она продолжала шептать: «Мне кажется, нам стоит снова съездить в магазинчик с марихуаной».

Так мы и сделали.

Глава 6

Мечты

Джеме́з-Пуэ́бло, Нью-Мексико.

Ноябрь

Рейми

В начале нашего путешествия с Нормой моя 90-летняя свекровь мечтала увидеть лишь одно место – штат Нью-Мексико. Конечно, по пути мы останавливались, чтобы посмотреть другие города и достопримечательности, но нашей конечной точкой был Нью-Мексико. Она не могла объяснить, чем так манила ее эта «чарующая земля», но мы чувствовали себя кладоискателями в погоне за сокровищами.

Мы отправились на юг через Колорадо, минуя долину Сан-Луис, заключенную в кольцо заснеженных гор Сангре-де-Кристо, которые простираются на протяжении всего пути до Нью-Мексико. По дороге мы обсуждали, стоит ли нам заглянуть в музей, посвященный Второй мировой войне, в Новом Орлеане после того, как мы отдохнем в Нью-Мексико и отправимся зимовать во Флориду. Норма так хотела попасть в музей, и это натолкнуло меня на мысль: быть может, она хотела отправиться в Нью-Мексико, чтобы повторить то единственное в своей жизни путешествие через весь материк, которое она совершила в 1945 году?

В 1945 году Норме было всего двадцать лет. Она впервые в жизни покинула родной дом и направлялась в военно-морской госпиталь в Сан-Диего, чтобы работать там медсестрой. До того как добровольно пойти на фронт, она ни разу не выезжала за пределы родного Толедо, штат Огайо, дальше чем на 20 миль.

Я представила себе хорошенькую девушку хрупкого телосложения с модно зачесанными кудрявыми каштановыми волосами, сидящую у окна вагона поезда, пытаясь пробирающегося на юго-запад сквозь пустынные земли. Для нее все было незнакомым и новым. Ее молодая свежая кожа начала сохнуть и грубеть в засушливом климате. Она собственными глазами увидела пейзажи и людей, о которых знала лишь благодаря вестернам и книжкам.

На что же она смотрела? Проезжала ли она мимо исконных индейских поселений по рельсам, служившим доказательством

давнего вторжения иноземцев? Видела ли она кирпичные дома индейцев пуэбло? А может быть, ей встретились коренные индейские дети, играющие в грязи, или матери, несущие своих младенцев в плетеных цветных заплечных сумках, или же малыши, крепко держащиеся за прямые и длинные угольно-черные волосы своих матерей.

Возможно, она наблюдала за золотым восходом яркого солнца, пока ее поезд несея по рельсам мимо Санта-Фе в Альбукерке, на запад в направлении залитого солнцем Сан-Диего. А может, она в благоговейном восторге любовалась пустынным пейзажем и простирающимся над ее головой небом, совершенно не похожим на ее родной город – шумный, промышленный, задымленный печными трубами и машинными выхлопами.

С тех пор прошло семьдесят лет. Я расспрашивала Норму о том путешествии, желая услышать подробный рассказ, но она уже практически ничего не помнила, кроме того, что ехала все время, без остановки. Я не виню ее, ведь это было очень давно. Но одно мы знали точно: Нью-Мексико оставил свой отпечаток в ее душе. И теперь перед нами стояла задача сделать так, чтобы она ощутила это снова.

* * *

«Может, съездим на каньон Чако? – спросила я Норму. – Правда, там вокруг древнего города кое-где остались рельсы, поэтому ехать на коляске будет проблематично, так что вам придется пройти пешком. Но там действительно здорово». Пока мы ехали, я вслух перечисляла все места, которыми славится Нью-Мексико, и рассказывала о них Норме, чтобы она могла решить, хочет ли посетить их. Мы понимали, что Норма сомневается в том, сможет ли она выдержать пешую прогулку по каньону Чако, ведь это требовало немалых физических усилий. «Я не уверена, что справлюсь», – призналась она.

«Ну... Тогда давайте посмотрим исторический центр Альбукерке, это будет весело», – предложила я, когда мы припарковались в лагере «Коронадо» в округе Берналилло, штат Нью-Мексико. Через окно нам открывался вид на восточную часть гор Сандия и долину, по которой неспешно протекала река Рио-Гранде. Каждый раз, предлагая новые варианты, я ждала, что Норме хоть что-нибудь понравится. «Там много исторических памятников, можно посмотреть на картины и скульптуры, а еще там вкусно кормят», – сказала я ей. Но в ответ она лишь пожала плечами. Меня, как фотографа, интересовала миграция канадских

журавлей, но и эта затея ей не пришлось по вкусу.

«А что насчет Международного музея НЛО в Розуэлле?» – мне показалось, что идея посмеяться над всякими диковинками может ее зацепить. «Ну, возможно», – ответила она, пытаясь скрыть свое нежелание ехать туда. Вариантов было множество, но ни один не устраивал ее. «Конечно!» – осенило меня одним прекрасным вечером, когда я взглянула на Тима, сидевшего напротив за нашим небольшим обеденным столом. На нем была футболка, которую в знак благодарности подарило Норме благотворительное общество помощи индейским детям – один из многих благотворительных фондов, куда она на протяжении долгих лет отчисляла небольшие пожертвования. «А может, ты захочешь посмотреть поселения коренных индейцев? Что скажешь, Норма?»

За все время это была первая идея, вызвавшая у нее интерес. «О да, я думаю, мне понравится», – ответила она, когда я объяснила, как мне в голову пришла эта мысль.

Я хотела показать ей аутентичную культуру индейцев, с которой она была связана издавна в течение столь продолжительного времени, поэтому я тут же начала перебирать всевозможные варианты. Чем больше мы обсуждали эту тему, тем яснее мне становилось, что никакие типичные туристические места нам не подойдут. Она хотела увидеть настоящие дома индейцев пуэбло, улыбнуться им, разделить с ними запахи и звуки племенной жизни, отдать дань их ремеслу и просто побыть среди них. В наши дни это непростая задача, потому что, по понятным причинам, племена являются закрытыми общинами и охраняются. Я не была уверена, что смогу найти что-то подходящее, но все же хотела попробовать.

Покопавшись в интернете, я выяснила, что у пуэбло принято отмечать дни святых покровителей и другие религиозные праздники. На традиционные церемонии и танцы публика обычно не допускается, но некоторые празднества коренных индейцев включают в себя и католические обычаи, которые достались индейцам от испанцев, пытавшихся насильно обратить их в христианство. Такие общины иногда принимали гостей, приглашая посетителей на свои празднования в честь католических святых покровителей. Я продолжила искать информацию о том, каким образом проводятся эти церемонии и в какие ближайшие числа пуэбло собираются устраивать подобные праздники. Наконец, я наткнулась на страницу, рассказывающую о племени неподалеку от нас, и не могла поверить своим глазам.

«Боже! Это же уже завтра! Не могу поверить! Завтра!» – крикнула я Тиму, Норме и нашему другу Марку, который пару

дней назад приехал из Дуранго, штат Колорадо, повидать нас.

«Что завтра? Ты о чем?» – переспросили они в один голос.

Я так долго продумывала план и искала информацию в интернете, что совсем забыла рассказать им об этом. Тим понятия не имел, о чем я говорила, впрочем, как и Норма с Марком.

«Завтра мы едем в деревню Валатова в гости к пуэбло», – продолжила я. Норма оживилась и наострила уши. «Ой, здорово-то так!»

«Я думал, эти пуэбло никого к себе не подпускают. Ты уверена, что можно поехать?» – вмешался Марк, который знал местные обычаи лучше нас. «Это же племя из Джемеза, разве нет?» – пытался он остудить мой пыл.

«Да, они никого не пускают к себе 364 дня в году, но не ЗАВТРА! Мы едем! Я уверена на все сто!» – я не могла сдержаться своей радости. Я чувствовала, что это было именно то, о чем мечтала Норма, но не могла выразить словами. И выражение ее лица подтверждало мои догадки. «Ежегодно 12 ноября они отмечают праздник своего покровителя святого Диего», – уточнила я, полагая, что так будет звучать убедительнее и они поверят мне. Однако в данном вопросе мнение Марка и Тима было для меня не таким важным, как мнение Нормы. «Ничего себе», – сказала она, и это все, что мне было нужно. Я поняла, что мы едем.

В интернете я прочла, что с таноанского языка слово «валатова» переводится как «то самое место». Должно быть, это судьба. Хотя на шоссе все еще можно увидеть центр для посетителей, сами пуэбло больше не принимают туристов. Но в тот ноябрьский день на свою танцевальную церемонию они ждали гостей. Мы оказались в том самом месте в то самое время.

Деревня находилась всего лишь в получасе езды от нас. Когда на следующий день мы залезли в джип, мы совершенно не представляли, что нас ждет. В интернете не нашлось ни одной фотографии, да и информации было немного, кроме разве что правил поведения во время посещения деревни индейцев. Мы выяснили, что фотографировать запрещено (это и стало для меня самым главным правилом).

Едва различимая дорога, огибающая деревню пуэбло, извивалась между красных плоскогорий, затмивших горизонт. Когда мы свернули с асфальтированного шоссе, чтобы въехать в деревню, мы сразу заметили, что вокруг творится нечто особенное. Повсюду вдоль узких ухабистых улиц были припаркованы машины, а люди направлялись к главной площади. Обычно, благодаря значку «инвалид» на нашей машине, мы парковались на просторных, специально оборудованных местах,

но в этот раз народу было слишком много, поэтому нам пришлось оставить джип в первом попавшемся свободном месте и идти до центра деревни пешком.

Я глубоко вздохнула и оставила фотоаппарат в машине. Я, Тим и Марк по очереди катили коляску Нормы по песку, в котором вязли колеса. Воздух пропитался запахом горящего мескитового дерева с нотками тамале и жареного хлеба. Издалека до нас доносились звуки церемониальных барабанов, которые ни с чем невозможно спутать.

У меня не было фотоаппарата, чтобы запечатлеть происходящее, поэтому я изо всех сил старалась сохранить эту картинку в памяти, мои глаза стали моей камерой и работали в режиме нон-стоп. Мне понадобилось некоторое время, чтобы осознать происходящее. Я чувствовала, что даже дышу по-другому: медленнее и более расслабленно. До сегодняшнего дня мне казалось, что мы отлично справляемся с задачей жить здесь и сейчас. Теперь, когда мне пришлось оставить своего «ловца моментов» в машине, я явно ощутила, что пыталась смотреть на окружающую меня действительность глазами Нормы, а не своими. И вот, наконец, все вернулось на круги своя.

Толстый слой песка не давал нам быстро пробраться сквозь толпу. Тут Марк и Тим повернулись к нам с Нормой, сказали: «Мы на разведку» – и ушли. Подпрыгивая от радости, словно 11-летние мальчишки, которые оказались на местной ярмарке без родителей, они побежали к барабанам, оставив увязшее в песке кресло, меня и Норму.

К счастью, вскоре они вернулись. Глаза их сияли от восторга: «Мы поняли, зачем мы здесь! Пойдем, мам!» Тим и Марк взяли коляску Нормы с двух сторон и понесли ее, словно королевский паланкин, опустив только тогда, когда почва под ногами стала более твердой.

Мы свернули еще раз и оказались в центре Пуэбло. Огромный двор длиной в две сотни ярдов окружали многоэтажные кирпичные дома с плоской крышей, прекрасные своей простотой и наполненные жизнью. Это был настоящий жилой квартал, а не просто исторический памятник.

Вокруг «главной улицы» рядами стояли шезлонги, на которых уже устроились сотни людей. Мы пришли на праздник позже остальных, и, чтобы лучше видеть происходящее, нам пришлось бы подпрыгивать. «Надо было приехать на несколько часов раньше, – вздохнула я, – Норма же ничего не разглядит».

Но вдруг случилось чудо: гости, успевшие удобно устроиться на своих местах, внезапно подвинулись, пропуская вперед Норму, многоуважаемую пожилую особу в инвалидной коляске. Мы шли

через толпу, а туристы вежливо здоровались с нами, давая нам пройти. Я тут же вспомнила обо всех врачах, которых посетила Норма, и обо всех анализах, которые она сдавала буквально пару месяцев назад. То достоинство и уважение, с каким здесь принимали эту пожилую женщину, разительно отличались от того, как с Лео и Нормой обращались врачи: для них они были просто очередной проблемой, которая требовала решения.

Норма комфортно устроилась во дворике так, что все представление разворачивалось прямо перед ее глазами. Мы втроем уселись на корточки вокруг ее коляски. На «сцене» появились 300 индейцев всех возрастов, от младенцев до стариков. Все они участвовали в танце в честь праздника святого Диего. Они выстроились змейкой, заполонив весь двор, каждый танцор шагал в такт барабанов и мелодий, исполняемых певцами.

После танцев никто не аплодировал, так как у индейцев не было цели получить одобрение, они танцевали совершенно по другим причинам. Это было не шоу, а религиозный праздник, не концерт, а медитация, молитва, соединяющая землю с небесами, традиция, передаваемая из поколения в поколение.

Наблюдая за этим танцем, я поразилась до глубины души тому, насколько сильно эти обычаи укоренились среди индейцев. Ни моя семья, ни семья Тима не придерживались каких-то особых традиций.

Меня заворожила красота каждого поколения, преданность культуре и сияние, исходящее от этих людей. Норма, казалось, испытывала то же самое. «В этом определенно что-то есть», – приподняв брови, сказала она, когда я присела рядом с ее коляской.

Через несколько часов мы вернулись в лагерь, но наши сердца продолжали биться в такт барабанам, отбивающим ритм за 20 миль к северу. День был насыщенным, и я по-настоящему вымоталась. Забравшись в фургон, я села на пол, вытянула ноги и стала слушать, как Тим, Марк и Норма делятся впечатлениями об увиденном. Блеск в глазах Нормы заставил меня снова вспомнить о той молодой двадцатилетней девушке в поезде. Тогда у нее впереди была вся жизнь, и она искала приключений в армии, отправляясь через всю страну в неизвестность. И вот семьдесятю годами позже она сидит напротив меня. Я снова слышу стук колес, только уже не поезда, а инвалидной коляски. Она улыбается, и широкая, слегка усталая улыбка озаряет каждую морщинку на ее лице. Перед ней опять неизвестность и новое путешествие.

В тот вечер, в 9 часов, когда Норма по своему собственному режиму ложилась спать, я взяла ее за правую руку, левой рукой

она обхватила палку. Вдруг, ни с того ни с сего, мы обе начали петь и пританцовывать. Так мы и дошли до заднего отсека нашего автодома, и это было классно. То же самое мы повторили на следующий день, и на следующий, и на следующий. Потом к нам присоединился Тим, и мы стали делать это вместе, взявшись за руки и подпевая в унисон. В наших голосах звучала неподдельная радость. В конце концов, это, казалось бы, ничем не примечательное действие стало нашим семейным ритуалом, и мы повторяли его каждый вечер, словно молитву. Спустя какое-то время я осознала, что именно в тот день благодаря желанию Нормы почувствовать себя настоящим индейцем из Нью-Мексико у нас совершенно неожиданно появилась некая традиция, которой в нашей семье раньше никогда не было.

Глава 7

Исцеление

Пляж Форт-Майерс, Флорида.

Декабрь

Тим

Мы все по-разному переживаем горе. Мои родители предпочитают молчать. Я так хотел поговорить с ними о своей младшей сестре Стейси, с тех самых пор как она умерла в апреле 2008 года. Но родители, особенно папа, не хотели поднимать эту тему, она считалась «запретной». В нашей семье не было привычки вспоминать о ней, чтить ее память. Я никогда не звонил родителям в день ее рождения или смерти, чтобы не расстраивать их.

Теперь, когда отца не стало в живых, я подумал, что, может, мне удастся расспросить маму о Стейси. К тому же сама поездка служила неким напоминанием того, что вместе мы пережили еще одну потерю близкого человека. По пути мы иногда говорили о Стейси, когда что-нибудь напоминало нам о ней. И все же во время этих бесед мы лишь констатировали факт ее существования, но никак не делились друг с другом своими чувствами и мыслями о ней и ее жизни. Казалось, мы упорно следовали старой доброй семейной традиции, позволяя горю разобщать нас, а не объединять.

Я уже практически потерял всю надежду на конструктивный разговор с мамой, как вдруг одним прекрасным вечером в бассейне на парковке для фургонов, недалеко от пляжа Форт-Майерс, штат Флорида, мы познакомились с семейной парой.

Вечернее солнце согревало нас своими мягкими лучами, кроме нас, никто не купался. Они пили что-то из термокружек, разрисованных тропическими узорами. По запаху я понял, что это был ром, а услышав их разговор, я подумал, что это, пожалуй, не первая их кружка за сегодняшний день. «Откуда вы?» – спросили мы с Рейми. Они мало улыбались, но оказались довольно приятными ребятами. Мы рассказали друг другу, откуда мы родом, и обсудили подробности наших путешествий. Мы говорили по большей части о маме. Они пригласили всю нашу семью прокатиться на своем роскошном катере.

«Мы должны кое-что вам рассказать», – сообщили они.

Так мы узнали, почему Рик и Джо оказались во Флориде. Они приехали сюда, чтобы развеять прах двух своих старших сыновей. Им было чуть больше двадцати, когда у одного случился сердечный приступ, а другой вскоре после этого покончил с собой. Теперь у них был только один ребенок, девятнадцатилетний сын, который остался в фургоне, но на следующий день во время церемонии собирался присоединиться к родителям на катере. Их рассказ многое объяснял: вот почему они практически не шутили, а добрые голубые глаза Джо грустно блеснули. У этих людей произошло ужасное горе. Я чувствовал с ними некую родственную связь и рассказал им о том, что моя сестра умерла в 44 года, а недавно я потерял отца. «Однако наша семья никогда не была так близка, как они», – подумал я.

Мы не знали, согласится ли мама кататься с нами на катере, и сказали Рику и Джо, что, скорее всего, нет. «Надеюсь, вы согласились?» – спросила мама, услышав о предложении наших новых знакомых. Она в очередной раз поразила нас своим желанием приключений. Но захочет ли она разделить их горе или, по крайней мере, стать его молчаливым свидетелем? «Есть одно «но», – и мы объяснили ей, что именно будет происходить в тот момент, когда мы окажемся в открытом океане. Она никогда не была многословной, поэтому просто кивнула в знак согласия. Было видно, что она глубоко сопереживает этой семье, пережившей столь страшную трагедию.

День выдался прекрасным, как раз для прогулки по морю. Мы встретились в бухте и помогли маме забраться в лодку, усадив ее на мягкое сиденье в носовой части катера. Рик неспешно тронулся, минуя стайку креветок, проплыл под мостом, миновал последний бакен и вышел в открытые воды. Затем он разогнался и на большой скорости пронесся по волнам прочь от пляжа Форт-Майерс. Брызги сияли на солнце, словно алмазы.

Когда мы удалились на достаточное расстояние от берега, Рик заглушил мотор. В нескольких милях от нас мы увидели белый песчаный пляж острова Санибел. Он включил любимую песню своих ушедших сыновей – «Выпей пива» Люка Брайана, – и вся семья, смеясь и плача, рассказывала истории о своих мальчишках, а мы поднимали бокалы с пивом в их честь. С любовью и гордостью они говорили об их достижениях и о том, какими неординарными личностями были эти ребята.

Церемония была очень символичной: рядом с нами плескались дельфины, а в небе появилась двойная радуга, словно олицетворяя братьев, пепел которых мы развеяли по ветру. Мама с нежностью едва заметно протянула свою морщинистую загорелую руку и сжала руку Джо. В тот момент мне показалось,

что моя мама сама начала выздоравливать.

* * *

«Нет, нет, нет, этого не может быть», – закричал отец, когда мы сидели в гостиной дома Стейси в Александрии, штат Виргиния. Они с мамой остались дома и ждали от меня весточки о том, как проходит операция сестры. В течение получаса, пока я возвращался домой, меня переполнял ужас. Я припарковался около двухэтажного дома Стейси и медленно подошел к ярко-красной двери, готовясь сообщить родителям страшную новость.

Всего лишь год назад карьера моей сестры в отделе секретной службы, как и вся ее жизнь, пошла под откос после обыкновенного визита к стоматологу. Он заметил белое пятно на ее языке. Это обеспокоило его настолько, что он назначил ей встречу с онкологом. Об остальном, как говорится, можно догадаться.

Стейси потратила целый год на всевозможные операции, облучения и химиотерапию. Я заботился о сестре после первой операции, когда ей удалили часть языка и лимфоузлы на левой стороне. Она любила вкусно поесть, всего лишь за несколько дней до того страшного похода к стоматологу она закончила отделку в кухне. Судьба сыграла с ней злую шутку, лишив ее возможности есть и чувствовать вкус пищи. Я видел, как самый сильный человек, которого я когда-либо знал, увядает, превращаясь в беспомощное растение: последнюю неделю своей жизни Стейси провела на больничной койке, подключенная к мониторам, утыканная трубками искусственного кормления и катетерами. Она была не в состоянии говорить, и я ничем не мог ей помочь.

«Мне очень жаль, пап, – сказал я, – но это правда». Я обнял его за плечи, но он рухнул на кресло, оттолкнув меня раньше, чем я смог утешить его.

Несколькими днями ранее из разных уголков страны прибыли все члены нашей семьи – ради моей сестры. Должно быть, она уже тогда чувствовала, что ее конец близок. Она знала это еще до того, как врачи сообщили ей об этом. Часом ранее я сидел в больнице, в переполненном зале ожидания, читая журнал. Подняв глаза, я увидел перед собой хирурга Стейси. Ее форма была грязной, а маска висела на шее, и я почувствовал себя героем телесериала «Скорая помощь».

«Раковая опухоль растет слишком быстро, – прямо сказала она, – боюсь, мы ничего больше не можем сделать».

Ее слова повергли меня в шок. Всего лишь несколько часов

назад я держал Стейси за руку, когда ее готовили к операции. Для доктора Ли эта операция была первой из девяти, назначенных на этот день, и я с надеждой наблюдал за тем, как медицинская сестра катит носилки Стейси через двойные двери в операционную. «Все будет хорошо, Стейси», – сказал я ей, и двери бесшумно захлопнулись за ее спиной.

«Вы точно уверены, доктор Ли?» – с трудом выдавил я.

«Да. Ей осталось жить всего несколько дней», – ответила она, и ее голос надломился: она не могла скрыть эмоций за своей привычной профессиональной выдержкой. Мне показалось, что ей тоже было жаль проигрывать этот бой, ведь она лечила Стейси в течение всего прошлого года.

Я тихонько всхлипнул и почувствовал спазм в груди, пытаюсь сдерживать слезы, которые все равно текли по щекам. Я не выдержал и зарыдал, меня накрыли невероятная тоска и боль. Все, кто сидел в зале ожидания, с тревогой посмотрели на меня. В их глазах читалось беспокойство – каждый мой отрывистый всхлип подтверждал их худшие опасения. И мои худшие опасения.

Кто-то вызвал психотерапевта, и меня проводили в ее кабинет, чтобы другие не слышали моих стенаний. Врач изо всех сил старалась утешить меня. Я взял несколько бумажных платочков, которые очень удачно стояли на крае ее стола, вытер глаза и начал потихоньку приходить в себя. Но я вновь почувствовал гнетущую тоску, когда понял, что мне придется сообщить о случившемся родителям.

Я позвонил Рейми с парковки больницы и рассказал ей, что произошло. «Как я расскажу об этом родителям? – спросил я слабым голосом. – Это убьет их».

«Держись, Тим, – ответила Рейми, – будь сильным ради своей сестры, она очень рассчитывает на это». Глубоко в душе я знал, что она права.

Мама просто сидела в кресле, ее хрупкое тельце сжалось еще больше, когда я сообщил родителям ужасную новость. Папа мерил комнату шагами, не желая смириться с тем, что он только что услышал. Я сказал им то, чего не хочет услышать ни один родитель: они переживут свою дочь.

* * *

Когда мне исполнилось двадцать, я собрал все свои вещи, упаковал их в голубой «Датсун B210» и отправился через полстраны к южной части Скалистых гор, в штат Колорадо, чтобы

начать там новую жизнь. Палящий июльский зной бросил вызов моему рвению, ведь мне предстояло преодолеть 1200 миль на машине без кондиционера. Несмотря на то что в «штате столетия» у меня не было знакомых, я знал, что там мой дом. Я явно ощутил это после того, как в прошлом году мы провели там 10 дней с моей бывшей девушкой. Думая только о новой жизни, я старался не смотреть в прошлое.

Стейси тогда было всего тринадцать, и после моего отъезда она осталась единственным ребенком в семье. Ей нравилось смотреть мультки после того, как она выполняла свою часть работы по дому. Она любила наряжаться, смешивала стили, но всегда брала с собой игрушечный пистолет, или меч, или и то и другое. Она играла на флейте, а позже даже выступала на парадах в составе школьного оркестра.

В то время я редко навещал родителей и вообще редко вспоминал о своей семье. В течение нескольких лет мы провели вместе всего пару выходных, мне редко удавалось выбраться, потому что у меня было мало денег – я был студентом Колорадского университета в Боулдере. На самом деле, в те годы мой бюджет был настолько ограниченным, что мне приходилось пересматривать план расходов каждый раз, когда я звонил по межгороду домой, а делал я это довольно редко.

С моей первой женой мы познакомились в колледже. Мы поженились через несколько лет после выпуска. Мы сыграли свадьбу в горах Лонгс-Пик, и тогда я впервые увидел свою сестру взрослой. Ей было 22 года, и она только что отслужила в армии США, получив звание второго лейтенанта благодаря тому, что в колледже посещала курсы подготовки офицеров запаса.

Когда она приехала на нашу свадьбу в сопровождении родителей, на ней была надета униформа: юбка, рубашка, пиджак и берет. Я с трудом узнал ее. У нас не было времени пообщаться до церемонии, а потом она ушла раньше, чтобы проводить папу, которому трудно было дышать в горах из-за перепада высот. Потребовалось еще десять лет, чтобы я, наконец, смог понастоящему поговорить со своей сестрой.

На протяжении всех этих лет ее жизнь была очень насыщенной: четыре года она проработала экспертом взрывотехнической службы. Как и мама, она разрушала стереотипы о «слабом» женском поле, взявшись за опасную работу по обезвреживанию мин и снарядов. Она также прошла подготовку в подразделении «Морских котиков» США, чтобы научиться погружаться. Этот навык был необходим для разминирования ядерной боеголовки на затонувшей подлодке. В ходе финального испытания перед ней стояла задача

дезактивировать муляж снаряда где-то в устье реки Потомак на затопленной субмарине, точное местоположение которой было засекречено. Позже ее отправили в Виченцу, Италия, откуда она ездила по всему миру, обезвреживая террористические бомбы от Северной Ирландии до Израиля. В свое свободное время она разъезжала на скоростном мотоцикле по итальянским Альпам.

«А у тебя в руках бомбы когда-нибудь взрывались?» – как-то спросил я ее, заметив, что на руках у нее пропали волосы.

«Ну да, было разок, – беспечно бросила она, – я подлетела на 100 футов в воздух».

«А родители знают?»

«Нет».

Стейси и папа всегда были неразлейвода. Пока я помогал маме готовить, красить дом, строить сарайчик для хранения садового инвентаря или составлять список того, что нужно починить, Стейси и папа ходили по выставкам оружия и разговаривали в машинах. Кроме того, она любила пощекотать его нервы своими безумными историями. Но, несмотря на это, ее ответ ничуть меня не удивил. В нашей семье так было принято: меньше знаешь – крепче спишь.

Она не получила звания капитана, так как, по словам руководства, не уделяла работе достаточно времени. На самом деле, несколько раз ей предпочли кандидатов-мужчин. И тогда она в полной мере ощутила на себе, что такое «стеклянный потолок»^[3].

Тогда же, во время одного из заданий (она должна была просканировать подарки Рональда Рейгана), сестра познакомилась с несколькими специальными агентами отдела секретной службы США. Они разглядели в ней потенциал и предложили ей устроиться на работу в отдел, который в то время активно нанимал женщин. Когда ее кандидатуру одобрили, она ушла из армии и вернулась на родину, чтобы поступить на новую работу.

Она поселилась в Толедо, штат Огайо, у брата отца и в течение года работала очным сторожем на фабрике, пока ей делали допуск к секретным материалам. Стейси была первым приемным ребенком, вступившим в ряды секретных агентов. Вся наша семья, включая наших родителей и ее биологических родителей, должна была пройти соответствующие проверки, чтобы руководство службы удостоверилось, что Стейси не иностранная шпионка. Судя по всему, мы все прошли «тест», так как в 1990 году она стала специальным агентом.

Сестра быстро продвигалась по службе. На первом своем месте работы в главном управлении Толедо она расследовала

дела, связанные с контрафактной продукцией и мошенничеством, и арестовала вдвое больше преступников, чем все другие агенты, вместе взятые. Уже через два года работы ей дали задачу защищать молодого губернатора Арканзаса, баллотирующегося в президенты.

К 1992 году я уже пять лет жил на Гавайях и довольно давно не видел Стейси. Я периодически звонил ей, чтобы узнать, как у нее дела и как ей путешествуются с будущим президентом. Предвыборная кампания была в самом разгаре, и лицо Билла Клинтона мелькало в каждом новостном выпуске.

«А тебя почему не видно рядом с ним? – дразнил я ее. – Его же постоянно показывают по телевизору».

«Да я рядом, просто ты меня не видишь, – отвечала она, – это моя работа – оставаться незамеченной».

«Ну да, конечно», – саркастически заметил я.

«Ну ладно, тогда вот что, – сказала она, – посмотри вечерний выпуск новостей и попробуй меня найти».

В тот вечер я последовал ее совету и честно включил вечерние новости. И вот наконец настало время трехминутной речи Клинтона. В кадре был виден сам кандидат, стоящий за трибуной, а на заднем фоне можно было разглядеть только американский флаг. Ничего необычного. Минуточку, а что это такое? Я присмотрелся и... то появляясь на экране, то вновь пропадая из виду, передо мной стояла моя сестра собственной персоной. Лицо ее было непроницаемым. В тот момент она напомнила мне человека, который неудачно попал в кадр, испортив фотографию, и, казалось, что в этом вопросе у нее имеется довольно большой опыт.

Вскоре после этого в моей семье начался разлад, и я все чаще начал звонить Стейси, чтобы попросить у нее моральной поддержки. Мы словно поменялись ролями, ведь обычно старший брат помогает младшей сестре, а не наоборот. Она была сильной личностью, прочно стояла на ногах, занимала высокую должность и устроилась в жизни намного лучше, чем я.

Спустя некоторое время я развелся, и мне пришлось бросить все на Гавайях и вновь начать новую жизнь на материке. Но куда я мог податься? За все эти годы я настолько отстранился от своей семьи, что теперь мне в буквальном смысле слова некуда было идти. Я попросил сестру приютить меня. И, хотя мы общались довольно мало во взрослом возрасте, она, не задумываясь, пригласила меня переехать в свой новый дом и гостить у нее, сколько я захочу.

«Вы знаете, что у вас билет в один конец до Ньюарка, штат Нью-Джерси?» – удивленно спросила меня сотрудница «United

Airlines». Дело было в международном аэропорту Гонолулу, я сдавал в багаж две огромные спортивные сумки, в которых лежали все мои вещи, которые я оставил себе после развода. «Сейчас конец февраля, и там еще холодно», – добавила она.

«Да, я знаю», – промямлил я.

Мою сестру недавно перевели в главное управление Ньюарка (на самом деле находившееся в Морристауне, поскольку Ньюарк, видимо, был слишком опасным местом даже для секретных служб), и она прибыла в Нью-Джерси на пару недель раньше меня. Я вошел в ее двухэтажный дом, являвшийся частью старого поместья и находившийся в двух кварталах от их штаб-квартиры. После переезда дом был заставлен коробками. Пробираясь между ними, сестра вышла мне навстречу и поприветствовала меня.

У меня ничего не было: ни машины, ни работы, ни друзей, ни чувства собственного достоинства. Развод лишил меня всего. Я распаковал коробки сестры и расставил вещи в ее новом доме. Кроме того, я попытался разобраться с тем багажом эмоций, который привез с собой. Когда Стейси приходила с работы, мы выпивали по баночке пива и расслаблялись. По понятным причинам, ее работа была постоянным стрессом, даже когда она не охраняла президента.

Всемирная паутина тогда еще не получила столь широкого распространения, но преступники уже пытались использовать ее в своих целях. Моя сестра интересовалась компьютерами, поэтому ее взяли в новый отдел секретной службы – отдел по борьбе с электронным мошенничеством. Когда через несколько месяцев я съехал от Стейси и покинул Нью-Джерси, она работала над операцией под названием «Киберловушка» и отслеживала преступников с помощью электронной доски объявлений. Благодаря проделанной ею работе в семи штатах были задержаны интернет-мошенники, а также раскрыта сложная схема телефонных краж, которая ежегодно приносила преступникам около 3 миллиардов долларов.

Последние 11 лет своей работы в секретной службе Стейси провела в Вашингтон Ди-Си, где занимала различные должности. В течение этого времени она вела дела 15 президентов других стран (в том числе Индии, Уганды и Никарагуа) и девяти президентов США. Она спокойно курила сигары с сандинистскими повстанцами в горах Никарагуа и так же непринужденно отправлялась на аудиенцию к королям, президентам, главам государств или папе римскому. Она была крепким орешком, настоящим сорванцом и моим героем.

И я потерял ее. Мы все потеряли ее, но никогда не говорили об этом. На самом деле, мне казалось, что мы потеряли ее

дважды: первый раз, когда она умерла, и второй раз, когда мы продолжали хранить молчание, которое убило все воспоминания о ней. Вместо того чтобы заполнить образовавшееся пространство историями ее жизни, мы заперлись в собственном горе.

Перед смертью мой отец так и не поделился с нами тем, что он чувствовал после смерти Стейси. Каждый раз, когда я пытался расспросить его об этом, он закрывался. Он ушел из этого мира, но так и не смог поговорить об этом. А хочет ли мама вспомнить о своей любимой дочери? Или она молчала все эти годы только потому, что отец так и не смог смириться со смертью Стейси?

Я очень хотел поговорить с родителями о Стейси, но знал, что за все эти годы мы сильно отдалились друг от друга. В этом была наша общая вина. Мы слишком долго жили отдельно. Смерть Стейси разрушила множество стен, которыми я отгородился от родителей, но даже этого было мало. Мы не знали, как вести себя в таких ситуациях, у нас не было инструкции, в которой было бы написано, как пережить одиночество, печаль и боль. И так было до тех пор, пока мы не встретили Рика и Джо.

* * *

В течение всех трех недель в Форт-Майерс, когда мы с Рейми возвращались с наших утренних прогулок, мы заставляли маму и Джо сидевшими в стеклянном домике около фургона. Они разговаривали. Мы не мешали им. Они обе пережили то, что ни одна мать не захочет испытать. Иногда они молчали, а иногда теплый бриз сквозь открытые окна доносил до нас обрывки их разговора. Горе, решимость и вера сплотили их.

Рик и Джо не скрывали своих чувств: они не пытались казаться сильнее и не боялись поделиться своей тоской. Благодаря этому путешествию мы смогли почувствовать себя счастливой семьей: мы впервые увидели, как мама улыбается, дурачится и рвется на поиски новых приключений. Однако мы по-прежнему избегали неприятных тем. И вот благодаря Рiku и Джо мы поняли, что и в горе можно оставаться сплоченными. Их неподдельная грусть и постоянные разговоры об ушедших сыновьях показали нам, что если мы перестанем делать вид, будто все в порядке, мы, возможно, ощутим намного больше боли, но в то же самое время в нас проснется настоящая любовь и единение с близкими, а это и есть самое верное противоядие от тоски.

Когда я наблюдал за мамой и Джо, я понял, что каждый из

нас испытывает свои эмоции. Возможно, разделить горе с мамой вовсе не означало плакать вместе, а, скорее, подразумевало нечто более неуловимое и тонкое: коснуться руки, подбодрить, посмотреть в глаза и сказать: «Я вижу тебя и знаю, что ты чувствуешь». До сих пор я не видел, чтобы мама плакала после смерти моей сестры или отца, но в тот день на катере и после, когда они с Джо шепотом беседовали наедине, я заметил в ней некоторые перемены. Боль, таившаяся в ее сердце, начала потихоньку выходить наружу, в ласковые объятия Джо. И я знал, что если моя мама исцелится, то и я смогу выздороветь. Мы сможем сделать это вместе.

Глава 8

Полет

Орландо, Флорида. Январь

Рейми

Когда мы впервые встретились с Тимом, мы установили два правила, которых придерживаемся и по сей день. Первое – мы принимаем все решения из любви, а не из страха. Второе – мы никогда ни о чем не жалеем. «Никаких могло бы, было бы, стоило бы и так далее», – сказала я ему. Эта фраза всегда была девизом нашей семьи, а теперь она стала девизом нашего дома на колесах.

После того как в июле мы нашли вырезки из газет, мы с Тимом решили сделать Норме сюрприз: организовать для нее полет на воздушном шаре. Но устроить это было сложнее, чем мы рассчитывали. Двигаясь на запад и юго-запад, я все время держала в голове нашу идею, но по пути нам нигде не попадались компании, предлагающие полеты на воздушных шарах для пожилых людей. Ноябрь закончился, приближались рождественские каникулы, а я все еще не могла отыскать для Нормы подходящий вариант. Однако это лишь подогрело мой энтузиазм поднять ее в воздух. Но как? Некоторые компании предлагали подняться на воздушном шаре, привязанном к земле, но мне не нравилась эта идея, я знала, что она хочет полетать! Другие были готовы взять ее на борт воздушного шара, в корзине которого, правда, не было предусмотрено сидений. А это было очень важно, так как я знала, что моя свекровь не выдержит целый час полета стоя. Впрочем, даже если мне удалось бы найти шар с сиденьями, я не представляла, каким образом Норма сможет залезть внутрь: в силу ее физического состояния отверстия для ног в корзине, по которым люди обычно забираются в шар, были для нее не самым удачным вариантом.

Существуют ли вообще шары, приспособленные для пожилых людей? Бывают ли шары с дверью в корзине, через которую можно провезти инвалидную коляску? Вопросов было больше, чем ответов. Я прокручивала в голове всевозможные сценарии: может, посадить ее на барный стул, тогда она сможет видеть все вокруг во время полета? Но будет ли это безопасно? И всегда я возвращалась к вопросу о том, как же ей попасть внутрь шара. Я облазила весь интернет, обзвонила все ближайшие компании, но

тщетно. Мы были ограничены не только физическим состоянием Нормы, но и отсутствием плана как такового (мы лишь приблизительно знали, где окажемся и в какое время).

Поскольку мы рассчитывали провести всю зиму во Флориде, я сузила поиск до «солнечного штата». Сидя в прозрачной палатке в тихом лагере в национальном парке Хендерсон Бич недалеко от Дестина, штат Флорида, я судорожно выписывала телефонные номера соответствующих компаний и обзванивала их. После нескольких неудачных попыток мне все-таки удалось дозвониться по одному из номеров. «Компания «Томпсон Эйр». Меня зовут Джефф. Чем могу помочь?» – раздался в трубке громкий голос. Я тут же расслабилась, так как мужчина показался мне дружелюбным и настроенным на общение с клиентом.

«Моей свекрови 90 лет, и я хочу заказать для нее полет на воздушном шаре. Я видела, что у вас есть шары с сиденьями, мне было бы интересно узнать об этом поподробнее, пожалуйста. Но для начала скажите: услышав такое, не считаете меня сумасшедшей?» – выпалила я на одном дыхании.

Во время беседы с Джеффом я не переставала думать о докторе Гаванде и его идеях о безопасности и свободе. «Наша самая большая ошибка в обращении с больными и пожилыми людьми заключается в следующем: мы несправедливо считаем, что их единственной целью является чувствовать себя в безопасности и прожить как можно дольше. На самом же деле для того, чтобы сохранить смысл жизни, необходимо создать собственную уникальную историю», – писал доктор Гаванде в своей книге «Как быть смертным». Я помню, что, прочитав об этом много месяцев назад, я была полностью согласна с ним. Но мне также было важно услышать одобрение Джеффа. Тогда я была бы полностью уверена, что Норме не угрожает никакая опасность и что от полета у нее останутся только положительные впечатления.

Я почувствовала воодушевление Джеффа даже через телефонную трубку. Он говорил взволнованным, но в то же время обнадеживающим тоном, на одном дыхании поведав мне все о воздушных шарах (оказывается, он занимался ими с пятнадцати лет). Он также уверил меня, что его семья сможет воплотить мечту Нормы в реальность. Он похвастался, что недавно Американская федерация воздушных шаров присудила ему высшее звание пилота (в США такое звание имеет только один из 32 летчиков). Он действительно хотел исполнить наше желание и убедил меня в том, что сможет справиться с поставленной задачей. Наконец-то я смогла поверить в то, что это действительно возможно.

Джефф очень подробно рассказал мне о технике безопасности, а затем перешел к более приятной теме. «Наши шары отличаются от остальных, – сказал он, – корзины оборудованы скамейками, так что Норма полетит с комфортом. С этим не возникнет никаких трудностей». Что ж, первую проблему мы решили. Перед тем как задать следующий вопрос, я набрала побольше воздуха в легкие: «Но как она попадет в корзину?»

«А, за это не беспокойся, Рейми, она попадет, я обещаю. – Джефф общался со мной так, словно мы были старыми друзьями. – Недавно мне пришлось поднимать 650-фунтового мужчину, чтобы он смог залезть в шар, а ты говоришь, ваша мама легче перышка. Так что я уверен – она полетит». Мы выбрали дату, и у нас с Тимом родился план.

До Рождества оставалось всего несколько дней, и мы решили сообщить Норме о нашей задумке в рождественское утро. «Господи, только бы она согласилась», – сказала я Тиму, когда мы отправились в местную бакалейную лавку за товарами для поделок. Обычно мы экономим и не тратимся на подобные дорогостоящие затеи, но в этот раз мы были уверены, что игра стоит свеч.

Вскоре я забыла о беспокойстве – нас с Тимом охватил детский восторг, когда с помощью липкой ленты, цветного картона и надувного шарика мы мастерили макет воздушного шара. Тим нарисовал «купон для полета на воздушном шаре», а я прикрепила его к самодельной корзине. Мы хотели произвести настоящий фурор – в конце концов, полет на воздушном шаре был некой данью уважения Норме и Лео, мечтой, которая так долго ждала своего часа.

Рождественским утром, пока Норма спала, мы с Тимом, взволнованные, словно родители, перешептываясь и хихикая, на цыпочках пробрались к обеденному столику, чтобы повесить на ее стул наш воздушный шар. Ровно в 9 утра дверь ее спальни отворилась, и в проеме показалась Норма. На ней был колпак Санты (Лео раньше всегда надевал его на Рождество). Вместо «Веселого Рождества» мы поставили альбом «Вверх, вверх и вдаль» группы «The 5th Dimension».

Крещендо струнных и классические аранжировки 60-х годов только подогрели наш и без того пылкий энтузиазм. Пока Норма шла на кухню, мы с Тимом тихонько подпевали, стараясь не заглушать радио. Но к концу необычной для такого праздника песни мы что есть мочи начали горланить «ВВЕРХ, ВВЕРХ и ВДАЛЬ!».

«Это что такое?!» – спросила Норма, как зачарованная садясь на стул и вытаскивая записку из корзины нашего макета

воздушного шара. «Так что это?» – снова спросила она.

Мы дождались, пока она закончит читать. Мы широко улыбались, а я тщетно пыталась сохранить спокойствие и устоять на месте. Под столом Тим сжал мою руку. «Мы что, правда полетим на воздушном шаре?» – Норма подперла подбородок руками и выглядела очень довольной.

«Полетим», – ответила я.

«Серьезно? Я не могу в это поверить!»

Весь завтрак мы убеждали Норму, что полет на воздушном шаре действительно состоится. «20 января запомнится тебе надолго», – уверила я ее. Она пришла в восторг и изумление от того, что ее мечта исполнится.

«Я думаю, мы правильно сделали, что потратили на это столько денег», – сказала я Тиму, когда эмоции немного успокоились, а солнце село за горизонт. Я не могла сдержать улыбку. Я вспоминала, каким радостным блеском загорелись глаза Нормы, когда она увидела свой подарок.

«Да, так и есть».

* * *

Перед тем как мы добрались до Орландо, где нам и предстоял полет на воздушном шаре, мы путешествовали в течение еще нескольких недель, останавливаясь в разных лагерях по всей Флориде. Так как мы не планировали заранее, как проведем зиму, мы не могли оставаться на одном месте долгое время. Но Стейси, определенно, услышала мою молитву (ту, что я читала еще в августе), потому что в течение всей зимы (с 1 декабря по 1 марта) нам чудом удавалось найти парковочные места в восьми различных парках для автодомов, национальных парках и заповедниках – только благодаря тому, что кто-то отменил бронь. Неделя здесь, три недели там, четыре дня здесь и так далее. Во время каждой остановки Норма посылала открытки, в которых писала: «Я полечу на воздушном шаре 20 января!»

Норма заразила меня своим радостным ожиданием, и каждый раз, когда она отправляла открытку, я на некоторое время задерживала дыхание, потому что боялась, что наши планы сорвутся. Вдруг погода будет плохой, или полететь нам не позволит состояние ее здоровья, или ранним утром мы заблудимся и не сможем добраться в нужное место. «Так, хватит», – сказала я себе, – переживания, страх и мрачные мысли – это все пустая трата энергии. Я это знаю. Это один из моих жизненных принципов».

Мы отпраздновали Новый год с Джо и Риком в Форт-Майерсе и уже в середине января отправились в автопарк для фургонов «Волшебное озеро», расположенный неподалеку от Орlando. В лагере мы встретили таких же перелетных птиц, как и мы, которые решили перезимовать в умеренном климате центральной Флориды. Они, определенно, предпочитали хорошую погоду, поскольку у каждого из путешественников был свой электрический гольф-мобиль, укрытый полиэтиленовым корпусом на молнии для защиты от дождя и ветра. И так, дата нашего полета приближалась, но погода нас совсем не радовала – число гольф-мобилей, укутанных в пленку для защиты от осадков, только увеличивалось.

Таких ливней я не видела за всю свою жизнь. В первые недели января не было ничего, кроме дождя, ветра, дождя и снова дождя. С каждым днем я все сильнее переживала о том, что полет не состоится, и каждый день я пыталась отпустить свои страхи. Норму погода совершенно не пугала. Она продолжала посылать открытки.

В назначенный день мы проснулись и выглянули в окно. Я не поверила своим глазам: на улице было темно, но свежо. Небо было чистым, а ветер стих. Идеальный день для полета на воздушном шаре! Позже мы узнали, что из-за плохих погодных условий в течение трех дней до и после нашей даты все полеты были отменены. Но 20 января светило солнце.

Норма поднялась еще до рассвета, намного раньше, чем обычно. Она быстро оделась, нацепив на себя пару штанов и свитеров, чтобы не продрогнуть. Вместе с Тимом они практически в дверях залпом выпили по чашке кофе без кофеина – мы не завтракали, решив устроить себе праздник живота сразу после полета. В предрассветной дымке за десять минут мы добрались до пункта сбора на парковке ресторана.

Нас встретил очаровательный англичанин по имени Гленн. Он поздоровался с нами, когда мы помогали Норме вылезти из джипа. Он был очень высоким, практически на полтора фута выше хрупкой Нормы. Когда она сошла с подставки, которую мы всегда возили с собой, он широко улыбнулся ей. «Всегда к вашим услугам», – заверил он нас.

За спиной Гленна мы увидели всю семью Томпсонов. Этим утром воздушными шарами управляли Джефф и его брат Джон. С ними рядом стояли их родители, которые должны были ассистировать Гленну на земле. И хотя никто из членов семьи не обладал столь же внушительным ростом, как Гленн, они полностью разделяли его неиссякаемый энтузиазм. «Добро пожаловать в путешествие вашей мечты!» – то и дело повторяли

они.

Мы быстро подписали все необходимые бумаги о том, что компания не несет ответственности за наши жизни, загрузились в фургончик с ярким логотипом компании и отправились к месту запуска.

Солнце окончательно встало, раскрасив голубое небо ослепительно-желтыми, затем розовыми и даже оранжевыми красками. Пропан в баках загорелся и зашипел, а струйка пламени взвилась вверх к отверстию в огромном нейлоновом «парусе». Стуча зубами от холода, Норма ждала в фургоне. Ее восторженный взгляд притягивал, пожалуй, даже больше внимания, чем все происходящее вокруг. Тим сиял от счастья, помогая команде на земле. А я делала то, что умела лучше всего: фотографировала на свой верный «Сапон 60D», надеясь, что хотя бы один снимок получится удачным.

Скомканная масса нейлона прямо на наших глазах постепенно превращалась в купол размером с семиэтажный дом. Радужные полосы шара словно украли все краски у яркого восхода солнца, затмив своим великолепием утренний небосвод.

«Мы все сделали, Норма. Вы готовы?» – промурлыкала Конни, мама Джеффа, в открытую дверь фургона.

«Да, но как я попаду внутрь? Я не смогу поднять ноги так высоко, чтобы забраться в корзину. Вы уверены, что мы сможем полететь?» – Норма не скрывала своего беспокойства.

И тут к ней подошел Гленн. Рядом с громадным англичанином она выглядела еще меньше. Он склонился над ней, встретившись своими голубыми глазами со взглядом Нормы, и с очаровательным английским акцентом произнес: «Можете крепко обнять меня?» Прежде чем Норма успела понять, что происходит, Гленн уже поднял ее на руки, поднес к корзине и, по ее собственному выражению, забросил внутрь. Все это время она не переставала хохотать.

Когда Норма оказалась в корзине и перестала смеяться над тем, как Гленн помог ей забираться на шар, мы проверили все еще раз и, наконец, были готовы взлететь. Я летала на шаре уже в третий раз, но, стоя сейчас в корзине, я знала, что на этот раз весь полет я буду смотреть на свою свекровь, а не любоваться открывающимися видами. Я попыталась представить себя на ее месте, взглянуть на мир ее глазами, ощутить то, что чувствует она.

Я вспомнила рваные края вырезанной из газеты статьи о полетах на воздушном шаре, которую мы нашли в Библии Лео, когда перебирали его вещи. А затем я подумала о другой вырезке, прикрепленной к холодильнику магнитом из кабинета зубного

врача, которую мы так долго не замечали, а потом и о третьей, которую мы обнаружили под кучей других заметок, висящих на большой белой доске объявлений в тесной кухоньке родителей Тима. Еще одна вырезка, датированная 2014 годом, лежала в папке с налогами.

В голове крутились отрывки из Гаванде, правда, я не могла оформить их в слова, просто ощущала это. Я чувствовала, как все мои опасения, поселившиеся во мне в тот момент, когда мы решили взять Норму с собой в путешествие, постепенно уходят прочь. Я видела, как блестят глаза Нормы, и понимала, насколько это прекрасно – создавать собственную историю, насколько важнее получать бесценный опыт и новые ощущения, нежели просто пребывать в безопасности – даже в конце жизни. Когда мы оторвались от земли, я заметила, что Норма вдохнула глубже. Возможно, она хотела отдать частичку этого полета Лео, а возможно, всем телом хотела прочувствовать этот радостный момент.

Шар поднял нас высоко в небо, и глаза Нормы радостно заблестели. От удивления она раскрыла губы, а щеки ее подернулись румянцем. Она подняла голову и посмотрела на горелку, нагревающую воздух, который поднимал нас вверх. Затем она выглянула за борт и стала наблюдать за восходящим солнцем и верхушками деревьев. Я никогда не видела такого расслабленного выражения на ее лице: она становилась все более радостной и умиротворенной по мере того, как мы набирали высоту. Я не решилась спросить ее, о чем именно она думала. Это был ее полет, не мой. И я позволила себе разделить тишину вместе с моими компаньонами, ощутить себя в состоянии невесомости, погружавшем меня в глубокую и безмолвную негу.

Мы легко плыли по утреннему небу, пролетая над безупречным миром Уолта Диснея, над ухоженным полем для гольфа с ловушками для песка в форме Микки-Мауса и над застрявшими в пробке машинами.

Каждый раз, когда над нашими головами из пропановой горелки выбивалось пламя, я чувствовала, как из моей груди струится любовь, которой нипочем весь этот царящий под нами хаос.

Молчание нарушила Норма. Ее руки в перчатках лежали на кожаной кромке корзины, а вязаный плащ укрывал ее плечи и голову. Яркое солнце освещало ее лицо. Она сияла снаружи и изнутри, как и воздушный шар. Она взглянула на Тима, широко улыбаясь, и произнесла: «Твоему папе понравилось бы».

Глава 9

Импульс

Пляж Сент-Огастин, Флорида.

Февраль

Рейми

Ранним ясным утром в конце февраля мы с Тимом лежали на наших надувных матрацах в передней части фургона, просматривая почту и сообщения на Фейсбуке. Мы остановились в лагере Брин-Мара, спрятанном в песчаных дюнах, возвышающихся над северным побережьем Атлантического океана. До нас доносился плеск волн, бьющихся о берег, и щебетание птиц. На глаза у нас навернулись слезы.

«Может ли одно сердце вместить столько любви?» – спросил меня Тим.

Всего лишь за несколько недель мы стали настолько популярными, что о нас узнала вся страна, да что там – весь мир. С одной стороны, практически все, кто путешествует в фургонах, держатся обособленно, поэтому, кроме нескольких владельцев лабрадоров, с которыми мы сдружились, по большей части из-за Ринго, во Флориде у нас было не так много знакомых, как на других стоянках. Здесь нас практически никто не знал. С другой стороны, тысячи людей, узнавших о нашей истории, начали буквально засыпать нас письмами и сообщениями на Фейсбуке. Это было просто невероятно.

Мы читали каждое сообщение.

Женщина из Коннектикута, прикованная к дому из-за болезни, благодарила Норму за то, что та вдохновила ее выйти, наконец, из дома и начать новую жизнь.

По мнению сестры онкологического отделения в больнице для пациентов с раковыми заболеваниями, было бы здорово, если бы больше пожилых людей, у которых диагностировали рак, отказывались от терапии и наслаждались спокойной жизнью до конца своих дней. Она писала, что, по ее личному опыту, традиционные методы лечения лишь на короткое время продлевают отпущенный им срок, лишая их полноценной жизни.

Мы также получили письмо от одной семьи. Прочитав на нашей страничке о мисс Норме, они решили отправиться в двухнедельное путешествие на 6300 миль. «Мы хотим жить, пока

можем», – писали они.

Мужчина из Перта, западная Австралия, благословил нас. Из Аргентины нам слали теплые пожелания. У автора одного из писем недавно умерла бабушка, и он спрашивал, может ли он называть Норму «бабулей». И так далее, и так далее.

Тим не преувеличивал. Наши сердца переполняла любовь и радость так, что они готовы были разорваться в любой момент. Столько людей во всем мире поддерживало нас. Их письма буквально вдохнули в нас новую жизнь. Но было и кое-что еще. Эти люди делились с нами своими самыми сильными страхами, печалью и желаниями. Они рассказывали нам о своих трудностях при уходе за близкими, о поставленных им диагнозах и о своей горе. Они писали нам о самых сокровенных желаниях: наконец спланировать поездку, о которой так давно мечтали, примириться с недавно умершим отцом или признаться кому-то в любви. Неожиданно мы оказались в центре международного диалога о смысле жизни, болезни, старении и любви. Мы быстро учились открываться огромному потоку реальных чувств и эмоций.

Но вначале все было далеко не так. Вначале нас охватила паника и беспокойство, мы боялись утонуть в бездне сетевой популярности и ответственности.

* * *

520. Столько лайков набрала наша страничка через полгода путешествий. Нас лайкали родственники, друзья и знакомые, с которыми мы встречались на стоянках, в очередях передвигжных закусочных и во время поездок по национальным паркам.

Через два месяца у нас было всего 83 лайка, пока одна наша подруга не начала рекламировать нашу страничку. Тогда количество лайков увеличилось до 100. Она просила всех своих знакомых лайкнуть нашу страничку, а мы пообещали прислать открытку из Скалистых гор тому, кто поставит сотый лайк. Не то чтобы мы хотели потешить собственное самолюбие, но нам было бы приятно увидеть трехзначную цифру.

Путешествовать порой было совсем непросто. Конечно, было много счастливых моментов, но постоянно ухаживать за больным человеком вне зависимости от обстоятельств вовсе не так легко. Наш образ жизни существенно изменился. Несмотря на то что мы с Тимом по-прежнему оставались кочевниками, из-за Нормы мы не могли проводить время так, как раньше. Теперь вместо того, чтобы вставать до восхода солнца и проходить по 10–12 миль по

национальным паркам, мы ждали ее пробуждения, а затем искали достопримечательности, оборудованные специальными дорожками для инвалидных кресел, и надеялись, что Норме понравится экскурсия. Мы беспокоились за ее аппетит и здоровый сон. Если Норма чувствовала себя хорошо и бодро, мы шли гулять, а если нет, мы оставались в фургоне, читали или решали кроссворды. Она была нашей главной заботой, от ее настроения и здоровья зависели все наши планы.

Когда кого-то из нас одолевала хандра, когда мы чувствовали, что не можем больше ухаживать за Нормой или даже ставили под сомнение наше решение отказаться от собственной свободы в ее пользу, мы всегда открывали нашу страничку, чтобы увидеть там лайки и комментарии нескольких десятков людей. Сами того не зная, они оказывали нам огромную моральную поддержку. Они помогали нам двигаться дальше, когда мы уже готовы были сдаться.

Однажды ветреным утром на пляже Сент-Огастин, Флорида, я решила написать на новостной интернет-портал Good News Network (GNN)^[4]. Я была настолько счастлива увидеть 520 лайков и почувствовать поддержку наших подписчиков в комментариях, что мне захотелось распространить эту любовь дальше. Я подумала, что GNN могли бы опубликовать нашу историю, чтобы о ней узнало больше людей.

Через несколько дней я получила письмо с приглашением на интервью.

Прежде чем ответить, я решила посоветоваться с Нормой и Тимом.

«Дорогая, я не очень хочу выступать перед камерой, – тут же сказал Тим, – я ценю свое личное пространство, к тому же никого, кроме тех, кто уже подписан на нас, эта история не заинтересует. Наши друзья и так в курсе нашего путешествия. Ты действительно считаешь, что нам нужна огласка?» Увидев блеск в моих глазах и, возможно, вспомнив о моем стремлении изменить мир, после многозначительной паузы и некоторых размышлений он продолжил: «Но, вообще, попробовать можно. Только не сообщай им наши фамилии, ладно? Если никого история не заинтересует, мы же не сильно расстроимся?»

«Не сильно», – согласилась я, в душе надеясь, что он ошибается.

Норма просто спросила: «Думаешь, все получится?»

«Я не знаю, – призналась я, – но мы всегда рассказывали только правду о нашем путешествии и уже видели, как многих (причем не только наших друзей) вдохновила эта история. Вспомнить хотя бы наших 520 подписчиков. Среди них наверняка

есть те, с кем мы не знакомы лично».

«Точно», – согласилась Норма.

«Ты даешь людям надежду и заставляешь их улыбаться. Я думаю, обязательно найдутся те, кто захочет прочесть о твоём путешествии. Мне кажется, делиться своей радостью с миром – это прекрасно».

«Верно», – ответила она.

Мы вместе ознакомились с некоторыми публикациями на странице GNN. Мы прочли о приюте, организовавшем волшебную свадьбу для бездомной пары, о том, как после 70 лет разлуки ветеран Второй мировой войны вновь встретил свою девушку благодаря обществу добровольцев по поиску пропавших людей, и о мальчике с церебральным параличом, который катается в скейтпарке в инвалидном кресле.

«Ну теперь-то мы точно можем рассказать нашу историю», – сказала Норма. Портал увлекал ее все больше и больше, и мы решили, что, несомненно, стоит поделиться с миром еще одной хорошей новостью.

«Мы напишем небольшую статью. Ничего серьезного, – продолжила я, – но, если ты не хочешь, я откажусь от интервью. Выбор за тобой, Норма». Однако она согласилась и с моей помощью ответила на три вопроса для интервью, которые прилагались к письму.

Мы устроились на кухне, пытаясь изложить наши мысли для будущих читателей.

«Можете ли вы дать какой-нибудь совет читателям, потерявшим близкого человека?» – так звучал первый вопрос.

«Молитесь каждый день, и Бог позаботится о вас, даже если вы чувствуете, что не в состоянии позаботиться о себе сами», – ответила она.

«Как оставаться позитивным?» Действуя по принципу «краткость – сестра таланта», она сказала: «Просто старайтесь радоваться чему-то каждый день и никогда не сдавайтесь».

«Что делать, если теряешь любовь к жизни? Как с этим справиться?» Вдохновленная историей Рика и Джо, которых мы встретили в Форт-Майерсе, Норма ответила: «Говорите о своём прошлом, это очень помогает».

В следующее воскресенье у меня зазвонил телефон, оповестив меня о новом электронном письме. Администрация GNN сообщала, что на своём портале они опубликовали историю под названием «Приключение мисс Нормы» и надеялись, что нам она понравится. Я открыла компьютер и увидела 550 лайков. Менее чем за час у нас стало на 30 подписчиков больше! Вскоре число лайков увеличилось до 637. Каждый раз, когда я обновляла

страницу, их количество возрастало в геометрической прогрессии. К обеду мы набрали 1800 лайков. Перед сном мы получили сообщение с просьбой связаться с телеканалом CBS News, который хотел показать репортаж о Норме в программе вечерних новостей.

На следующий день мы собирались отправиться в древнюю крепость Кастильо-де-сан-Маркос вместе с нашими давними друзьями, которые тоже приехали в Сент-Огастин. Но вместо того, чтобы слушать об Испанской Флориде, я, облокотившись на пушку, венчающую 321-летнюю крепость, разговаривала с Кортни, продюсером CBS News из Нью-Йорка.

«Буквально пять минут назад ваша страничка на Фейсбуке набрала 4000 лайков. Вы предполагали, что такое может произойти?» – спросила Кортни.

В одной руке я держала свой телефон, а другую приложила к уху, чтобы лучше слышать сквозь порывы ветра и разговоры экскурсионной группы школьников. Я честно призналась, что даже не представляла подобного. У меня не было никаких ожиданий от публикации этой истории.

Я беседовала с Кортни около 45 минут. Мы поговорили о воздушных шарах, дельфинах, смерти, Гранд-Каньоне, раке и о Норме, маленькой очаровательной леди, которая затронула сердца всех американцев. Кортни держалась просто и естественно, я бы с легкостью могла пригласить такого человека на обед. В то же время я осознавала, что этот разговор может изменить всю нашу жизнь. Я хотела быть максимально искренней, ведь именно искренность являлась определяющим фактором всего нашего путешествия, поэтому я призналась: «Кортни, я должна предупредить, что Норма очень застенчива, поэтому я не уверена, насколько удачным может выйти ролик. Если ничего не получится, мы не сильно расстроимся. Она для нас самое главное, и мы ни в коем случае не хотим для нее дурной славы».

Мы разошлись, ничего не обещая друг другу. Кортни должна была переговорить «со своими людьми», а я – со своими. Я не могла согласиться на телевизионное интервью, не посоветовавшись с близкими.

«Кстати, – сказала напоследок Кортни, – у вас уже 5200 лайков. Не упустите свой шанс! Скоро мы поговорим еще раз».

Число лайков на Фейсбуке продолжало расти. GNN сообщили нам, что наша статья стала одной из самых популярных и набрала более 50 000 просмотров. Сразу после нее шла история под названием «Нужна помощь: Китаю требуются профессиональные обниматели панд» – как история о Норме могла быть популярнее

милых детенышей панды?

По мере того как количество лайков росло, росло и наше беспокойство. Честно говоря, мы с Тимом испытывали скорее страх, нежели радостный трепет.

Пять лет назад мы перестали читать газеты и смотреть новости – вплоть до того, что даже заблокировали новостную ленту на Фейсбуке. Мы хотели сами отбирать интересующую нас информацию, а не «глотать» бездумно все, что транслируют СМИ: слишком уж часто в прессе освещаются терроризм, убийства, политика и скандалы. Это действовало нам на нервы и мешало позитивно мыслить.

А теперь мы сами стали новостью. И даже больше: теперь нам звонили и писали сотни людей, которые хотели стать частью нашей жизни.

«Мое безрассудство погубило нас», – причитала я каждый раз, когда видела новый лайк. Я лишила свою семью права на личную жизнь. Вера Нормы и Тима в меня была подорвана. Я создала монстра, которого не знала, как остановить. Меня тревожил даже стук собственного сердца перед сном.

Тим обезумел. Буквально сошел с ума. «Ты должна была предположить, что это случится, – то и дело повторял он, – нам надо прекратить писать посты. Удали страницу на Фейсбуке, и покончим с этим. Так больше не может продолжаться. Мама просто не выдержит этого».

Что же я наделала?

* * *

Каждый час нам приходили тысячи сообщений, и мы с трудом успевали на все отвечать. Мы начали осознавать, что заинтересовали не только американцев. В одном сообщении нам предлагали приехать в Голландию и посмотреть на тюльпаны, в другом, от жителя Канарских островов, благодарили за то, что мы принесли мир в его дом. Нам писали из Ирландии, приглашали в Кению, а молодая мама из Японии отправляла фотографии мисс Нормы своему десятимесячному сыну. Съёмочные группы из Франции, Кореи и Бразилии слезно просили нас позволить им присоединиться к нашему путешествию.

Тем временем я продолжала убеждать себя в том, что необходимо прекратить писать посты на Фейсбуке – и тогда все прекратится, а мы вернемся к привычной жизни. Все же просто.

Днем мы с Тимом катались на велосипедах по дощатым дорожкам и плотному песку пляжа Сент-Огастин, безуспешно

пытаясь перевести дух от вопросов журналистов, сотен различных приглашений и проникновенных писем. Ветер развеивал волосы, а могущественный океан позволял нам остаться наедине с собой и очистить разум. Во время наших прогулок мы обсуждали то, как отказаться от приглашений на ток-шоу, продолжать с юмором относиться к тому затруднительному положению, в которое мы попали, и ставить наши отношения превыше всего.

«Еще кружочек вокруг пирса?» – предложил Тим, неистово крутя педали. Нам казалось, что, если ехать быстрее, мы сможем оставить все позади: страх того, что нас используют, лишают личного пространства, ставят Норму в неловкое положение, боязнь потока эмоций, который накрывал нас через интернет.

Однажды вечером я открыла «Ридерз дайджест», который Норма недавно выменяла на коллекцию детективных мистических рассказов в библиотеке на одной из стоянок для фургонов. Листая потрепанное издание, я наткнулась на изображение кота в вязаном колпаке, просящего милостыню с кружкой в лапе. Подпись гласила: «Бывшая легенда YouTube». «Да ведь это прямо про нас, – сказала я как можно более убедительно, – мы как все эти видео с котиками, которые за секунду облетают весь интернет, но в конце концов теряют популярность, и все возвращается на круги своя».

Мысленно извинившись перед тем, кому этот журнал достанется после нас, мы вырвали страницу с котом, превратив ее в некий символ того, что и для нас вся эта история скоро закончится.

Но хотели ли мы этого в действительности?

Каждый раз, читая новое сообщение и обсуждая с другими семьями их проблемы, я чувствовала, как в нас зажигается небольшой огонек.

«Недавно мой свекор умер от рака. Ваш рассказ помогает мне справиться с горем».

«Я читаю все ваши посты пожилым людям в доме престарелых, в котором работаю. Вы скрашиваете их последние дни, вдохновляете и помогаете радоваться».

«Вы заполняете пустоту в прессе».

«Я работаю врачом, и, прочитав вашу историю, я начал по-другому относиться к своим пациентам».

«У меня начались проблемы, когда родители узнали о том, что я гей. Казалось, смысл жизни для меня потерян. А затем я посмотрел ваши фотографии, и мне стало легче. Вы предпочли жизнь смерти, несмотря на то что эта жизнь требовала неимоверного терпения. И я знаю теперь, что тоже так смогу».

«Вы спасли мне жизнь. Когда я увидел ваши радостные лица, я

понял, что лучшее еще впереди. Вы помогли мне больше, чем доктора, терапия и психологи».

«Мисс Норма, сегодня моя сестра умерла. Я желаю Вам оставаться сильной и продолжать это путешествие в память о тех, кто не смог разделить его с Вами».

Читая сообщения, мы иногда плакали, а иногда смеялись, зачитывая вслух отрывки. Каждый раз, когда Норма узнавала о том, как ее история изменила чью-то жизнь, она широко улыбалась; услышав о чьей-либо смерти, она закрывала глаза и читала молитву в память об ушедшем. Постепенно страх в наших сердцах уступал место любви и состраданию.

* * *

Вслед за изменениями, которые произошли внутри нас, нам предстояло принять решение об интервью с CBS. Тим был уверен, что его мама не создана для телевидения. Она была застенчивой, в своей жизни всегда выступала на вторых ролях и никогда-никогда не видела себя звездой. Как она сможет сыграть главную роль, не имея никаких навыков? Это просто невозможно.

Пока мы с Тимом спорили, обсуждали и беспокоились за то, какое решение примет Норма, она обдумывала все самостоятельно. Мы не знаем, что тогда произошло с Нормой, но внезапно ей стала нравиться эта идея. «Я справлюсь, Тим», – сообщила она нам с такой решимостью и уверенностью, какой раньше мы у нее никогда не замечали. Возможно, в ней говорило упрямство, и она хотела доказать Тиму, что он не прав. Возможно, как в случае с воздушным шаром, она просто была готова начать новый виток жизни. А может быть, она всегда была поклонницей вечерних новостей CBS. Я не знаю, но, приняв это решение, она оставалась непоколебима. Она хотела попробовать.

У нас с Кортни родился план: сначала Норма по телефону поговорит с продюсером CBS из Майами. Если все пройдет гладко, он возьмет у нее интервью на камеру. Продюсер оценит способность Нормы говорить развернутыми предложениями и не смотреть в нашу сторону, ожидая одобрения: хотя она прекрасно умела донести свою мысль до людей, говорила Норма мало и редко.

Тиму не давала покоя мысль о том, что его мама может поставить себя в неловкое положение. Поэтому он отправился на велопрогулку, не желая быть свидетелем того, что произойдет, когда продюсер известного на всю страну телешоу позвонит и услышит невнятное мычание на другом конце телефонной

трубки. Перед выходом он взглянул на меня, так чтобы Норма не заметила: от отчаяния глаза его расширились, а рот приоткрылся. «Я поехал. Не могу смотреть на это», – сказал он, закрыв за собой дверь фургона.

Но Тим не знал о том, что последние несколько дней в его отсутствие я готовила Норму к предстоящему разговору. Мы учились говорить развернутыми предложениями, так, чтобы каждое из них содержало не менее пяти слов. Мы тренировались не отвечать: «Ну, я не знаю» на каждый вопрос (обычно она отвечала нам именно так). Для нас это стало веселой игрой. Так что я и Норма были уверены в ее готовности, о которой Тим и не подозревал.

Через несколько минут после его ухода раздался звонок. Надеюсь, что предоплаченные минуты не закончатся раньше времени, я передала телефон Норме. С тех пор как мы уехали из Мичигана, она пользовалась им всего лишь дважды. «Ну что ж, пан или пропал», – сказала я громко, ни к кому не обращаясь.

Я сидела на краю кровати так, что Норма не могла меня видеть, вслушиваясь в телефонный разговор, который стал неким переломным моментом в нашей жизни. От волнения во рту у меня пересохло, а ладони вспотели.

«Ну, я никогда не каталась на лошади. Думаю, мне это понравится, – сказала она в трубку, – и да, я всегда хотела половить рыбу нахлыстом. Это было бы здорово».

УРА! Больше пяти слов! К тому же в ее голосе звучали сила и уверенность, которых я никогда не слышала раньше.

«Конечно, мы чудно проводим время. Больше всего мне запомнился наш полет на воздушном шаре в Орlando. Могу сказать, что мне действительно очень понравилось!»

«Да она просто великолепна!» – мой шепот едва не превратился в пронзительный выкрик. Я откинулась назад, упав на кровать. От гордости и приятного волнения, которые переполняли меня, я начала болтать руками и ногами в воздухе. Я почувствовала себя родителем, пришедшим на первую балетную репетицию своего неуклюжего чада, для которого настоящим достижением было просто не упасть. Но Норма не просто не упала, она прекрасно справлялась с поставленной задачей.

Когда Норма возвращала мне трубку, на ее лице красовалась горделивая усмешка. Мое сердце наполнила радость.

«Все прошло прекрасно, как надо. Она справится, – сказала Элиана, продюсер из Майами, – давайте встретимся в понедельник и вторник, вас устраивает?» Лед тронулся.

«Ну и?» – спросил Тим, заглянув в комнату. Казалось, он

сомневался, стоит ли вообще об этом спрашивать. По щекам его тек пот – то ли от быстрой езды, то ли (скорее всего) от нервов.

Норма просто улыбнулась. Она посмотрела на меня краем глаза, а затем вновь перевела взгляд на Тима. «Они приедут в понедельник, так что, полагаю, я все же справилась».

«Не может быть! – воскликнул Тим. – Mam, ты, конечно, извини, но я не думал, что у тебя получится».

«А что со мной не так?» – спросила Норма, пытаясь заверить своего единственного сына в том, что она и правда оправдала все ожидания. Мы засмеялись и решили, что пришло время пойти ва-банк.

К тому времени, когда CBS закончили снимать свой репортаж, через неделю после публикации нашей истории на портале GNN, наша страничка на Фейсбуке – «Приключение мисс Нормы» – набрала 91 000 лайков. Десяносто одну ТЫСЯЧУ! В понедельник к нам прибыла съемочная группа из четырех человек. К счастью, они оказались прекрасными ребятами, которые помогли нам свыкнуться с идеей быть показанными по телевизору.

Казалось, Норме приятно внимание. В конце концов, в жизни ее не так часто хвалили. К нашему удивлению, мы получили неподдельное удовольствие от двухдневных съемок и задумались о том, чтобы всерьез заявить о себе всему миру.

* * *

Поздним вечером, через пару дней после отъезда съемочной группы CBS, один приятный господин из Цюриха прислал нам в Фейсбук фотографию. Автор снимка держал в руке написанную от руки записку с текстом: «Браво, Норма. Я [сердечко] тебя», – а внизу он подписал свое имя. «Какой замечательный парень», – сказала я Тиму, разворачивая к нему ноутбук, чтобы он смог увидеть фотографию.

За эти дни я порядком вымоталась, так что просто закрыла компьютер и попыталась уснуть. На следующий день, когда я загрузила ноутбук, оказалось, что я не закрыла страничку на Фейсбуке, так что фото приятного господина вновь осталось на экране. Мы пригляделись получше и одновременно воскликнули: «Боже мой! Это же Пауло Коэльо!» Мужчина на фото был не кем иным, как автором «Алхимика», моей любимой книги. Он считается самым переводимым из ныне живущих писателей и является национальным героем в своей родной стране – Бразилии. Кроме того, Пауло Коэльо выложил эту фотографию и

на своей страничке с 28 миллионами подписчиков.

На следующий день мы получили десятки тысяч сообщений со всего мира, больше всего писем пришло из Бразилии. Вскоре Тим выучил несколько фраз по-португальски, чтобы иметь возможность ответить максимальному числу отправителей. Наша страничка набрала еще 39 000 лайков, а мы получили 93 приглашения от СМИ по всему миру. В какой-то момент у нас набралось 106 000 непрочитанных сообщений, а новые письма все приходили и приходили, быстрее, чем мы могли их прочесть. Мы уже облетели весь интернет, а ведь репортаж CBS еще даже не вышел.

Однако, несмотря ни на что, в нашей жизни мало что изменилось. Норма следовала своему привычному расписанию: вставала в девять утра, танцевала перед сном и ложилась спать в девять вечера. Пока мы с Тимом разгребали сообщения, она безмятежно собирала пазлы, разложенные на столе для пикника на улице около фургона. Все изменилось лишь в интернете, в реальной жизни все было по-прежнему.

Однажды днем вместе с Нормой мы решили прогуляться по пляжу Сент-Огастин. Тим катил маму в инвалидной коляске, а мы с Ринго шли по кромке воды вдоль берега. Мы подошли к двум женщинам, собирающим ракушки.

«Это мисс Норма?» – спросила одна из них у своей подруги.

«Да, это она!» – воскликнула другая.

Обе женщины подбежали к Норме. «Вы знаете, вы так нас вдохновляете!»

Я застыла в оцепенении. Я видела эти слова на экране компьютера, но теперь я услышала их от реальных живых людей, которые по-настоящему хотели обнять Норму и пожать ей руку. От них пахло солнцезащитным кремом и духами. Мою хрупкую свекровь стали узнавать на публике. Ее провозгласили героем.

Восседая в своем кресле, Норма широко улыбнулась женщинам, ее глаза наполнились жизнью. Она общалась с этими незнакомками как профессионал, смеясь и пожимая им руки. «Все в порядке, – прошептала я Тиму, когда тот поравнялся с мамой, словно пытаюсь защитить ее, – она прекрасно справляется».

«Я знаю», – ответил он, и слезы потекли по его щекам. Я остановилась и посмотрела на него. Теперь я видела, что он не просто защищает ее, в этом жесте было нечто большее. Он гордился ею и был тронут до глубины души. Он собственными глазами увидел реальные доказательства того, как мисс Норма повлияла на наш мир.

После этого мы были готовы ко всему. Из-за бесчисленных интервью и разговоров по душам с мамой и лучшей подругой из

Пенсильвании у меня постоянно кончались деньги на телефоне. Где бы мы ни были, каждый день мы читали сообщения, отвечали на них, выслушивали истории незнакомых нам людей и давали им советы. Все это стало неотъемлемой частью нашего привычного распорядка дня.

В перерывах мы вели душевные беседы. Мы сравнивали себя с галькой, брошенной в спокойное озеро. Падая в воду, она создает рябь, которая расходится по всей поверхности озера. Только мы были не маленьким камешком, а настоящим булыжником, брошенным в воды Мирового океана и поднявшим такой шторм, что волны разошлись дальше, чем мы могли себе представить.

Глава 10

Доброта

Хилтон-Хед-Айленд и Чарльстон, Южная Каролина. Март

Рейми

На протяжении многих лет мы с Тимом сохраняли веру в то, что в целом люди – существа добрые и заботливые. Благодаря многочисленным путешествиям мы открыли свои сердца и познали красоту и разнообразие нашей страны и ее населения. На протяжении многих лет то и дело мы дарили людям доброту и получали ее взамен. Иногда эти добрые поступки были незначительными, а иногда довольно существенными. Иногда мы отдавали зонт бездомному, когда на улице шел сильный ливень, а иногда незнакомые люди платили за нас в магазине, если мы забывали кошелек в фургоне. За многие годы это стало для нас привычной практикой, никогда не утомлявшей нас.

Сейчас, путешествуя по югу страны, мы столкнулись с таким количеством доброжелательности и участия, сколько не видели никогда за всю свою жизнь. Возможно, все дело в южном гостеприимстве, однако мы чувствовали себя так, словно движемся на гребне волны любви.

Нас приглашали в гости по всей Америке и звали во все уголки мира. «Приезжайте в Калифорнию, и мы с вами займемся параглайдингом, мисс Норма», – говорилось в одном письме. В другом нам предлагали присоединиться к гастрольному туру «Цирка стимпанка и рок-н-ролла». Группа туристов приглашала Норму отдохнуть с палатками, ей предлагали бесплатную стрижку, просили подать первый мяч в баскетбольном турнире, звали пообедать, обещали угостить лучшим мороженым и барбекю в каждом штате. В Аляске Норма могла бы сплавиться на каяке, поучаствовать в гонках на собачьих упряжках «Айдитарод», бесплатно взять машину напрокат или прокатиться на пароме компании «Alaska Marine Highway».

Но все же, как бы ни хотелось нам, да и самой Норме, посмотреть на то, как она управляет собаками в упряжке, мы находились очень далеко от Аляски.

С каждым новым приглашением, которое мы принимали, мы узнавали все больше людей с открытым сердцем и добрыми

намерениями. Когда наше местоположение и время позволяли нам принять ту доброту, которую дарили нам окружающие, границы, разделяющие людей (религия, политика, раса и возраст), стирались, размывались и окончательно исчезали. Но самым лучшим было то, что мы начали видеть в людях искренность, в том числе и в Норме: ее внутреннее сияние, стойкость, радость и уверенность.

* * *

В середине марта мы остановились в лагере в Хилтон-Хед-Айленд, штат Южная Каролина. Мы прошли стандартную процедуру регистрации (похожую на ту, что существует при заезде в гостиницу), отдельно обсудив некоторые моменты. Например, как припарковать машину так, чтобы она не задевала нижние ветки деревьев, имеется ли в лагере канализация и куда лучше установить спутниковую тарелку. Во время путешествия с Нормой мы привыкли хватать все, что можно было прочесть. Чаще всего мы брали туристические буклеты, местные газеты или календарь предстоящих мероприятий, который выдавали в администрации лагеря.

Пока мы с Тимом парковали автофургон, Норма обычно листала свежую прессу. «Ну что, есть там что-нибудь интересненькое?» – всегда спрашивал Тим.

И каждый раз мы слышали один и тот же ответ: «Даже не знаю, тут все очень интересно». С Нормой было легко, она знала, что на каждой остановке перед тем, как двинуться дальше, мы сможем посетить только пару-тройку мероприятий. У нее не было никакого плана, она считала любую экскурсию в буклете хорошей.

Но этим прекрасным субботним днем нас ждал сюрприз. «Завтра в три часа состоится парад, – сказала она, – я хочу на него пойти». В ее тоне не слышалось вопросительных интонаций, она говорила утвердительно и уверенно. Мисс Норма хотела отправиться на парад.

Наверное, не последнюю роль сыграл тот факт, что пару дней назад Тим уговорил нас принять приглашение и поехать в близлежащую Джорджию, в город Саванна, на барбекю. Возможно, это подстегнуло ее. В Саванне планировалась прощальная вечеринка для нескольких путешественников, решившихся после прочтения нашей истории так же, как Норма, отправиться в свое последнее путешествие в фургоне (они собирались уехать на полгода, взяв с собой трех пожилых собак-

спасателей). Пока мы развлекали собравшихся историями о недавних путешествиях, Норма взяла поджаренный бургер и пиво. Я с гордостью смотрела на нее, надеясь, что на протяжении нашей поездки ее желание выходить из зоны комфорта не исчезнет.

Тим не верил своим ушам. «Но завтра воскресенье, мам. Ты уверена, что ничего не перепутала?»

«Да. Здесь так написано». И она открыла газету «Island Packet» на странице с объявлением о 33-м ежегодном параде в честь Дня святого Патрика и показала ее Тиму.

Тим колебался, и я попыталась подбодрить его. «Будет весело! Разве мы с тобой не любим парады, а, Тимми? – сказала я. – В Нижней Калифорнии, мне кажется, мы ходили на все парады, помнишь?»

«Но как мы сможем найти место для парковки и провезти маму на коляске сквозь толпу? Я не думаю, что это хорошая идея». Он был прав. Мы только что приехали и еще не успели разведать местность. Эта вылазка будет непростой.

«Может, попробуешь отговорить ее?» – осторожно спросил он меня так тихо, чтобы она не услышала.

Я, должно быть, смерила Тима презрительным взглядом, потому что он тут же изменился в лице. «Погоди-ка, мне кажется, кто-то недавно писал мне из Хилтон-Хеда. А я не ответил, поскольку не думал, что мы приедем сюда».

Тим пролистал тысячи недавно полученных сообщений. «Письмо было от женщины с мужским именем. Точно, Чарли! Вот же оно! Я нашел ее имейл. Она состоит в торговой палате».

Я попыталась поддержать его оптимистический настрой. «Может, напишем ей и спросим, откуда лучше всего смотреть парад в инвалидном кресле?»

«Сейчас суббота, а парад уже завтра. Сейчас она не ответит на имейл», – сказал он, вновь поддавшись своей старой привычке говорить «нет». «Слишком поздно, – продолжил он, а затем добавил, чтобы подчеркнуть, что это его окончательное решение: – Мы же не всесильные». Он нашел сотни причин, чтобы не беспокоить незнакомого человека, но стоило ему взглянуть на маму, которая играла на своем iPad, преисполненная решимости отправиться на парад, как он тут же сдался, сел и начал писать Чарли.

Извинившись за то, что он беспокоит ее в субботу, Тим написал: «Мисс Норма любит парады, поэтому завтра мы решили отправиться на парад в честь Дня святого Патрика. Если вдруг вы прочтете это письмо до завтрашнего дня, может, вы подскажете нам, откуда лучше всего смотреть торжественное шествие. Дело в

том, что мисс Норма передвигается в инвалидной коляске».

Меньше чем через час Чарли прислала нам несколько рекомендаций о том, где лучше оставить машину и откуда открывается лучший вид. Мы начали разрабатывать стратегию: мы планировали выехать рано утром, чтобы найти хорошее парковочное место, а затем отвезти Норму туда, где она сможет посмотреть парад в тенике. Пока мы разговаривали, нам пришло оповещение о новом письме. Тим взглянул на экран ноутбука, который все еще стоял у него на коленях. «Вау! Вот теперь-то нам есть что обсудить!» Он засиял и зачитал вслух имейл, четко проговаривая каждое слово: «А не хочет ли мисс Норма ПОУЧАСТВОВАТЬ в параде? Они нашли запасную машину и водителя».

Мы все начали хохотать и не могли остановиться. Тим отбросил свои упаднические настроения. «Что скажешь, мам?»

«Черт возьми, а почему бы и нет? – ответила она и, подумав минуту, добавила: – А Ринго сможет поехать с нами?»

* * *

На следующее утро Чарли забрала нас со стоянки и предоставила нам персональный лимузин, который отвез нас в местный ирландский паб на официальный обед с высокопоставленными особами. Норму представили бывшим военачальникам, майорам, живущим в округе, финалисту шоу «Американский идол» Ли Джину и другим гостям, которые быстро стали членами набиравшего популярность фан-клуба Нормы.

Наша замкнутая мисс Норма была провозглашена членом комитета парада Хилтон-Хед-Айленд, ей вручили нагрудный значок и браслет, которые давали особые привилегии, в частности, бесплатную еду и напитки до начала парада. Вскоре мисс Норму, Тима и Ринго увезли на старомодном трамвайчике, чтобы они смогли принять участие в шоу.

Тем временем меня проводили на трибуну для высокопоставленных лиц вместе с мамой Ли Джина. Оттуда открывался самый лучший вид на парад на всем острове.

Рядом со мной стояла огромная профессиональная телекамера. На другом конце улицы я заметила баннер: «Прямая трансляция на *WSAV.com*». Я была безмерно рада оказаться здесь, но еще больше мне хотелось разделить с кем-нибудь этот невероятный момент. Иначе я бы просто не поверила в то, что это происходит со мной. Я быстро написала сообщение своей лучшей

подруге Пэтти и ее девушке Эйприл, живущим в Пенсильвании. Я была уверена, что они просто обалдеют от такой новости. Возможно, они даже вживую смогут посмотреть на Тима, Норму и Ринго на параде.

Улицы заполнили десятки тысяч людей в зеленом. На протяжении нескольких часов мы наблюдали за тем, как маршируют школьные оркестры, танцуют ирландские труппы и едут причудливые машины и платформы на колесах, везущие политиков и учеников начальной школы. Кроме того, в толпе я заметила подростков и детей, оравших как сумасшедшие, когда мимо них в своем серебряном «Ягуаре» проезжал шестнадцатилетний Ли Джин. Он смущенно помахал им рукой и улыбнулся. Его мама наклонилась ко мне и, перекрикивая гул толпы, сказала: «Он никак не привыкнет ко всей этой стремительной славе».

Я мысленно провела параллель между девятилетней Нормой и подростком Ли Джином. Интересно, что чувствуют эти новоиспеченные звезды. Не успела я подумать об этом, как прямо за спортивным «Ягуаром» появился ярко-зеленый «Форд Мустанг» с открывающимся верхом. Теперь молодежь в толпе немного приутихла, зато оживились более пожилые зрители. На двери машины было написано «Мисс Норма».

С высоты моего места на трибуне открывалась вся авеню Поупа: деревья пробуждались после зимней спячки, на их ветвях расцветали бутоны, украсив лесной остров к празднику в честь ирландского святого. Когда «Мустанг» подъехал ближе, я увидела на лице Нормы улыбку, которую не узнала. Гордо восседая на заднем сиденье, она махала рукой толпе и улыбалась так, словно только что стала королевой выпускного бала в городе, где никто из нас никогда не был. Мне показалось, Норма ожила (по крайней мере, раньше такой я ее никогда не видела). Она сияла от радости. В этот момент она совершенно не была похожа на робкую и застенчивую леди.

Я не могла сдержать переполнившие меня гордость и радость. Я поднялась с места и вместе с другими зрителями в толпе помахала рукой ей в ответ. Я хлопала в ладоши и покачивалась в такт музыке, которую исполнял оркестр, следовавший за машинами. Подобно девчонкам-подросткам, поддавшись чувствам, я завизжала, как сумасшедшая фанатка. Здесь Норма могла ни в чем себе не отказывать, принимая свою недавно приобретенную славу с распростертыми объятиями. Ее заразительная улыбка заставила 35 000 зрителей, пришедших на парад, последовать за ней.

Мой мобильный, лежащий в чехле для фотоаппарата,

завибрировал. Это ответила Пэтти: «Мы только что видели их! Мы только что их видели! Боже мой! Ну вы даете!» Тут же пришло второе сообщение: «А Ли Джина вы видели? МЫ ОБОЖАЕМ ЕГО!» Я засмеялась и обрадовалась тому, что смогла разделить этот момент с близкими.

Пока парад продолжался, адреналин в моей крови не утихал, и я стала вспоминать, когда в последний раз видела Норму в подобном ретроавтомобиле с крутым двигателем. Это было около 15 лет назад, когда Стейси подарила Лео «Тойоту MR2» – «Мистера 2», как любили называть его в нашей семье. Тогда их редко завозили в Штаты (на сегодняшний день их поставки сократились еще больше), поскольку эти небольшие машинки очень быстрые и лихачи частенько разбиваются на них, превращая их в груды металла. Но для Лео и Нормы это было неважно. Они ездили не больше 80 км/ч, и им хватало ума не врезаться в деревья. Они ездили в церковь с открытой крышей, и ветер развеивал их волосы. Они брали машину для воскресных поездок, и у Нормы осталось множество теплых воспоминаний о том, как Лео ехал по грунтовым проселочным дорогам северного Мичигана, а она сидела на переднем сиденье их двухместного автомобиля серебряного цвета. Утром Норма рассказала мне, что уже участвовала в одном параде: «Когда у нас была папина спортивная машина, «Мистер 2». Мы сделали пару кругов вокруг маяка в Преск-Айле, и через десять минут все торжественное шествие завершилось».

«Если бы только Лео видел ее сейчас, когда на ее лице сияет улыбка, а на нее смотрят тысячи людей», – подумала я.

Тем вечером в 9 часов, перед сном, как обычно, мы пели и танцевали, правда, в этот раз под звуки оркестра. Норма размахивала своей тростью, словно дирижерской палочкой. «Как ты чувствуешь себя после этого удивительного дня?» – спросила я, надеясь услышать вдумчивые размышления о том, насколько невероятно было ощущать поддержку всей этой огромной толпы, или же рассказ о зрелищности шествия, которое она наблюдала после того, как проехала на автомобиле и вернулась на трибуны; а возможно, я считала, что она обязательно упомянет о том, что теперь ее пригласили и на другие крутые мероприятия, например, посмотреть на клейдесдальских лошадей «Будвайзера», которые снимаются в рекламе, а еще отправиться на эксклюзивный частный пляж.

«Даже не знаю, – подумав, ответила Норма, – но могу сказать только одно. – Она замолчала, словно пытаясь выдержать театральную паузу, а затем добавила: – «У меня точно завтра будет болеть рука. Уж слишком много я сегодня махала!»

Наша новая знакомая Чарли помогла нам организовать двухчасовую экскурсию на север Хилтон-Хед-Айленд, в город Чарльстон, штат Южная Каролина, который считался историческим местом. На время нашей поездки мы останавливались в самом дорогом отеле города, «Belmond Charleston Place». Он располагается в шаговой доступности от многих достопримечательностей, так что мы могли показать их Норме, катая ее на инвалидной коляске.

Мы приехали раньше указанного времени заезда и были приятно удивлены, узнав, что нам предоставили «клубные» номера класса «люкс», включающие пятиразовое питание и напитки.

«Пропустим по бокальчику шампанского, мам?» – спросил Тим, пока мы сидели в гостиной «клубного» этажа, ожидая, когда приготовят наши номера. Утром, загружая вещи, собранные для поездки, в джип, мы вспомнили, что она выпадает на день рождения Лео. Мы хотели отметить этот день по-особенному.

«Конечно, почему бы и нет?» – ответила она.

Тим поднялся по широкой винтовой лестнице к бару и ресторану, а мы с Нормой и Ринго остались ждать внизу, поскольку вход с собаками в зону питания был запрещен. Он вернулся с изысканными бокалами шампанского и двумя молодыми барменами, Амандой и Робинот. «Они хотели познакомиться с тобой, мам», – сказал он, представив их Норме.

Затем он обратился ко мне: «Пока они наливали шампанское, я рассказывал им о маме, и они загорелись желанием встретиться с ней. Я предупредил их о том, что сегодня она может быть грустной из-за папиного дня рождения. Ведь это его первый день рождения, который мы отмечаем без него».

Аманда и Робин несколько минут поболтали с Нормой, но вскоре им пора было возвращаться к работе. Перед тем как уйти, они умоляли нас остаться на ужин и фуршет вечером. «С удовольствием», – ответила я.

Сразу после того, как Аманда и Робин ушли, в залу вошел крупный мужчина с конвертом в руках. «Это вы мисс Норма?» – спросил он. К тому времени Норма уже слегка расслабилась и облокотилась своим хрупким телом на спинку черного кожаного дивана, расположенного неподалеку от лестницы; в тонкой левой руке она держала бокал.

Слегка наклонившись вперед, она ответила: «Да, это я». Она окинула взглядом здоровяка, стоящего прямо перед ней. У него были добрые глаза, и Норма тут же ему улыбнулась.

«Меня зовут Джон, я из туристического бюро. Мы в восторге от того, что вы смогли приехать к нам».

«У вас здорово», – Норма с легкостью вступила в диалог.

«У меня для вас подарок, – продолжил Джон, – мы бы хотели, чтобы наш город вам понравился, поэтому я принес для вас VIP-билеты на посещение любых достопримечательностей в Чарльстоне и окрестностях, включая туры по историческим местам, прогулку в карете, поездку к плантациям и садам, экскурсии в гавань – да все, что душе угодно!» Норма была вся внимание. «Однако есть одно «но».

Я нервно взглянула на Норму, а затем на Тима. Я волновалась: что это еще за «но»? Неужели, приняв этот щедрый подарок, мы станем кому-то обязаны? Неужели нас используют? В моей голове замигали красные сигналы тревоги, ведь прежде всего я думала о том, как защитить свою семью. Я полагаю, у Тима были такие же мысли.

Но Джон всего лишь добавил: «Обнимете меня, мисс Норма?» Оказалось, что у него умерла мама и он очень по ней скучал. То, что я надумала себе (например, что нас захотят снять в рекламе, и прочие страшные вещи), было далеко от его реальных намерений. «Я буду очень рад, если вы ни разу не прикоснетесь к своему компьютеру, пока вы здесь. – сказал он. – Желаю вам хорошо провести время!»

Норма обняла Джона, и он вручил нам «ключ» к чудесному миру культуры и искусства Чарльстона. Но, что намного важнее, мы получили урок: всегда нужно оставаться открытыми.

Мы заселились и немного отдохнули перед ужином. Затем, оставив Ринго наслаждаться простынями двуспальной кровати в президентском люксе, мы отправились в бар-ресторан.

Я никогда не видела, чтобы моя свекровь пила много алкоголя. Кажется, только в поездке она решила пропускать по бутылочке пива с Тимом в конце каждого дня. К коктейлям она никогда не испытывала особого пристрастия. Но, так как она родилась во времена Великой депрессии, любые бесплатные товары и услуги привлекали ее внимание. «Что вам налить, мисс Норма?» – спросила Аманда в своем обычном милом и гостеприимном тоне.

Чувствуя себя не в своей тарелке, Норма посмотрела на Тима, ожидая, что он придет ей на помощь. Она была готова к новому приключению, но не знала, что заказать. «Мам, ты когда-нибудь пробовала джин-тоник?»

«Нет, не припомню», – ответила она.

«Тогда давайте с него и начнем», – попросил он нашу новую знакомую. Изысканным блюдам, казалось, не было конца, а

напитки, которые готовила Аманда во время фуршета, становились все более и более экзотическими. Честно говоря, для Нормы все было «экзотическим», даже первый в ее жизни джин-тоник. Мы узнали, что Аманде нравилось не столько смешивать коктейли, сколько сочинять музыку. Она надеялась однажды записать саундтрек к фильму. Что ж, у каждого своя история.

В 10 часов бар на «клубном» этаже закрывался, но нам было так весело, что Норма едва ли заметила, что пропустила то время, когда обычно ложилась спать. Практически все уже разошлись по своим комнатам либо отправились в другие бары отеля. Мы допивали свои коктейли и болтали с Робинем и Амандой.

Мы практически пожелали им спокойной ночи и удалились в номер, как вдруг Робин незаметно подошел к нам сзади и положил перед нами поднос, на котором красовался небольшой шоколадный ромовый пирог, украшенный вишенками, взбитыми сливками и двумя горящими свечами. На подносе шоколадной глазурью было написано «С днем рождения, Лео».

Я затаила дыхание и зажала рот рукой. Горящие свечи озарили лицо Нормы, становясь еще ярче в отражении ее очков. Это было преподнесено так неожиданно, внезапно, но с такой чуткостью, что мы не смогли сдержать слез. Увидев эту картину, расплакались даже служащие отеля. Преисполненные чувств, мы наклонились вперед, набрали воздуха в грудь и задули свечи.

Со смерти Лео прошло практически девять месяцев, а мы были так заняты и так изменились за это время, что нам некогда было оглянуться назад. Этот простой жест заставил нас остановиться на мгновение, вспомнить о Лео и оплакать нашу потерю. Позже Тим, на глаза которого снова навернулись слезы, прошептал мне: «Я впервые видел, как мама плакала из-за смерти отца. Какой чудесный подарок!»

Глава 11

Праздник

Мариетта и Атланта, Джорджия.

Март

Тим

К тому моменту, как мы пересекли границу Джорджии, мы все уже давно перестали сопротивляться судьбе и научились с радостью принимать все, что она предлагала нам. Поэтому, когда одна из наших подписчиц из Мариетты, штат Джорджия, пригласила нас на обед во дворе своей гостиницы в Саванне, мы согласились.

Торен моя мама понравилась с первого же взгляда. А когда мы рассказали ей о том, что 31 марта маме исполнится 91 год, она пригласила нас погостить у нее и ее сына Эйдена и вместе отметить мамин день рождения на площади Мариетты. Торен хотела, чтобы этот день стал для мамы особенным, поэтому она собиралась подключить всю округу к нашему празднованию.

У нас с Рейми особо не было идей, как отметить мамин день рождения. В лучшем случае, мы надеялись, что у нас получится организовать все так, чтобы не отмечать его в одиночестве на парковке где-то посреди дороги. Мы спросили маму, хочет ли она отпраздновать свой день рождения с Тореном и Эйденем в Мариетте. «Конечно», – ответила она, замешкавшись лишь на миг.

Наш фургон нуждался в ремонте, поэтому мы приехали на день раньше и оставили его в ближайшем сервисе. Мы собрали в небольшую сумку вещи и умывальные принадлежности и отправились к дому Торен, где планировали остановиться на пять дней. Несмотря на то что мама согласилась, казалось, она чувствовала себя некомфортно, когда мы добрались до места. Когда она отказалась принять душ в гостевой ванной, я спросил у нее, что происходит. «Я никогда не мылась в чужой ванной», – сказала она, слегка смутившись. Конечно, я предполагал, что за всю свою совместную жизнь родители редко путешествовали и, скорее всего, никогда не гостили у незнакомых людей.

Следующим утром мы припарковали джип в нескольких кварталах от площади Мариетты, где, по словам Торен, нас должен был кто-то встретить. Мы заметили красно-белый «Шевроле» 1955 года, на зеркале заднего вида болталась игрушка

в виде игральных костей, а голубоватый дымок из выхлопной трубы свидетельствовал о том, что старый двигатель сжигает масло. «Должно быть, это за нами», – сказал я своим попутчицам.

Ленни, наш водитель, широким жестом отворил заднюю дверцу машины и помог маме забраться внутрь. Он был предельно осторожен, словно боялся, что от соприкосновения с велюровой обивкой потолка ярко-красного цвета с маминой головы ненароком слетит тиара. Когда он закрыл дверцу, машина заглохла. Он отчаянно давил на педаль газа и крутил ключ в замке зажигания, но, кроме сильного удара и появления небольших клубов дыма, ничего не произошло. Однако в конце концов двигатель завелся, и мы рванули вперед, снова заглохнув на перекрестке, на расстоянии всего лишь в один квартал от конечного пункта назначения.

«Предложить ему подтолкнуть машину? – прошептал я Рейми, которая сидела рядом со мной на заднем сиденье. – После этого поворота дорога идет под горку до самой площади».

Рейми эта идея пришлась по душе, но не успели мы заговорить о ней, как машина снова завелась. Мы свернули и поехали вниз по улице к местному популярному ресторану «Marietta Local», в котором собирались отобедать. Перед ним царил настоящий ажиотаж. На обочине были припаркованы полицейская машина и пожарный грузовик, на тротуаре стояли сотрудники ресторана в синих униформах и сотни взволнованных почитателей Нормы. Улица наполнилась пурпурными, розовыми и зелеными воздушными шариками. Два чирлидера баскетбольной команды «Атланта Хокс» размахивали помпонами около главного входа. На обочине стояла толпа журналистов с камерами, микрофонами и блокнотами.

«Во что мы ввязались?» – прошептал я. Перед нашими глазами разворачивался такой спектакль, который я никак не ожидал увидеть, я боялся, что для нас это будет уже слишком. Едва мы помогли маме выбраться из машины, как ее кресло схватила дружелюбная толпа, увлекая ее за собой. Все, что мы с Рейми могли сделать, – это освободить проход и надеяться, что моя мама справится с таким количеством внимания. Мы оба были удивлены, увидев, как прекрасно она держалась.

И это была моя мама, скромная, тихая женщина, которая всю свою жизнь старалась никогда никому не доставлять беспокойства. Обычно они с папой отмечали свои дни рождения в сетевом кафе «Applebee's» в Мичигане, в 25 милях от их дома в Преск-Айле. Там они заказывали ранний ужин. А мы с Рейми звонили из любой точки мира, чтобы спеть им песенку «С днем рождения» и узнать, что они собираются есть. В нашей семье мы

никогда не придавали большого значения дням рождения. «Ты просто становишься на год старше», – говаривал мой папа. Для нас с сестрой мама пекла именинные пироги, но мы никогда не справляли дни рождения так, как было заведено во многих других семьях, мы не приглашали толпу других детей, как делали многие наши ровесники.

Мама всегда отказывалась от похвалы и внимания, она чаще отдавала заботу и любовь, чем получала их. Она прожила 91 год, но какой бы срок ей ни был отведен, свои последние дни она решила провести, путешествуя на собственных условиях. И казалось, что целый город не хотел отпускать ее, пока она не насладится праздником в свою честь.

* * *

Люди всех возрастов галдели, пытаясь сфотографироваться с мамой, поздравить ее с днем рождения или просто подойти поближе к ней. Я стоял поодаль, практически на улице, и разговаривал с Джимом, владельцем ресторана. «Тим, я слышал, ты любишь готовить, – сказал он, пока мы наблюдали за происходящим, – у меня для тебя есть одно заманчивое предложение. Ты не хочешь приготовить для своей мамы наш фирменный завтрак?» Разумеется, я не мог не согласиться.

Он выдал мне черную рубашку шеф-повара и фартук и представил меня своему главному шеф-повару Брайтон, которая отвела меня на кухню, чтобы приготовить французский тост и жареного со специями цыпленка. Следуя ее примеру, я надел латексные перчатки и обмакнул булочку, нарезанную толстыми ломтиками, в яичный кляр. Отправив хлеб на специальный гриль для тостов, я занялся куриными грудками. Я также обмакнул их в кляр и отправил во фритюрницу, чтобы они поджарились до золотисто-коричневого цвета. После того, как все было готово, я выложил блюдо на тарелку, полил французский тост яблочным вареньем и посыпал сахарной пудрой. Я торопился отнести все в обеденный зал, боясь пропустить самое интересное. Джим решил, что возможность приготовить завтрак для мамы в ее день рождения будет для меня честью, однако он не учел, что я готовил ей завтрак каждое утро в течение семи месяцев и был бы рад сделать небольшую передышку.

Праздник был в самом разгаре, и, выйдя, я наконец-то смог рассмотреть весь зал целиком: на кирпичной стене, которая занимала большую часть пространства, огромными золотыми буквами-шарами было выложено «Норме 91». Каждый столик был

богато украшен цветочными букетами и отделкой. Несколько игрушечных воздушных шаров, в корзине которых сидели пассажиры, парили по комнате, напоминая маме о совершенном ею два месяца назад полете. Два музыканта в углу играли кантри на банджо и гитаре, музыкальное сопровождение идеально подходило для такого события. Ресторан был забит до отказа гостями. Все они направились к столу со всевозможной выпечкой, который Джим и его жена София накрыли еще утром. Все выглядело очень торжественно.

Мама только что закончила фотографироваться с двумя чирлидерами «Атланта Хокс», которые теперь крутились вокруг нее, пытаясь завоевать ее расположение. Они протянули ей подарочную коробку, заполненную всевозможными товарами с логотипами NBA. Одним из подарков стала майка нападающего Майка Мускалы, которую он лично подписал. Как знак уважения к маминой дате рождения на майке красовался номер «31», под которым выступал баскетболист. Также мама получила три билета на матч «Атланта Хокс» – «Кливленд Кавальерс», который должен был состояться следующим вечером.

«Взгляни, Тимми», – сказала мама, приступая к моему кулинарному творению. На ее кисти блестел красивый серебряный браслет, украшенный подвесками, с символами ее путешествия: воздушным шаром, штатом Джорджия, кексом, морской ракушкой и числом «91». «Это мне подарил владелец местного ювелирного магазина», – добавила она. Я видел, что многие предприниматели, державшие магазинчики на площади, вручали маме корзинки с подарками собственного производства. Она складывала их рядом со столом.

Наконец, пришло время торта. Джим стал родоначальником новой южной традиции: он испек огромное печенье размером с крышку люка, уложил его на поднос для пирога на ножке и украсил свечами. «Извините, для 91 свечи не хватило места», – сказал он и засмеялся. И все же для человека с небольшим объемом легких было непросто задуть их все разом. Несмотря на это, маме нечего было бояться, так как на помощь ей пришли три пожарных Мариетты, уже ставшие частью ее «свиты».

«Какое желание вы загадали в свой день рождения?» – прокричал кто-то из толпы.

Мама на мгновение задумалась и ответила: «Дожить до 92».

* * *

На следующий день мама продолжила праздновать свой день

рождения в Атланте. С нами связалась баскетбольная организация «Хокс», чтобы узнать, в каком отеле мы остановились. «Мы бы хотели прислать за вами лимузин, который доставит вас прямо на матч», – сказали нам. Мы объяснили, что гостим в Мариетте, в доме нашей новой знакомой с Фейсбука. Они сказали, что так дело не пойдет, и пригласили нас заселиться в гостиницу «Omni Atlanta Hotel». «Тогда Норме даже не придется выходить на улицу, чтобы попасть на игру».

Никто из нас не понял, что это означало, но мы, тем не менее, с удовольствием согласились на бесплатную комнату в отеле. Мы знали, что в Атланте нас ждет нечто грандиозное. Мы не только сходим на баскетбольный матч, но и сможем посетить самый крупный на западе океана риум Джорджии.

Я катил маму мимо гигантских мраморных колонн в роскошное лобби многоэтажного отеля, чувствуя себя слегка не в своей тарелке. Мы путешествовали по всей стране в фургоне и практически не пользовались классическими чемоданами, поэтому на ручках инвалидного кресла болтались пляжные сумки с одеждой и банными принадлежностями. Рейми шла следом, держа в руках сумку и футляр для фотоаппарата. «Боже мой, мы выглядим как герои сериала «Бeverли-Хиллз», – сказала мама, вспомнив комедийное шоу 1960-х годов, которое я смотрел в детстве. Мы хотели было развернуться и уйти, но Лесли, управляющая отеля, уже заметила нас. «Добро пожаловать и с днем рождения, мисс Норма», – сказал она, растягивая слова, как делают многие южане, и улыбаясь. Администраторы водрузили тиару на голову мамы, надели на нее праздничную ленту, ниспадающую через плечо на грудь, и нас ослепили вспышки камер.

Нам показали наши номера на десятом этаже. Комнаты были смежными, каждая имела выход на балкон с видом на оживленный атриум центра CNN. Я стоял рядом с мамой, и мы наблюдали за тем, как люди едут по эскалатору на восьмой этаж, поднимаясь к гигантскому глобусу, который служил точкой сбора туристов, отправлявшихся на экскурсию по новостной студии. Через окна мы видели, как работают журналисты, ведущие прямой эфир. «Думаете, Андерсон Купер видит нас?» – спросила мама, заметив сына Глории Вандербильт среди других корреспондентов.

Однако времени стоять и любоваться видом у нас не было – мы услышали, как кто-то постучал в дверь. В комнату вошел сотрудник и поставил перед нами шоколадный пирог и ведро холодного пива – комплименты от отеля. С тех пор как Рейми вывесила на Фейсбук фотографии, где мама держит пять разных

пирожных и корчит рожицы, попивая пиво, все начали думать, что их она любит больше всего. С тех пор как мы отметили мамин день рождения в Мариетте и уехали из города, это был наш третий торт, и сладости нам уже порядком надоели. «Ну почему же я не сказала, что люблю сыр и крекеры?» – сетовала мама.

Администрация отеля выделила нам лимузин, который подвез нас прямо ко входу в океанариум ровно к началу очередной экскурсии (к часу дня). Нам с Рейми не терпелось показать маме выставку «Ocean Voyager», тоннель в виде огромного аквариума с рыбами и особенно – четырех китовых акул, одна из которых была поймана в Азии. Мы уже рассказывали ей об акулах, заплывающих в Нижнюю Калифорнию, и хотели, чтобы она наконец увидела, что же собой представляют самые крупные рыбы в мире.

У главного входа нас встретили четыре сотрудника океанариума и провели нас через толчею. Они попросили людей посторониться и дать дорогу маме в инвалидном кресле, заставляя толпу людей расступиться, словно Моисей, который руками развел воды Красного моря. Нам не пришлось проталкиваться через бесчисленное скопление людей, так как вскоре мы вошли в закрытую дверь и свернули в коридор, не помеченный никакими указателями. «Сегодня мы приготовили для вас кое-что особенное, мисс Норма, – сказала Меган, координатор по связям с общественностью, ставшая нашим проводником, – для начала пройдемте в эту комнату. Там нас ждет Диего».

Вскоре мы узнали, что Диего – это морской лев, самый «звездный» обитатель океанариума. Он отдыхал во внутренних покоях. В его длинной узкой комнате располагался огромный бассейн со скалой в натуральную величину в задней части. Аквариум был отгорожен стеклом толщиной в три дюйма и высотой примерно в четыре фута. Однако это совершенно не мешало Диего перевешиваться через край и наблюдать за происходящим. Именно в таком положении мы и застали его, войдя в комнату.

Мама и представить себе не могла, что следующие двадцать минут она проведет вместе с одним из самых очаровательных существ, которые встречались ей за все время путешествия. Ей разрешили потрогать морского льва, и она смогла пощупать различные текстуры его кожи и шерсти. Мама и Диего дразнили друг друга, показывая язык, позировали для фото и едва ли не целовались до тех пор, пока не пришло время двигаться дальше. «У этого льва зловонное дыхание», – прошептала мне на ухо мама, когда я выкатил ее из комнаты.

Наши гиды, продолжая вести нас через лабиринты коридоров, объяснили, что внутреннее обустройство океанариума обошлось примерно в 300 миллионов долларов. Мы миновали современную лабораторию технической диагностики и ветеринарную лечебницу, в которой можно было лечить даже тигровых акул. Затем мы оказались в «столовой для животных», специально оборудованной кухне, соответствующей особым стандартам, которые даже выше стандартов обслуживания в обычных ресторанах. Здесь ежедневно готовят еду для десятков тысяч рыб и животных.

Вскоре мы свернули еще в один коридор и оказались в комнате наподобие залы. Мама открыла рот от изумления, когда мы зашли за угол. Перед нами по всей длине комнаты простиралась десятифутовая стеклянная стена, отделяя нас с обратной стороны от выставки «Ocean Explorer». Джо, главный управляющий океанариума, и еще несколько сотрудников ждали маму здесь, чтобы поздравить ее с днем рождения и устроить в честь нее небольшую вечеринку. Они преподнесли ей торт в виде тигровой акулы и ведро пива различных сортов и вкусов. Мы пообедали вместе с Джо, замороженные роскошным видом, открывающимся нашему взору.

Когда мы подкрепились, время нашего визита подошло к концу, и нам пора было возвращаться в отель, чтобы успеть на игру. Тем не менее мы не смогли уйти, не посмотрев на белуг, и маме даже пришлось заткнуть уши, когда эти чудесные рыбы пронзительно заревели.

Вечерний матч создал настоящий ажиотаж среди болельщиков, ведь играть должен был сам «король Джеймс», звезда «Кливленд Кавальерс» Леброн Джеймс. А это означало, что на стадионе царил полный аншлаг.

Однако тем вечером сложно было найти более ярого и неугомонного болельщика «Атланта Хокс», чем моя мама. Ее красно-зеленый свитер в тон формы игроков смотрелся еще ярче за счет салатовой рубашки, которую мама надела под низ. На голову она нацепила бейсболку, которая была ей явно велика и съехала набок, от чего мама напоминала рэпера из какого-нибудь музыкального клипа. На коленках ее лежал свисток и большая пенопластовая рука с надписью: «Вперед, «Хокс»!» Пока мы ждали того, кто должен был нас встретить, многие болельщики, проходящие мимо, останавливались, чтобы сделать с мамой селфи на свои телефоны. Мы не понимали, откуда взялся такой интерес к нашим персонам, но потом один парень объяснил нам, что пару минут назад «Хокс» выложили пост о нас в Твиттере и Инстаграме.

Боковая дверь распахнулась, и появились два чирлидера, которые накануне приходили поздравить маму с днем рождения. Они собирались разогреть стоящих в очереди болельщиков. Заметив нас, они сразу же побежали к нам. Поравнявшись с маминым инвалидным креслом, они наклонились, чтобы поболтать с ней. «Вы такая милашка сегодня», – сказали они, передавая мне свои телефоны, чтобы я сфотографировал их с мамой. Я заметил, что в толпе многие не понимают, почему эта пожилая леди привлекает к себе столько внимания. Наконец, появилась Марго, координатор «Хокс» по корпоративной социальной ответственности, и жестом пригласила нас пройти на стадион.

«Мы так счастливы, что вы сегодня с нами, – воодушевленно сказала она, проводя нас мимо охраны, – мы приготовили для вас несколько сюрпризов». В отличие от нас с Рейми мама никогда не была на современных стадионах, впрочем, даже нас поразили его размеры и величие. «Вы только посмотрите», – прошептала мама в изумлении, пока я катил ее сквозь толпу. Мы прошли за Марго и ее ассистентом к верхней трибуне, где вместо привычных рядов кресел увидели отдельно стоящие стулья. «Будет здорово, – сказал я маме, взглянув на поле, – ничто не мешает обзору».

Однако сесть нам так и не удалось, потому что вскоре нас увели на нижние трибуны, а затем через тоннель на поле, где подписывал автографы Доминик Уилкинс, член баскетбольного зала славы NBA. Бывший игрок «Хокс» ростом в два метра считается лучшим в лиге по броскам сверху. Мы фотографировались с ним, а он обнимал нас всех своими длинными руками. Затем нас пригласили присесть в первых рядах и подождать Доминика. Мы отметили, что здесь сиденья были намного комфортнее, чем на обычных трибунах. Когда Доминик закончил общаться с фанатами, он занял место рядом с мамой. Он поцеловал ее в щеку и обнял. Они начали болтать. Я не слышал, о чем они разговаривали, до меня доносился только мамин смех. Ее определенно очаровал этот огромный баскетболист в форме с пятидесятым размером обуви.

Главный тренер «Хокс» подошел к нам и сказал: «Слышал, мисс Норма будет заместителем капитана во время сегодняшнего матча. Может, вы и ваша жена «подкинете» ее до площадки?» Помогая маме вылезти из кресла, мы с Рейми взяли ее под руки и вывели на поле, где перед началом игры судейская бригада беседовала с капитанами обеих команд. «Я не верю, что все это происходит со мной», – сказала она мне, когда мы окинули взглядом около 20 000 зрителей, смотрящих на нас с трибун.

Затем мы поспешили вернуться на свои места, чтобы не

пропустить начало матча. Мы уже подошли к тоннелю, как вдруг нас окликнули: «Мисс Норма, мисс Норма, подождите! Мне нужно поговорить с вами». Мы подняли глаза и увидели молодого человека лет двадцати. Он прорывался к нам через толпу. Поравнявшись с нами, он добавил: «Меня зовут Оливер, мой отец – владелец команды».

Мы взглянули на Марго и ее ассистента. По выражению их лиц было понятно, что перед нами и в самом деле был сын миллиардера, недавно купившего команду. Он продолжил: «Я лишь хотел поблагодарить вас за то, что вы нас вдохновляете. Прочитав вашу историю, мы впервые отправились в совместное путешествие всей нашей семьей. Это было замечательно!» Он наклонился к маме и обнял ее.

Она лишь улыбнулась в ответ. Я знал, что маме сложно было понять вот так сразу, что она стала источником вдохновения для людей разных профессий, представителей различных слоев общества по всему миру. Вот сейчас, например, ей сообщили, что она воодушевила миллиардера и его супругу-актрису отдохнуть вместе с детьми. Оливер закончил, но даже нам с Рейми трудно было поверить в то, что мамина история была настолько сильной.

Мы вернулись на свои места к тому времени, когда прожекторы осветили поле, и «Хокс» построились в линию для представления команд. «Кавальерс» выиграли несколько матчей подряд и были фаворитами. В конце первого периода они вели со счетом 41:28.

Во время тайм-аута, непосредственно перед перерывом, на огромном экране, установленном над площадкой, показали маму. И, когда перед нами внезапно возникла вся команда чирлидеров, окружившая мамино инвалидное кресло, я знал, что сейчас произойдет нечто особенное. Через несколько минут появился журналист с камерой. В этот момент мама махала помпонами вместе с девушкой моложе ее на семьдесят лет.

Во втором периоде «Хокс» сравняли счет, забив трехочковый ровно в тот момент, когда прозвучал свисток. Теперь командам предстояло встретиться в овертайме. Маме давно пора было ложиться спать, но она энергично продолжала поддерживать свою команду, размахивая красным полотенцем каждый раз, когда «Хокс» забивали. Мы с Рейми только переглянулись, поражаясь ее выносливости.

Тем вечером наша команда проиграла с незначительной разницей в счете. Мы провели маму через толпу и отвезли ее в отель, находящийся прямо по соседству со стадионом. После игры «Хокс» презентовали нам очередной пирог. Мы все согласились с тем, что ни у одного из нас за всю жизнь не было столь

масштабного и невероятного празднования дня рождения.

Глава 12

Честь

Ньюпорт-Ньюс, Виргиния. Апрель

Тим

Из-за разницы в шесть лет у нас со Стейси практически не было общих интересов, кроме одного – игры в «шпионов». В секретном шпионском наборе, который я получил, собрав крышки от упаковок с хлопьями, имелся аппарат наподобие телескопа. С его помощью мы тайно наблюдали из-за угла, стараясь при этом остаться незамеченными, а также ставили растяжки, предупреждавшие нас о неизбежном приезде родителей. В конце 1960-х годов каждые выходные мы «шпионили» за мамой, папой и даже собакой. Когда Стейси выросла и поступила в секретную службу США, я в шутку говорил, что всему виной наши детские забавы.

Однажды, в начале своей карьеры, Стейси получила задание защищать бывшего президента Джеральда Форда. Родители, а позже и сама Стейси много раз рассказывали мне эту историю. Стейси говорила, что познакомилась с ним во время поездки на его бронированном лимузине. «Господин президент, – уверенно сказала она, – я специальный агент Стейси Бауэршмидт. Возможно, вы не помните этого, но вы очень выручили моих родителей после Второй мировой войны».

Форд был ветераном Второй мировой и тут же начал вспоминать, о ком же шла речь. «Бауэршмидт, Бауэршмидт», – задумчиво повторял он вслух. На минуту он замолчал, глядя сквозь пуленепробиваемое стекло, а затем будничным тоном произнес: «Да, я помню ваших родителей». – И он рассказал историю, которую мы со Стейси слышали до этого много раз.

Был 1949 год. Мама и папа вернулись с фронта, недавно поженились и жили в туристическом прицепе без ванной. Согласно закону, принятому в 1944 году, ветеранам войны, которые хотели вновь пойти учиться, выделялись деньги. Мама мечтала стать художником, а папа – часовым мастером, поэтому они решили переехать в Гранд-Рапидс, штат Мичиган, где мама могла бы поступить в художественный колледж Кендалл.

Прицепив свой «дом» к темно-синему «Форд Седан», они устроились на стоянке и начали учебу. Но вскоре денег стало не

хватать, так как из-за смены адреса им перестали приходить денежные пособия. Сидя за маленьким столиком в своем прицепе, они вытащили все оставшиеся у них деньги из карманов и положили в центр стола. Всего лишь три цента. «Этого не хватит даже на батон хлеба, – сказала мама, – нужно что-нибудь придумать».

«Но что?» – спросила она вслух. И тут же ей пришла идея. Достав лучшую бумагу, она написала письмо Джеральду Форду, молодому конгрессмену от пятого избирательного участка штата Мичиган, выбранному несколькими месяцами ранее. Во время своей избирательной кампании 1948 года он приходил домой к избирателям и лично встречался с ними после окончания рабочего дня на фабрике. Он прославился тем, что близко общался со своим электоратом.

Папа вспоминал, что был настроен скептически, но лучше он все равно ничего не мог придумать. И тогда он тихонько сказал: «Ну что ж, вот и увидим, правда ли этот парень является тем, за кого себя выдает». Он взял мамино письмо и положил его в почтовый ящик. Три последних цента они потратили на марку.

Через десять дней к ним в фургон постучали. «Кто там?» – спросила мама, открывая дверь. Перед ними стоял сам конгрессмен Форд, держа в руках не дошедшие им чеки. Теперь они, наконец, могли начать ту жизнь, о которой мечтали.

Учитывая особенности работы Стейси, она просто не могла позволить себе быть одержимой знаменитостями и их славой. Просто не могла. Но в тот день, когда президент Форд повторил эту историю, которую она много раз слышала от родителей, Стейси стала его поклонницей. Со временем у нее возникли теплые отношения с Фордом и его семьей. Когда в 2006 году бывший президент находился при смерти, Стейси поддерживала его близких и помогала им принимать важные решения. Одной из ее обязанностей секретного агента являлась организация государственных похорон, таким образом, она смогла последний раз отблагодарить человека, который так помог ее родителям в молодости.

* * *

Мои родители, как и их ровесники, вернувшиеся с фронта, считали, что просто исполняли свой долг, они даже не задумывались о том, как много сделали для страны. Папа служил в корпусе армейской авиации, «перекладывал бумажки», как он сам любил говорить. Мама была медсестрой в женском батальоне

WAVES и работала в военно-морском госпитале в Сан-Диего. Она заботилась в основном об офицерах и их женах. Она вспоминает, что за свое недолгое пребывание на службе сделала сотни уколов пенициллина. Они оба отрицали, что совершали какие-то подвиги на войне, ведь, в отличие от многих своих сверстников, они работали в тылу и никогда не были в зоне боевых действий. Большинство их друзей, даже самых близких, и не догадывались о том, что они вообще служили. «Об этом просто как-то речь не заходила», – позже объясняла нам мама.

Но для мамы все изменилось в ноябре. Вместе с ней и Рейми мы оказались в Новом Орлеане, штат Луизиана, известном своей великолепной едой, живой музыкой и, по иронии судьбы, музеем, посвященным Второй мировой войне. Мы слышали хорошие отзывы о музее, и мама очень хотела сходить туда. Утром мы отправились на экскурсию. Зайдя в холл, мы увидели, что народу практически не было. Молодая кассирша спросила маму, не является ли та ветераном Второй мировой войны, и та застенчиво ответила: «Вроде да».

«В таком случае для вас вход бесплатный», – оживленно сообщила нам девушка.

Мама выросла во времена Великой депрессии и, как и многие представители того поколения, на всю жизнь запомнила одну простую вещь: если что-то предлагают бесплатно, нужно пользоваться этим. Мама выпрямилась в своей инвалидной коляске, принимая бесплатный «подарок» с гордостью и благодарностью.

Маме выдали огромный красно-сине-белый армейский жетон, свидетельствующий о том, что она участвовала во Второй мировой войне. Сотрудники музея пришли в невероятный восторг, узнав, что она служила в WAVES. Они рассказали нам о том, что редко встречают здесь кого-то из женского батальона. Новости о маме быстро разошлись по всему музею, и во время нашей экскурсии мы то и дело слышали, как люди говорили о нас в восторженном тоне. «Видите ту женщину в инвалидной коляске? Она служила в WAVES! Представляете?» или «Ого, вот это честь! Не часто к нам приходят солдаты женского батальона!»

Музей был создан именно для того, чтобы туристы могли прочувствовать, каково было людям того времени, таким, как мама, папа, дядя Ральф и еще 16 миллионов молодых американцев, отправившихся воевать. Сначала вам выдают армейский жетон, затем сажают на поезд. Когда мама оказалась в неподвижном вагоне поезда, она не смогла сдержаться и начала рассказывать нам о боевой подготовке в колледже Хантер в Нью-Йорке и на военно-морской базе на Великих озерах в Чикаго

прямо перед отправкой на запад, в Сан-Диего.

Было забавно видеть, как маму, которая никогда не говорила о своих подвигах на войне, теперь чествуют благодаря им. А наш пост на Фейсбуке, рассказывавший о визите в музей, еще больше изменил ее жизнь, сделав ее знаменитой благодаря службе в армии. Нам присылали благодарственные письма тысячи ветеранов, военных и прочих людей, работающих в данной сфере.

Одно из сообщений, которое мы получили, написала нам бывшая ученица Рейми, с которой они познакомились во времена работы Рейми школьным психологом. Рейми вспомнила, что двадцатилетняя Элиза, теперь служившая морским офицером, всегда была яркой и очень зрелой девушкой. Элиза благодарила мою маму за то, что такие женщины, как она, подарили девушкам возможность служить своей стране. Она также писала: «Если когда-нибудь вы окажетесь на восточном побережье, пожалуйста, дайте мне знать. Я поговорю с руководством авианосца «Генерал Р. Форд» и постараюсь устроить для вас что-нибудь интересное, мисс Норма».

Рейми зачитала сообщение, и мама раскрыла рот от удивления. Было ясно, что это приглашение заслуживает внимания. Но в то время мы еще не думали над тем, куда отправимся после зимовки во Флориде. Мы поблагодарили Элизу за заботу и сказали, что сообщим ей о нашем решении, когда определимся с планами.

И тут нас осенило: Элиза не знала о том, что мы были знакомы с президентом Фордом, возможно, эта история ей придется по душе. Рейми вкратце рассказала ей об этом, подчеркнув, что мы пока еще не решили, куда поедем дальше.

Вскоре с нами связались офицер корабля, ответственный за связи с общественностью, затем координатор по маркетингу из судостроительной компании и, наконец, сам командир корабля. Каждый из них приглашал нас подняться на борт авианосца «Генерал Р. Форд» во время официального открытия монумента в честь Форда в начале апреля.

«Было бы здорово», – сказала мама, когда мы вместе представили, как это будет происходить. Поэтому мы с Рейми распланировали дальнейшее путешествие с учетом остановки в Ньюпорт-Ньюс, штат Виргиния, чтобы попасть на это торжественное событие. Рейми сообщила об этом Элизе, и та ответила, что все с радостью ждут нас. В своем имейле она написала, что от нас потребуются копии паспортов или свидетельств о рождении, чтобы провести нас через охрану. «После этого мы без проблем сможем доставить вас на корабль».

Мое сердце екнуло. Уезжая из Мичигана, мы с Рейми не

предполагали, что будем вывозить маму за пределы страны, поэтому со спокойной душой оставили ее паспорт, срок действия которого почти истек, в банковском сейфе в северном Мичигане. Конечно, мы никак не смогли бы получить его во Флориде. Мы очень расстроились.

Элиза и остальной командующий состав ответили нам лишь спустя несколько недель. Было ясно, что возникшая проблема может сорвать наши планы. Но затем нам вдруг пришло в голову очень простое решение. Когда Стейси поступала в Секретную службу, каждый член нашей семьи прошел тщательную проверку. Наверняка где-то должна была сохраниться запись о том, что моя мама является законопослушным гражданином. Мы сообщили военно-морским силам и судостроительной компании Ньюпорт-Ньюс о том, что им достаточно связаться с Секретной службой, и те смогут подтвердить, что Норма Бауэршмидт не является 91-летней шпионкой. Однако никто из них нам не ответил. Кроме того, нам никто не написал о времени начала церемонии. Утром нам позвонил уходящий в отставку командир корабля. Он надеялся, что мама будет хотя бы мысленно присутствовать на торжестве. Мама занервничала и разволновалась, когда капитан Мейер захотел переговорить именно с ней – «из всех людей», по ее собственному выражению.

Когда капитан позвонил, мы все еще гостили у друзей в Северной Каролине. Рейми протянула маме трубку, и мама тут же подтянулась и выпрямила спину. Сначала она просто беседовала с капитаном, а затем повторила ту историю, которую в детстве мы с сестрой слышали не раз. Закончив, она добавила: «Джеральд Форд был человеком чести, порядочным человеком».

Через час в честь открытия памятника, который изображал Форда молодым военно-морским офицером, капитан Мейер произнес речь, большую часть которой посвятил истории невероятной встречи моих родителей с новоиспеченным конгрессменом. Статуя является центральной фигурой монумента, расположенного на рулевом колесе самого высокотехнологичного авианосца в мире, и многие годы будет служить неизменным напоминанием о том, что «честь всегда стоит у руля».

Через несколько недель нам пришло приглашение подняться на борт корабля. Разрешили, не объясняя причин. Вот так просто. Нам всем было ясно, что это заслуга Стейси, ведь она всегда помогала нам сделать невозможное возможным.

День был теплым, и мы все надели джинсы и футболки. Рано утром мы выехали из Саффолка, штат Виргиния, так, чтобы вовремя добраться в офис судостроительной компании и успеть зарегистрироваться до часу дня, на который у нас была назначена экскурсия. Переезжая через мост над рекой Джеймс, мы увидели корабли на верфи Ньюпорт-Ньюс. Некоторые из них только строились, а некоторые стояли на ремонте. Одно судно было огромным и превосходило все остальные по размеру: авианосец стоимостью в 13 миллиардов долларов поднимался над водой на 250 футов, а своей палубой длиной в 1100 футов закрывал весь горизонт.

Мы прибыли в главное управление судостроительной компании «Huntington Ingalls Industries». Рядом с главным входом мы заметили парковочное место, над которым висела табличка с надписью «Для мисс Нормы». Я остался с мамой, а Рейми отправилась на встречу с Кристи, представителем компании, чтобы отдать ей наши паспорта.

«Нужно дождаться охранника, – сообщила Рейми нам с мамой, – он отвезет нас на верфь».

Вскоре подъехал невзрачный белый мини-вэн и припарковался за джипом. Из машины вышел мужчина средних лет. На нем были солнцезащитные очки «Рей Бен Вайфарер». «Привет, я Джерри, начальник охраны судостроительной компании, – представился он, – сегодня я буду сопровождать вас». Пока Рейми и мама примеряли защитные очки и каски (Джерри сказал, что они понадобятся нам во время нашего визита), он удивил меня, поделившись одной очень личной историей. «Я знал вашу сестру Стейси, – шепнул он мне, – я много лет работал с ней в Секретной службе в Вашингтоне, округ Колумбия». После смерти сестры восемь лет назад я не общался с ее друзьями из Секретной службы. А сейчас мне выпал шанс поговорить с ее коллегой, и мне не терпелось выяснить, насколько хорошо он в действительности ее знал.

«Стейси иногда заезжала ко мне и гостила у нас после моего увольнения. Мне часто приходилось просить ее выбирать выражения при моих малышах», – усмехнулся он.

«Да, он явно неплохо ее знает», – подумал я.

Нам выдали пропуски, мы сели в мини-вэн и отправились на историческую верфь, находившуюся неподалеку. Она была построена в 1886 году и называлась Chesapeake Dry Dock and Construction Co^[5]. Позже верфь переименовали в «Newport News Shipbuilding», и с тех пор на ней было построено более 800 военно-морских и торговых судов. Сегодня компания не только создает и ремонтирует суда для военно-морского флота, но и

занимается производством атомных подводных лодок типа «Виргиния».

Джерри прокатил нас вдоль верфи площадью в 550 акров, а затем свернул к одному из множества въездов. Ему нужно было все точно рассчитать, поскольку во время пересменки охраняемый объект закрывается для проезда автомобилей, так как на территории находится много рабочих. Вооруженный охранник взглянул на наши пропуска и кивком головы подтвердил, что мы можем ехать. Мы миновали промышленные здания и обогнули автопогрузчик с армейским снаряжением. Наконец, вдалеке показалась береговая линия.

Поскольку в самостоятельных передвижениях моя мама была ограничена, для нее подготовили специальные приспособления. Обычно корабельные рабочие, служащие военно-морских сил и другие сотрудники поднимаются на корабль пешком. Нас же Джерри проводил к длинной рампе, которая вела напрямик на ангарную палубу нашего корабля. Она была такой широкой, что на ней могли разместиться 75 самолетов.

Когда мини-вэн заехал на палубу, нас встретила толпа журналистов с фото- и видеокамерами. Авианосец был совсем недавно передан военно-морскому флоту, поэтому на борту находились и гражданские (сотрудники судостроительной компании), и около 1000 военнослужащих, в то время как полная команда корабля насчитывает 4660 человек. Среди моряков в униформах мы тут же заметили Элизу. Ее лицо светилось от счастья. Чтобы показать корабль, нам выделили мотовездеход на четырех человек. Не успели мы проехать и пары сотен футов до одного из вместительных отсеков, как нас остановили.

«Добро пожаловать на борт авианосца «Генерал Р. Форд», – произнес человек, стоявший в передней части отсека, отгороженной канатом. Над палубой возвышалась огромная статуя президента Форда, давшего название судну. «Я капитан Маккормак, командир корабля». Его униформа ничем не отличалась от остальных. Мама вылезла из вездехода и пожала ему руку. Чтобы посмотреть ему прямо в глаза, ей пришлось запрокинуть голову. В стороне ждал женский отряд. Каждая морячка по одной подходила к маме и благодарила ее за ее заслуги перед отечеством и за то, что она подарила им возможность служить в военно-морских силах США. Поскольку во время войны мама была медсестрой, отдать ей дань уважения пришли также медсестры и медбратья.

Сотни моряков смотрели, как капитан Маккормак снял мамину каску, а вместо нее водрузил ей на голову бескозырку командира корабля. Затем он пересказал всем историю о том, как

мои родители познакомились с Джеральдом Фордом, и подчеркнул, что оказанная им помощь маме и папе говорит о чести 38-го президента США. Затем он указал на статую и спросил: «Как считаете, она похожа на настоящего Форда?»

«Я думаю, никто из нас не помнит господина Форда в столь юном возрасте», – ответила мама, повернувшись и пытаясь разглядеть статую рослого молодого моряка с густой шевелюрой. Мы с капитаном Маккормаком улыбнулись друг другу. Я подумал, что большинство ныне живущих людей представляет Форда лысеющим 62-летним политиком, пришедшим к власти в 1974 году после Ричарда Никсона.

Когда церемония завершилась, мы направились к вездеходу. «Мы бы хотели показать вам полетную палубу, – сказал капитан, – но туда можно попасть только на лифте». Мы в недоумении переглянулись, представив себе обычный лифт. На самом деле, капитан предлагал нам подняться в одном из трех огромных лифтов 85 на 52 фута, предназначенных для транспортировки самолетов из ангара на летную палубу. «Этот лифт мы еще не опробовали, – продолжил он, – так что для нас это тоже будет в первый раз». Но мама улыбнулась, не веря своим ушам. Она очень обрадовалась возможности стать частью этого первого экспериментального подъема.

Многие сотрудники судостроительной компании и моряки, которым было интересно посмотреть, как же работает лифт, присоединились к нам. Мы услышали громкий гудок. Платформа зашевелилась, и уже через несколько секунд мы были наверху. Наш водитель въехал на палубу и максимально сбавил скорость, так, чтобы капитан мог идти рядом с нами и рассказывать о корабле. Он объяснил нам, что перед тем, как военно-морские силы примут полное командование кораблем, нужно завершить еще множество задач, однако механизмы для запуска самолетов уже работают. Он показал нам, как реактивные струи меняют направление за счет гидравлического щитка, который поднимается с палубы в направлении четырех матросов, пользующихся специальными ручными сигналами.

«Юношам и девушкам, управляющим кораблем, не больше 19 – 20 лет, – сказал капитан во время демонстрационного показа, – я очень горжусь тем, что сегодня в военно-морских силах так много способных молодых людей».

Я видел, что и мама очень этим гордится. Она была одной из первых 20-летних девушек, отправившихся служить своей родине. Я понимал, что для мамы было важно увидеть не только этот современный авианосец, но и молодых американцев, готовых сохранить то, за что она боролась 70 лет назад.

Затем нам показали механизмы корабля, работающие на основе самых современных технологий, включая новую пусковую систему. Раньше такие установки были паровыми, но теперь они работают за счет электромагнитных сил и могут придать самолету скорость свыше 200 миль в час, а также запустить его на расстояние более 300 футов. Мы шли к носу корабля вдоль направляющей пусковой катапульты и представляли себе, как боевой эскадрон взлетает с палубы, чтобы дать бой. «Наш авианосец позволяет совершать до 270 вылазок, – сказал капитан Маккормак, – не каждое судно на такое способно».

Чтобы показать, как работает система, нас подвезли к большому экрану, установленному на палубе для показа фильмов. Мама пришлось вытянуться, чтобы видеть экран. Один из инженеров запустил видеоролик с демонстрацией тестовых запусков под руководством Сьюзан, дочери президента Форда, во время торжественного открытия памятника. Для запуска вместо самолета использовались огромные аэродинамические тележки размером с баржу. «От них столько брызг!» – сказала мама, когда увидела, как они взлетают и падают за борт после запуска. Позже из воды их доставал вертолет.

Капитан Маккормак, бывший пилот морской авиации, ответил на все наши вопросы и рассказал нам о том, как лично сажал самолеты на движущийся авианосец. Он указал на два выдвижных столба на взлетно-посадочной полосе. На них была закреплена гигантская сеть, чтобы «ловить» самолеты, которые не смогли зацепиться за тормозной крюк во время посадки. «Это все равно что оказаться в большой бейсбольной перчатке», – сказала мама, и капитан согласился с ней.

Когда наша экскурсия подошла к концу, нас отвезли на «остров» – огромную надстройку, на 150 метров возвышающуюся над полетной палубой. «Остров» служил командным центром для операций как на полетной палубе, так и на всем судне в целом. «Почему бы нам не сфотографироваться здесь?» – предложил капитан, когда мы заметили толпу людей. Мама стойко ждала, пока каждая группа туристов, желающих сфотографироваться с ней, выстроится для совместного снимка. Затем мы вернулись в вездеход, который отвез нас назад к лифту. Спускаясь, мы вновь удивились тому, насколько быстро может двигаться 120-тонная платформа.

Сойдя с платформы, мы оказались на ангарной палубе. Группа судостроителей (все они являлись ветеранами войны) выстроилась в шеренгу и ждала, пока мама спустится сверху. Каждый по очереди пожал ей руку, рассказывая о том, в каких войсках служил и в течение какого времени. В сумме на фронте

они провели более 200 лет. Маму явно тронул этот жест. Она смотрела прямо в глаза каждому из ветеранов, двумя руками пожимая их большие ладони.

Позже, на обратном пути в мини-вэн, на котором мы добирались до авианосца, журналисты из пресс-службы военноморских сил засыпали маму вопросами. Но на ангарной палубе начались работы, и стало так шумно, что я не слышал ни вопросов корреспондентов, ни маминых ответов.

Я наклонился, пытаюсь разобраться, о чем они говорят, и услышал вопрос, заданный одним моряком: «Что вам пока что больше всего понравилось из вашего путешествия?»

Я все еще немного напрягался, когда кто-то задавал моей маме вопросы. Разумеется, я уже видел ее великолепное выступление на телевидении и понимал, что она привыкла к тому, что люди узнают ее на улицах, но ведь я был ее сыном, я не мог просто перестать беспокоиться о ней. Иногда люди ждали от нее слишком многого, а для меня она всегда оставалась скромной и тихой леди. Я продолжал улыбаться, с интересом ожидая ее ответа.

Мама вытянула шею так, чтобы взглянуть молодому парню прямо в глаза, и слегка потерла лоб, раздумывая над ответом. «Ну, – сказала она, наконец, – больше всего мне, пожалуй, запомнилось то, что происходило сейчас. Вот так».

Глава 13

Вкус

Из Уинтропа, Массачусетс, в Бар-Харбор, Мэн. Май

Тим

По тем или иным причинам меня всегда привлекала еда – и процесс приготовления, и внешний вид блюд, и их вкус. Я не знал, сколько мне было, когда я впервые начал интересоваться этим, пока мама не начала рассказывать всем, кого мы встречали в нашем путешествии, о том, что я играл в повара уже в возрасте двух лет. Судя по всему, я рвал листки бумаги на маленькие кусочки, раскладывал их на старых чугунных сковородках, которые мне отдала мама, а затем представлял всей семье свое «блюдо».

Когда мне было девять, я смотрел шоу Джулии Чайлд на страшно рябившем черно-белом экране родительского телевизора. Джулия была статной дамой с высоким голосом и любила добавлять сливочное масло во все блюда. Она завораживала меня. Ее шоу «Французский шеф-повар» стало одним из первых кулинарных шоу в США. Оно принесло популярность французской кухне во времена, когда на каждом канале рекламировали обеды быстрого приготовления. Когда мои двоюродные братья из Кливленда, штат Огайо, приезжали в гости и в подробностях рассказывали мне о том, какие голы забила местная баскетбольная команда «Кливленд Индианс», я лишь мог показать им, как приготовить вкусный омлет.

Мамины способности в кулинарии не были выдающимися. Правда, выпечка у нее получалась божественной. Ее шоколадные хрустящие печенья и пироги с клубникой и ревенем не имеют равных. Полагаю, в силу ограниченного бюджета она не могла тратить много денег на еду, к тому же папа ел исключительно мясо и картошку. В 1960-х годах в качестве гарнира особую популярность приобрели всевозможные вариации запеканок (с овощами, картофелем, рисом и так далее), и мама постоянно их готовила. Ее запеканка с макаронами и тунцом – худшее, что я когда-либо ел в своей жизни. Смесь консервированного тунца, запеченной пасты с горошком и грибным соусом вызывала у меня рвотный рефлекс. Из-за детской травмы я до сих пор не

перевариваю консервированный или пакетируемый тунец. И все же готовка связывала нас. Мне всегда было интересно, чем же мама занимается на кухне, даже если сами продукты мне не нравились. Мы готовили вместе с тех самых пор, когда я, стоя на табуретке, мог дотянуться до плиты.

В подростковом возрасте я устроился сиделкой к пожилой паре. Я готовил для них, и это открыло мне двери в мир кулинарии. Внезапно лук, чеснок, мясо и морепродукты стали частью моей жизни. Когда я учился в средней школе, я расширял свои горизонты, посещая китайские ресторанчики в Толидо, которые в то время славились самой экзотической кухней.

На протяжении всей своей жизни я интересовался едой. Даже когда у меня практически не было денег или когда я решил стать вегетарианцем в возрасте 20 лет, мне всегда удавалось приготовить что-нибудь вкусненькое из имеющихся у меня продуктов, и я всегда испытывал желание угощать других своими творениями. Большинство из нас общается и передает свою любовь определенным способом, и я еще в юном возрасте понял, что хочу дарить другим свою любовь с помощью еды. Ничто не доставляет мне такого удовольствия, как готовить для других. Это мой способ показать людям, что я люблю их, как своих родных.

И теперь, когда мама путешествовала вместе с нами, мне не терпелось что-нибудь приготовить для нее, чтобы показать ей, как сильно я ее люблю. К тому же мы с Рейми хотели, чтобы она попробовала все то, что упустила за предыдущие 90 лет жизни в силу ограниченного бюджета, папиных предпочтений и скудного ассортимента продуктов в родном городе. Перед тем как отправиться в путешествие, мы решили попробовать традиционное блюдо каждого штата, который мы посетим.

В районе Верхнего полуострова, штат Мичиган, мы отведали самодельные пирожки с мясом. Этот рецепт сюда завезли корнуэльские шахтеры, которые переехали на север Мичигана в 1800-х годах. Пирожки начиняют сырым мясом, луком, картофелем и брюквой, а затем тесто слепляют на концах, придавая пирожкам полукруглую форму. Маме блюдо пришлось по вкусу. В Висконсине мы попробовали творожный сыр и с удовольствием показали маме, как заставить небольшие кусочки «скрипеть» на языке. Никто из нас не решился попробовать лютефиск (вымоченную в щелочном растворе треску, которую подают при комнатной температуре), мы договорились отведать другие традиционные блюда кухни штата Миннесота, а именно все жареное. Так, в один прекрасный момент мы уплетали жареный сэндвич с макаронами и сыром, который, заставил даже

мою хрупкую маму забеспокоиться о своей фигуре.

С Южной Дакотой дела обстояли чуть сложнее, ведь мы не только никогда не слышали о таком блюде, как числик^[6], но и не знали, где его можно достать. «А не съесть ли нам по числику», – поддразнивали мы маму. Это блюдо пришло в США с Кавказа. Кусочки сырого мяса – обычно берется мясо ягненка, оленина или любая другая дичь – жарят во фритюре, солят и подают с зубочистками, на которые готовые кусочки накалываются и отправляются в рот. Поскольку числик мы так и не нашли, мы отправились в местные пивоварни. Добравшись до Вайоминга, мы с легкостью убедили маму попробовать первый в ее жизни бургер с мясом бизона. «Он нравится мне намного больше, чем обычный гамбургер», – сказала она, стирая кетчуп с подбородка.

Наше гастрономическое путешествие по штатам зашло в тупик, когда мы оказались в Колорадо. Мы с Рейми довольно долго жили здесь и были прекрасно знакомы с местным традиционным блюдом «устрицы Скалистых гор». На самом деле, «устрицы» – эвфемизм, а само блюдо готовится из жаренных во фритюре бычьих семенников. Я знал, что даже если уговорю маму попробовать один кусочек, сам я не смогу это сделать в силу непреодолимого отвращения ко всякой трешке. Похоже, наш гастрономический тур был обречен, а ведь мы успели отведать традиционную кухню только в пяти штатах.

Но стоило мне подумать об этом, как я понял: дело не в том, что я не попробую саму еду, а в том, что я лишаю себя возможности прочувствовать культуру и местный колорит штата. Ведь отчасти суть нашей поездки состояла не в том, чтобы мама пробовала новые блюда, а в том, чтобы показать ей, насколько важно, что мы едим, где и с кем.

Мне намного больше нравится наслаждаться пищей вместе с другими людьми. Ни одно другое существо на земле, кроме человека, не ест за столом. Когда я разделяю эту радость с другими, я чувствую, что еда создана не только для насыщения организма, и мне хотелось, чтобы мама тоже ощутила это. С этого момента наши гастрономические изыскания приняли новый оборот.

Мы продолжали пробовать традиционную кухню в каждом штате, например, в Нью-Мексико мы съели зеленые чилийские перцы, в Луизиане – гамбо с морепродуктами^[7], а во Флориде – сэндвичи с морским окуном. Не говоря уж о том масштабном исследовании, которое мы провели с целью найти лучший лаймовый пирог в «солнечном штате». К тому времени, когда мы добрались до Восточного побережья, наша традиция пробовать главное блюдо каждого штата стала чем-то куда большим,

превратившись в опыт взаимодействия с людьми и сообществами, которые до сих пор были нам незнакомы. И даже я не мог предположить, что совместное принятие пищи способно так сблизить с людьми, которых мы только что встретили на своем пути.

* * *

В Бостоне невозможно найти лагерь для фургонов. Ближайший находится в Фоксборо, штат Массачусетс, в 40 милях езды от исторического центра Бостона. Там мы провели порядка пяти дней. Неделей раньше в Бостон-Коммон мы с Рейми встретились с нашим старым другом Джеффом и его девушкой Мэгги. Мы по очереди катили мамину инвалидную коляску по «Тропе Свободы», которая пролегает через центр города и пересекает 16 исторических объектов, связанных с Войной за независимость. Миновав бостонскую «Маленькую Италию», мы задались целью найти местный сэндвич с мясными шариками, а мама не хотела уходить с Ганновер-стрит, пока мы не зайдем в пекарню «У Майка» и не отведаем их знаменитые канноли. Она все-таки была настоящей сладкоежкой. Оставшееся время мы просто отдыхали в нашем фургоне. Мама каталась на своей коляске по лагерной стоянке и читала новые книги, которые нам удалось достать.

Два месяца назад нам написал заместитель шерифа бостонского округа. Сержант Дэнни рассказал о том, что многие его друзья подписались на мамину страничку на Фейсбуке и очень хотели, чтобы мы заехали к ним. Нам пообещали устроить частный круиз по бостонской гавани, а затем угостить сэндвичем с лобстером и пивом. От такого приглашения мама не могла отказаться. Мы переписывались с сержантом Дэнни с тех пор, как он впервые позвал нас в гости. Теперь мы позвонили ему, чтобы сообщить, что мы остановились недалеко от Фоксборо и, если он все еще в городе, с удовольствием встретимся с ним и его друзьями.

«Отлично, Тим, – ответил он, – как насчет этих выходных? Обещают хорошую погоду».

«Ну... дело в том, что в пятницу нам нужно будет уехать из лагеря», – честно признался я, поскольку на выходные все места были уже забронированы.

«Это не проблема, вы можете остановиться где-нибудь в нашей округе», – возразил он.

Поискав в интернете, мы узнали, что сержант Дэнни живет в

пригороде Бостона на побережье океана у северного входа в бостонскую гавань прямо напротив международного аэропорта «Логан». В город Уинтроп, расположенный на полуострове, попасть можно только через узкий перешеек на западе или через мост в восточной части Бостона. Кроме того, это самый маленький и самый густонаселенный район Массачусетса.

«Да, нелегко будет добраться туда на фургоне, – сказала Рейми, приблизив спутниковое изображение Уинтропа на Гугл-картах, – нам там просто не развернуться, к тому же для наших габаритов у тамошних деревьев слишком низкие ветки».

Взглянув на экран, я вынужден был согласиться. Мне удалось найти лишь одну относительно широкую внеуличную автостоянку, более-менее подходившую для нашего автодома. И все же мне хотелось отправиться туда.

«Давай попробуем, Рейми, – сказал я, – я думаю, у нас получится, и мы сможем отыскать какое-нибудь удобное место».

Когда мы пересекли мост, ведущий в Уинтроп, мы поняли, что зря волновались. Сержант Дэнни поднял всю округу и организовал целую операцию к нашему прибытию. Они действовали так слаженно и держали все в секрете, словно отряд спецназа на особом задании. Друг Дэнни, Лу, предложил нам припарковаться возле его дома на открытой местности, прекрасно подходящей для фургона. Электричество и воду мы подвели из дома Джанет, его соседки. «Мои двери открыты для вас в любое время, – сказала она нам, – можете принимать душ или просто заходить в гости».

Беспокоясь, что информация о нашем местоположении просочится в прессу и журналисты толпами повалят в Уинтроп, сержант Дэнни сообщил о нашем прибытии только отдельным доверенным лицам, которые должны быть на встрече в выходные.

Он поручил жене своего хорошего друга Шерил приготовить для нас первый ужин в Уинтропе, но попросил друга ничего не говорить ей о нашем приезде. Она знала только то, что принимает каких-то важных гостей, для которых должна приготовить свои лучшие блюда итальянской кухни.

Какой же они закатили пир! Мама сидела во главе огромного стола, за которым обычно умещается двенадцать персон, однако в этот вечер людей было намного больше. Места для тарелок едва хватало, поскольку стол ломился от яств: поднос с фаршированными маникотти, огромные мясные шарики, паста, свиная вырезка на гриле, креветки и всевозможные блюда из овощей. Еду постоянно подкладывали, так что тарелки не успевали опустеть. Затем вынесли десерт со взбитыми сливками, втрое превосходивший своими размерами объем маминой головы.

Этот роскошный ужин собрал вместе друзей, соседей, родственников, помощника окружного прокурора Бостона и члена сената штата – все они пришли, чтобы пообщаться с нами и разделить поистине божественную пищу.

На следующий день наши желудки все еще оставались до отвала заполненными едой, а сердца – наполненными любовью, и мы отправились через всю округу к прибрежному домику Чака и Нэнси. Маму мы катили в инвалидной коляске. Некоторые из наших новых друзей, с которыми мы пировали накануне, пошли с нами, решив составить нам компанию во время тура по бостонской гавани. Когда мы доехали, нас проводили к длинному пирсу, у которого была пришвартована яхта «Мои девочки», принадлежавшая Чаку. Хозяин тепло поприветствовал нас, но тут же извинился, поскольку вынужден был ехать на работу (он являлся владельцем крупной кейтеринговой компании в южном Бостоне).

Перед тем как уйти, он представил нам двух своих друзей, которым поручил управлять яхтой. И Гэри, владелец местного магазинчика корабельных принадлежностей, и Лу были шкиперами на торговых судах. Кроме того, Лу являлся одним из капитанов на пароме Уинтропа. Мы были уверены в том, что оказались в надежных руках. Когда пришло время подниматься на борт, я, понимая, что потребуются совместные усилия, чтобы помочь маме попасть в рубку, подхватил ее слева, а Дэнни приобнял маму за талию и поднял ее на четыре ступеньки корабельного трапа. Скотти, находившийся практически на одном уровне с мамой, придерживал ее справа, пока она перешагивала с предпоследней на последнюю ступень.

День выдался ясным и солнечным. Мы стояли на палубе, болтая с новыми друзьями и любуясь видами бостонской гавани. Когда три часа спустя мы вернулись к берегу, мы остановились у края взлетно-посадочной полосы, наблюдая за шедшими на посадку самолетами. Пролетая всего лишь в нескольких футах от палубы яхты, они шумно приземлялись в аэропорту. Мы помахали пассажирам, которых отчетливо видели сквозь иллюминаторы.

Загоревшие и счастливые от всего, что произошло с нами за последние сутки, мы вернулись в фургон, чтобы немного отдохнуть, а затем нас ждал обещанный лобстер. Сержант Дэнни отвез нас в «Belle Isle Seafood», ресторан, который работал на протяжении уже многих лет. У двери нас тут же встретила толпа поклонников, среди которых были дети, держащие самодельные таблички с надписью: «Добро пожаловать в Бостон, мисс Норма».

Джимми, владелец ресторана, приготовил самого большого лобстера. Затем вместе с Дэнни они подошли к маме и надели на

нее манишку с изображением ярко-красного лобстера, завязав ее вокруг шеи. Мама светилась от радости. Мужчины сели по обе стороны от моей хрупкой мамы, помогая ей справиться с самым большим лобстером, которого мне когда-либо доводилось видеть в своей жизни: они разломали панцирь, вытащили мясо и кормили ее с рук. По уши измазавшись в растопленном масле, мама посмотрела на меня и, улыбнувшись жирными от сока губами, просто сказала: «Вкусно!»

Наевшись, мама начала болтать с молоденькими девушками, а я расслабился и заговорил с Джимми. Практически целый час мы обсуждали наших мам, жизнь, смерть и даже такие темы, которые могут показаться слишком личными для двух малознакомых людей.

«Я никогда так долго не разговаривал с Джимми за все десять лет нашего знакомства», – сказал мне Дэнни. Я искал Джимми, чтобы попрощаться, но мне сказали, что он ушел на кухню со слезами на глазах. Я спросил его жену, сможет ли он выйти, но она отрицательно покачала головой. «Он очень переживает из-за вашего отъезда, – сказала она, – он не хочет прощаться».

На следующий день, в воскресенье, мы должны были двигаться дальше на север. Пока мы осматривали фургон, я думал обо всех тех людях, с которыми нам удалось познакомиться за этот недолгий период пребывания здесь. Но из головы у меня никак не шли мысли о еде – об итальянском пире и лобстере. Джанет снабдила нас не только водой и электричеством, она также ежедневно угощала нас завтраками и обедами. Я размышлял над тем, с какой легкостью я делился своими самыми сокровенными чувствами с теми, кого я встретил едва ли несколько часов назад, и над тем, как на мою открытость люди отвечали тем же.

В день нашего отъезда Джанет извинилась, сказав, что ей «нужно кое-что сделать», и отправилась в полицейский участок Уинтропа. Оказывается, она без нашего ведома организовала полицейский эскорт, чтобы проводить нас из города. Вскоре прибыли два полицейских автомобиля.

Перед отъездом мы прощались со всеми со слезами на глазах. Включая сигнальные огни и сирену на перекрестках, патрульные машины провели нас по узким улицам Уинтропа и вывезли из города. Когда мы остановили фургон у окраины города, из машины вышел полицейский и сообщил, что дальше их полномочия не распространяются, поэтому они вынуждены покинуть нас. Я высунулся из водительского окна, чтобы пожать ему руку. «Спасибо вам за то, что вы делаете», – сказал он, не желая отпускать мою руку. По его щекам потекли слезы.

Из Уинтропа мы отправились в национальный парк Акадия, штат Мэн, – самую северную точку нашего путешествия по атлантическому побережью. Зима постепенно уступала место весне: на деверьях начали распускаться почки, а из-под земли пробивались ранние цветы. Мы идеально рассчитали время: толпы туристов приедут сюда только через несколько недель. Мы остановились в прибрежном лагере на западе острова Маунт-Дезерт, откуда отправлялись гулять в парк на целый день, наслаждаясь уединением после шумных выходных с сержантом Дэнни и его друзьями из Уинтропа.

Однажды утром, когда до нашего отъезда оставалось несколько дней, я заметил письмо в папке входящих сообщений с пометкой «Приключение мисс Нормы».

«В прошлом году моему отцу поставили диагноз «рак», я прочла книгу «Как быть смертным» и наткнулась на вашу страничку. Я уверена, что все это случилось со мной неспроста. Я работаю в организации «Друзья Акадии» (наш офис находится в центре Бар-Харбор) и уже некоторое время слежу за вашими путешествиями. Я бы хотела встретиться до вашего отъезда. В Бар-Харборе на Коттидж-стрит готовят отличные олады. Я могу быть там в 8 утра, у вас найдется время?»

Я взглянул на часы. Для встречи с Лизой было уже слишком поздно. Однако в этот же день мы собирались еще раз навеститься в Акадию, а по пути как раз должны были проезжать очаровательный город Бар-Харбор.

«Мне кажется, эта девушка очень хорошая, – сказал я Рейми, – она работает в некоммерческой организации «Друзья Акадии», они занимаются охраной природы. Мы должны попробовать как-то пересечься с ней сегодня».

«Почему бы нам просто не заехать к ней на работу после прогулки, – предложила Рейми, – сделаем ей сюрприз!»

Мы были воодушевлены предыдущим удачным опытом общения с незнакомцами и уже привыкли следовать своим инстинктам, когда речь шла о встрече с новыми людьми. Иногда мы даже меняли свои планы, чтобы увидеться с ними. И сегодня как раз был один из таких дней. Вскоре после прочтения сообщения от Лизы мы уже парковали машину недалеко от места ее работы. Мы с мамой остались ждать в машине, а Рейми пошла узнать, на месте ли Лиза. Через некоторое время она вернулась и сообщила нам, что ее нет.

«Ее коллеги сказали, что она занимается тайцзи^[8] в местной молодежной волонтерской организации ИМКА, – сказала Рейми, –

давайте заедем туда».

Пока мы с мамой сидели в машине перед одноэтажным досуговым центром на другом конце города, Рейми отправилась на разведку: она собиралась выяснить, где проходят занятия по тайцзи. Лиза занималась в зале, окна которого выходили прямо на дорогу, и она заметила нас прямо во время выполнения одной из стоек. Она узнала нас, и на ее лице засияла улыбка. Она пулей вылетела из здания и подбежала к маме.

«Как вы меня нашли?» – выпалила она.

Мы рассказали ей о нашем расследовании и немного поболтали, пока она не вспомнила, что ей пора возвращаться на работу. Ей явно не хотелось прощаться с нами, потому она предложила: «А приходите сегодня к нам на ужин. Вы любите рагу из морепродуктов?»

Мы ни словом не обменялись друг с другом – это было ни к чему. Я быстро взглянул на маму и Рейми и ответил: «Да, нам нравится рагу из морепродуктов. Во сколько приходите?»

Лиза с мужем Бобом и маленькой дочкой Грейс жили в той части острова, где нет туристов. Мы практически заблудились, заехав в глубокий лес, но вскоре обнаружили лужайку, большую часть которой занимал их трехэтажный дом, построенный своими руками. Нас поразила гладкая купольная крыша, так что мы были под впечатлением еще до того, как вошли внутрь.

В доме пахло дрожжами и свежееиспеченным хлебом. Овощи для рагу были уже начищены и томились на плите на медленном огне. Рядом стояло блюдо со свежими морепродуктами, готовыми в любую минуту отправиться в горшочек к овощам. Сидя за кухонным столом, мама и Рейми рассказывали истории о наших приключениях Бобу, а Грейс играла с Ринго в соседней комнате.

Я же сделал то, что делаю всегда, – направился к плите. Пока я помогал Лизе, она рассказала мне о своем отце: о том, как он боролся с мезотелиомой, и о том, что она пережила за это время. Мы с Лизой стояли посреди кухни и под стук ножей о деревянные доски (мы резали салат), под бурление рагу и спокойные голоса домочадцев, разносившиеся по дому, рассказывали друг другу множество историй. Вскоре мы обнялись и поплакали вместе, разделив свои переживания о здоровье родителей.

После ужина мы еще надолго задержались у Лизы, не желая разрушать атмосферу любви и радости. Шестилетней Грейс явно хотелось больше веселья, и, когда она убежала наверх, мы поняли, что она настроена решительно. Грейс вернулась с мокрым до нитки котом. «Вот, мисс Норма, я только что его искупала, теперь вы можете взять его». И она попыталась усадить кота маме на колени. Мы все засмеялись. Было здорово делить

такие простые моменты с людьми, которых мы едва знали. Наконец мама начала зевать, и я понял, что нужно возвращаться домой. Прощаясь, мы с Лизой пообещали друг другу поддерживать связь.

Пока мы выезжали из леса на асфальтированную дорогу, ведущую обратно в лагерь, в машине царила умиротворяющая тишина. Рейми свернулась комочком на переднем сиденье, через зеркало заднего вида я взглянул на маму и Ринго, которые уютно устроились сзади. Я чувствовал, что мой желудок наполнен невероятно вкусной едой, а сердце – нескончаемой любовью.

За рулем я размышлял обо всех тех блюдах, которые мы попробовали на южном и восточном побережьях. Я усмехнулся про себя, вспомнив, как мама ела сырые устрицы в Новом Орлеане в ноябре. Когда мы предложили ей поехать в ресторан «У Феликса» и бар устриц, сначала она ответила в своей привычной манере: «Ну... даже не знаю, что сказать».

А потом мы заказали устрицы, приготовленные различными способами: сырые, на гриле, фаршированные. Когда нам принесли их, мама нехотя согласилась попробовать одну штучку. В итоге она с удовольствием съела запеченные устрицы, но, когда дело дошло до сырых, она начала колебаться. «Даже не знаю», – снова сказала она, разглядывая серую массу, занимающую половину раковины.

А затем у нее загорелись глаза, и она все-таки решилась отведать это экзотическое блюдо. Мама наклонила голову назад и приложила раковину ко рту, высасывая содержимое. Ощущая склизкую массу на языке, она слегка поморщилась, но все же бесстрашно проглотила устрицу и произнесла: «Не так уж и плохо». К нам подошла официантка и с южным выговором, растягивая слова, сказала: «Дорогая, вы намного смелее меня. Я работаю здесь уже восемнадцать лет, но так их и не попробовала». Мама засияла еще больше и съела вторую устрицу.

Дороги были пустыми, а небо становилось все темнее, и я вспомнил о блюде, которое мы попробовали на Тайби-Айленде по совету одного из наших подписчиков. Он настоятельно рекомендовал нам зайти в ресторанчик «North Beach Grill» к Большому Джорджу. Я все еще помню этот яркий ресторан над песчаным пляжем в том месте, где река Саванна впадает в Атлантический океан, и звук ветра, колышущего листья пальм, растущих недалеко от открытой веранды.

Ожидая напитки, мы заметили лысого афроамериканца в бейсболке, который, широко улыбнувшись, встал из-за своего столика, неподалеку от входа в кухню, и не спеша зашагал к нам по грубому деревянному полу. Это, должно быть, сам Большой

Джордж, подумал я. В нем было не меньше двух метров, он обладал крупным телосложением и был одет в синие джинсы и красно-бело-синее поло. Великан подошел и сел рядом с мамой. Ее хрупкое тело целиком поместилось в его огромной руке, когда он обнял ее.

«А вы, наверное, мисс Норма, – произнес он мягким голосом, никак не сочетавшимся с его крупными габаритами. – Я постоянно читаю о ваших приключениях».

Мама покраснела и закивала головой. «Ну да, это я, а как вы узнали?» – ответила она.

«Мы с парнями только что просматривали вашу страничку на Фейсбуке, – сказал он, – поэтому знали, что вы обязательно заглянете к нам в гости».

Вскоре Большой Джордж объяснил нам, почему в его популярном заведении работает так много «парней» и нет ни одной женщины: он нанимал в основном молодых людей, оказавшихся в беде. Помимо работы Большой Джордж давал им любовь и уважение. Он был для них своего рода приемным отцом. Мама была с солидарна с таким подходом, и Джордж сразу понравился ей (об этом свидетельствовало то, как непринужденно она откинулась на его плечо).

Во время нашего обеда Большой Джордж периодически подходил к нам и садился за наш столик. Он болтал и шутил с мамой, спрашивал нас, нравится ли нам еда, и даже предложил попробовать на десерт домашний шоколадно-карамельный торт. К концу вечера мы вместе смеялись, словно давние друзья. Он записал наши номера телефонов и пригласил зайти к нему еще раз до того, как мы покинем Тайби-Айленд.

Когда мы уже практически добрались до лагеря после вечера, проведенного с Лизой и ее семьей, я начал вспоминать жителей Восточного побережья, тех, прощаясь с кем я плакал. Хотя я едва был знаком с ними, пища, которую мы разделили, сблизила нас, позволив обсуждать такие серьезные темы, как потери, семья и смысл жизни. И было не важно, навещаем ли мы целую округу или едем в гости к одной семье, потому что каждый раз я ощущал невероятно прочную связь и поддержку от людей, которые собирались за одним ломившимся от обилия всевозможных блюд столом.

Я снова посмотрел в зеркало заднего вида и увидел, что мама заснула, как и Ринго, положивший голову ей на колени. Я осознал, как много лет уже прошло с тех пор, как я готовил воображаемый ужин, раскладывая бумажки на сковородке, и помогал маме, стоя у плиты на табурете. Всю свою жизнь я старался передать людям свою любовь, готовя для них пищу. Но я

даже представить не мог, сколько любви вернется ко мне благодаря кухне.

Глава 14

Равновесие

Из Питсбурга, Пенсильвания, в Йеллоустонский национальный парк, Вайоминг. Июнь и июль

Рейми

Всю весну мы провели на северо-востоке страны, пробуя традиционные блюда в различных штатах, а затем мы отправились в западную Пенсильванию. К лету мы как раз добрались до моих родных пенатов. Мы давно планировали эту остановку, ведь мы добирались сюда в течение нескольких месяцев, чтобы принять участие в одном из самых счастливых мероприятий – свадьбе моей лучшей подруги.

Это она собрала нас, девочек-подростков, в сочельник нового, 1982 года, устроив брейк-данс-вечеринку на родительской кухне. Это она, кусая губы от волнения, подошла ко мне 20 лет назад и сообщила то, что я и так давно знала. Это она сделала так, чтобы ее шикарные подарки, приготовленные к моему пятидесятилетию, доставили мне в забытый богом лагерь, расположенный прямо в центре Калифорнийской пустыни. И это она разговаривала со мной и поддерживала на протяжении всего нашего сумасшедшего приключения с мисс Нормой.

Я была приятно удивлена и взволнована тем, что Пэтти и Эйприл попросили меня провести обряд бракосочетания. За несколько недель до 18 июня мы остановились в лагере «Медвежий маршрут» и начали подготовку к свадьбе. В качестве подарка невестам Тим решил организовать праздничный стол, а я – сделать все возможное, чтобы поддержать их, успокоить и помочь провести прекрасную церемонию.

До самого июня мы наслаждались сказочным путешествием. Норма соглашалась практически на все, и казалось, что она даже идет на поправку. Лекарства способствовали ее хорошему самочувствию, и она ощущала себя бодрой и энергичной. Благодаря вкусной еде, которую мы пробовали вместе, она набрала вес, а ее щеки подрумянились на солнце. Она продолжала радоваться жизни. Естественно, не обходилось и без трудностей, но то потрясение, которое мы пережили практически

год назад в Преск-Айле, осталось далеко в прошлом. Казалось, нам сопутствует удача и все невзгоды позади.

Это произошло за неделю до свадьбы. Тогда мы провели целый день с Пэтти: вкусно пообедали в Стрип-Дистрикте и покатались по склону горы Вашингтон, с которой открывается отличный вид на центр Питсбурга. Когда я, Норма и Тим вернулись в фургон, мы обнаружили, что наш любимый питомец сам не свой. Мы решили, что он чем-то поперхнулся, но чем больше мы наблюдали за ним, тем яснее нам становилось, что с ним случилось что-то серьезное. Он воротил нос от любимых лакомств и пытался срыгнуть, но безуспешно. Голова его стала тяжелой, а взгляд затуманился.

Мы быстро нашли в интернете адрес ближайшей ветеринарной клиники, сели в джип и поехали. Эти двадцать минут были самыми долгими в нашей жизни. Норма осталась ждать нашего возвращения в фургоне. Мы так торопились, что даже толком не объяснили ей, что происходит.

Рентген показал, что у Ринго заворот кишок и его буквально раздувает изнутри. «Он скоро умрет, – прямо сообщила нам доктор Уилсон, – единственная надежда на спасение – это немедленная операция». Ее голос звучал не очень обнадеживающе, словно оптимизм когда-то сыграл с ней злую шутку.

Сотрудники ветеринарной клиники задавали мне и Тиму те же самые вопросы, которые мы обсуждали с Нормой на протяжении последних нескольких месяцев. «Если произойдет остановка сердца, вы настаиваете на искусственном дыхании?» «Сколько средств вы готовы выделить на лечение?» «Если мы не сможем спасти его, вы хотите кремировать его тело?» Все это было настоящей пыткой.

Однако я удивилась, осознав, что некоторые наши ответы о Ринго отличались от ответов Нормы. Ринго – часть нашей семьи, наш малыш, он успокаивает нас и понимает тогда, когда никто другой не способен этого сделать. Он не может умереть. Не сейчас.

«Боже мой», – только и смогла выдать я.

В кабинет вошла молодая лаборантка. В руках она держала два листа с расшифровкой стоимости операции по спасению Ринго. Она начала зачитывать каждый пункт, а я едва слышала ее и с трудом воспринимала информацию. Тим, должно быть, чувствовал то же самое. Он прервал ее, попросив озвучить конечную сумму. «У нас очень мало времени», – сказал он. Денег требовалось много. И не было никаких гарантий. Мы все равно подписали документ, поскольку не представляли жизнь без

Ринго.

В кармане Тима лежал необналиченный чек. Восемь лет назад он унаследовал машину своей сестры, но за ненадобностью мы недавно продали ее. Выручки от продажи машины хватало ровно для того, чтобы покрыть расходы на операцию. И вновь мы почувствовали, что Стейси нашла способ вмешаться и позаботиться о нас.

Ринго подготовили к операции, ему поставили капельницу со снотворным, закрепив ее на левой лапе. Он махал хвостом, а мы пожелали ему добрых снов, возможно, прощаясь навсегда. Когда Тим заводил машину, я взглянула на него. Глаза у него были красными и опухшими, наверное, как и мои. У меня скрутило живот, а руки тряслись. Мне показалось, что я заболела. Тим едва мог вести машину: из-за слез он практически не видел дороги. Мы были крайне подавлены.

Поднявшись по ступенькам в наш фургон, мы сели на диван рядом с Нормой и разрыдались. Раньше мы никогда не оставляли ее одну, да еще и в неведение. Тим не спеша рассказал ей о случившемся. Он говорил обрывками, а голос его надрывался, когда он пытался вспомнить подробности. «Мам, все очень плохо, – закончил он, – мы не знаем, чем это закончится». И он зарыдал снова. Он взял меня за руку. Мы пребывали в полной безысходности, казалось, ничто не может нас утешить.

«ПОСЛУШАЙТЕ» – сказала Норма. Звук ее голоса заставил меня перестать рыдать, и я в удивлении подняла на нее глаза. Она не кричала, но говорила громко и уверенно. Оторвав руки от лица, я взглянула на Тима, которого, казалось, ее командный тон поразил еще больше. – Вы должны мыслить позитивно, – потребовала она, – ради Ринго. Вы должны верить в то, что с ним все будет хорошо. Иначе вы сделаете ему только хуже».

Было уже намного позже девяти вечера, и мы проводили Норму до кровати в тишине, без нашего обычного ритуала с танцами и пением. На нас подействовала сила ее убеждения, и мы пытались взять себя в руки. Мы так и не сомкнули глаз, пока, наконец, не раздался звонок из ветеринарной клиники, положивший конец нашему трехчасовому беспокойству. «Мы вскрыли Ринго, и у меня для вас хорошие новости, – сказала доктор Уилсон, – селезенка не повреждена, вы успели вовремя».

Мы с Тимом прильнули к телефонной трубке, прижавшись щеками друг к другу: из-за проблем со связью мы с трудом могли разобрать, что говорила нам доктор Уилсон. Из глаз у нас потекли слезы, сливаясь в общем потоке и капая на ковер под нашими ногами. «С ним все будет хорошо?» – спросила я с надеждой.

«Пока еще нельзя точно сказать, что его жизни ничего не угрожает, – предупредила она, – его желудок и внутренние органы в полном порядке, однако никогда не знаешь, что произойдет с крупной собакой после окончания действия анестезии. Но пока все хорошо. Вам нужно немного поспать. Я больше не потревожу вас до утра, если только не будет осложнений. Я лишь хотела рассказать вам, как он себя чувствует в данный момент». Голос хирурга был уставшим, но уверенным – хотя она и старалась не давать ложной надежды. Должно быть, во время звонка мы оба задержали дыхание, поскольку, повесив трубку, разом выдохнули.

Мы так и не заснули, молясь о том, чтобы все прошло удачно. Утром нам снова позвонили и сообщили хорошие новости. Ринго пережил операцию, и процесс восстановления шел довольно неплохо. «Мы оставим его в клинике еще на пару дней, чтобы приглядеть за ним, но вы, если хотите, можете навесить его», – сказали нам в приемной. «Приедем через полчаса», – ответил Тим.

Мы вздохнули с облегчением, когда Ринго вприпрыжку вбежал к нам в зал для посетителей. Он все еще находился под действием лекарств и был немного растерян. Мы ласково погладили Ринго по мягкой, вьющейся шерсти и крепко обняли его. Наш любимец висел на волоске от смерти, и это стало для нас тревожным сигналом: в конце концов, все мы уязвимы и подвержены неприятностям.

* * *

Следующая неделя выдалась для нас тяжелой. Ринго отказывался есть специальный корм, прописанный ветеринаром, поэтому Тиму пришлось самостоятельно готовить для него специальное рагу, которое он добавлял ко всем приемам пищи. Нам необходимо было четыре раза в день давать Ринго лекарства, затем помогать Норме, и только потом мы могли заняться собой.

В день свадьбы я проснулась рано, чтобы поснимать невест в золотых лучах утреннего солнца. Стоял отличный летний денек. Было солнечно и тепло, но не жарко, на небе не было ни облачка, ничто не предвещало дождя. Именно о таком свадебном дне мечтает каждая невеста. Три девчонки – и больше никого. Мы смеялись, наслаждались жизнью и дарили друг другу подарки, надеясь, что они прослужат нам всю жизнь.

После фотосессии мы вернулись в лагерь как раз к тому времени, когда Норме нужно было принимать лекарства. Мы

пересеклись с Тимом, который убегал из дома, чтобы успеть подготовить праздничный стол на 120 персон. Мы рассчитали все так, чтобы уход за Нормой и Ринго никак не помешал нашим планам.

Норма заблаговременно подготовила наряд на свадьбу и встала пораньше, чтобы приодеться. Она даже накрасила губы розовым блеском, который берегла для особых случаев. И все же что-то было не так: на ней словно лица не было, ее фирменная улыбка погасла, а вместо нее появилась некая гримаса.

«Сегодня такой прекрасный день, как ты чувствуешь себя?» – спросила я, пытаюсь скрыть беспокойство в голосе. Она потупила взгляд и сказала: «Средне». Это было что-то новенькое. За десять месяцев путешествия я ни разу не видела ее расстроенной с тех пор, как мы уехали из Преск-Айла.

Она сказала, что с трудом может дышать и у нее какая-то непонятная боль в животе. Он выглядела напуганной. Неужели этому виной рак? Может, у нее возникли проблемы с сердцем? Или что-то не так с легкими? Понять, в чем дело, было сложно, но перемены были разительными. Она беспокоилась, боялась и, как обычно, не хотела быть обузой для других.

Мой эгоизм не давал мне покоя. «Серьезно? – думала я. – Мы готовились к этому дню несколько месяцев. Сегодня я должна дарить радость своим друзьям. Мы только что пережили болезнь Ринго, а теперь еще и это?» Я устала. Мы все устали.

«Может, она имеет что-то против однополых браков и до сих пор молчала об этом, – подумала я, – может, это смущает ее настолько, что только физическое проявление болезни может помочь ей отгородиться от этой неловкой ситуации? Или она и впрямь нездорова? Она умирает? Как ей помочь?» Нам нужно было поговорить.

«Норма, можно тебя на минутку, – сказала я, – ты имеешь что-то против свадьбы двух женщин?» – «Нет, что ты, я очень рада за них, – ответила она, – просто мне что-то нездоровится сегодня».

Я сказала, что не хочу оставлять ее одну в фургоне на целый день и ночь. Тогда она согласилась пойти с нами, но посидеть дома, пока свадебное торжество будет проходить на улице. Мы обе знали, что это не самое лучшее решение, но – если не считать отмены свадебной церемонии – это был единственный выход. Всего через каких-то шесть часов должны были прозвучать самые главные слова: «Я согласна».

Я помогла Ринго вылезти из фургона по лесенке, которую мы одолжили в лагере, и аккуратно загрузила его в мамин мини-вэн так, чтобы не порвать швы. Затем была очередь Нормы. Я держала

ее за руку, пока она спускалась по ступенькам, потом усадила ее в кресло, подвезла к машине, помогла забраться на переднее сиденье и, наконец, загрузила лесенку и инвалидное кресло в багажник. Через десять миль, когда мы добрались до места, я снова достала лестницу и помогла моим пациентам выйти из машины, пока гости прибывали на открытие церемонии.

Торжество проходило под роскошным старым дубом в дальнем углу садового участка Пэтти и Эйприл. Его прочные ветви были украшены цветными витражами, и мы словно очутились в соборе невероятной красоты. Гости длинной вереницей проходили к столам, усаживаясь на тюки сена, укрытые стегаными одеялами. Когда мои подруги прошли по полю и встали рядом со мной под дерево, вокруг царила атмосфера любви и радости. Этот момент казался особенно важным, ведь никто из нас до этого не был на однополых бракосочетаниях.

Гости не прекращали восхищаться свадьбой. Кто-то говорил, что никогда не видел такой честной, интимной и в то же время искренней церемонии, которая так отчетливо подчеркнула особенности характера каждой из невест. «Сегодня мы отмечаем праздник любви», – сказал один из гостей. «Рейми, ты отлично справилась», – похвалил меня другой. Но я была в отчаянье от того, что у Нормы не хватило сил присутствовать на этой прекрасной церемонии, и волновалась, что с ней может случиться что-нибудь серьезное. Мне хотелось собрать всю ее волю в кулак, чтобы она могла сидеть сейчас со всеми под величественным дубом, могла присоединиться к празднованию.

Однако, как мы выяснили позже, у нее начались проблемы с сердцем.

* * *

«Не надо никаких врачей», – повторяла она на следующий день после свадьбы. Дул теплый летний ветерок. Мы сидели на улице около фургона, пытаюсь уговорить Норму поехать в больницу. Мы всегда уважали ее желания, но ее здоровье резко ухудшилось, и мы не могли просто закрыть на это глаза. Сами мы прекрасно понимали, когда стоит избегать врачей, а когда необходимо обязательно обратиться к ним, не подвергая свое здоровье ненужному риску. У Нормы опухли голени, и она с трудом дышала. Мы с Тимом заметили, что ее организм плохо справляется с выведением жидкости.

«Возможно, есть какое-нибудь лекарство, которое поможет

тебе почувствовать себя лучше», – уговаривала я ее. «Давай хотя бы попробуем выяснить, в чем проблема. Мы не позволим докторам делать с тобой что-то против твоей воли», – пообещали мы. Через три дня после свадебной церемонии она нехотя согласилась.

В местном пункте неотложной помощи нам сообщили, что они не располагают необходимыми лекарствами и оборудованием, чтобы помочь Норме. Нас направили в реанимационное отделение больницы неподалеку от Питсбурга. Пока мы катили Норму в инвалидной коляске по больничному коридору, в моей голове живо всплывали воспоминания о последних днях жизни Лео.

«Когда вы в последний раз были у врача?» – спросила Норму медсестра. Мы с Тимом переглянулись, когда она честно ответила на вопрос. «Вы не посещали врача в течение десяти месяцев?» – сестра посмотрела на нас с укором. В ее голосе звучал упрек, от которого нам стало не по себе. До этих самых пор мы всегда считали, что поступаем правильно, уважая выбор Нормы. Ведь она сама вправе решать, как провести остаток своей жизни.

Днем ранее нашу историю опубликовали на первой полосе крупнейшей газеты Питсбурга «Post-Gazette» под заголовком «Мисс Норма заехала на «пит-стоп» в Питсбург». Разумеется, сотрудники больницы не читали вчерашних газет.

У нее взяли анализ крови и отправили на обследование. Предварительно ей диагностировали «застойную сердечную недостаточность» и «фибрилляцию предсердий». Лечащий врач предложил нам оставить ее на ночь в больнице. Но ни Тим, ни Норма этого не хотели.

Тим умолял врача отказаться от этой идеи: «Я видел, как моя сестра и отец умирали в больнице. Я не хочу такой же участи для своей мамы».

Хрупкая и болезненная Норма подняла глаза на торопливого врача и решительно заявила: «Я здесь не останусь».

«Возможно, сейчас самый подходящий момент обсудить с Нормой ее последние желания перед смертью», – посоветовал нам доктор. В этом вопросе мы с Тимом были на шаг впереди, потому чувствовали себя куда увереннее, чем во время того первого разговора с медсестрой, когда от стыда хотелось провалиться под землю.

Мы объяснили ему, почему оказались так далеко от родного города и от ее лечащих врачей, рассказали о том, какое решение приняла Норма, когда ей диагностировали рак. Мы попросили врача принять какие-нибудь меры, чтобы Норме стало легче дышать, но ясно дали понять ему, что ни о какой операции на

сердце и прочих серьезных вмешательствах не может быть и речи.

В этот момент нам показалось, что отношение сотрудников больницы к нам изменилось. Медсестра вывела нас с Тимом в холл, извинилась за свои упреки в том, что мы пренебрегли должным лечением, и похвалила нас за заботу о Норме. Она говорила очень искренне и в то же время обеспокоенно. «Жаль, что лишь с немногими семьями мне удастся поговорить так же, как с вами», – сказала она, намекая на то, что большинство избегает разговоров о смерти.

Через час мы отвезли Норму в машину. Ей прописали лазикс, мочегонное средство, выводящее застой жидкости из организма. Сотрудники больницы старались подбодрить нас и говорили о том, что все будет хорошо, но, как только мы вышли из больницы, вся наша уверенность улетучилась. Сердце Нормы ослабло, и с этим ничего нельзя было сделать. Она умирала. Никогда раньше я не чувствовала ничего подобного: я была преисполнена решимости жить одним моментом, жить здесь и сейчас.

* * *

Из Пенсильвании мы отправились на запад через северную часть страны. По пути мы останавливались на парковках, у друзей и иногда на стоянках для фургонов. Пару недель мы провели в доме Нормы в Мичигане, а затем друзья из Нижней Калифорнии пригласили нас навестить их на островах Сан-Хуан, штат Вашингтон.

Субботним июльским утром, в перерыве между трансляцией съездов Демократической и Республиканской партий, в утреннем шоу телекомпании NBC показали четырехминутный отрывок репортажа с мисс Нормой. Накануне мы ночевали на парковке супермаркета «Walmart» в Эймише, штат Миннесота. Еще не было девяти утра, и Норма сладко спала в своей комнате, и мы с Тимом, устроившись в передней части фургона, смотрели телевизор через спутниковую тарелку. Мимо нас проезжали легковые автомобили, стуча колесами по дороге. Мы улыбались и едва не заплакали, когда на экране появились телеведущий Мелвин Крейг и Норма. Через минуту после начала интервью в комнате Нормы раздался грохот.

«Она упала с кровати!» – завопила я, но Тим уже подскочил к ее раздвижной двери и резко распахнул ее. Норма лежала на полу. Она была напугана.

«Она ударилась головой?» – кричала я Тиму, пытаюсь

подняться со сдувшегося матраца и поспешить на помощь.

«Мам, ты можешь двигаться?» – спросил Тим.

«Ты что-нибудь повредила? Кровь идет?» – продолжил он.

«У меня голова кружится», – простонала она.

«Мам, как это произошло?»

«Я заправляла кровать и вдруг начала падать назад. Я не могла контролировать свое тело», – сказала Норма, удивляясь тому, что ее подвело ее собственное тело.

Тим приподнял ее голову, а я взяла ее за руку. Мы оба заметили, что она сильно поранила ногу: с возрастом ее кожа стала тонкой, как бумага, а она умудрилась упасть на металлическую щеколду, фиксирующую дверь в ванную во время движения фургона. К счастью, Норма десятилетиями пила витамины для укрепления костей, а пол был достаточно мягким, что спасло ее от переломов.

Тим помог ей подняться. Ее всю трясло. Я осмотрела глубокий порез, промыла рану и перебинтовала ногу. Мы еще долго хлопотали вокруг нее, пока она окончательно не пришла в себя. Тим подбадривал свою маму, попросил ее не торопиться и спокойно одеться.

Когда Норма была готова и приняла двойную порцию КБР (ей не было больно, но аппетит пропал), в эфире на западном побережье как раз показывали телепередачу с ее участием. Норма засияла изнутри, увидев себя по телевизору. Казалось, она забыла о том, что всего лишь с час назад упала и получила серьезную травму. После эфира нас завалили сообщениями на Фейсбуке, что было очень кстати, ведь именно в тот момент, когда мы ехали по автомагистрали I-90 в Северную Дакоту, нам нужна была любовь и поддержка. Наше настроение улучшилось.

«Спасибо тебе большое, – сказал мне Тим, когда мы остановились на ночь в Бисмарке, штат Северная Дакота, и Норма уже спала. – Я умею водить машину, готовить, мыть посуду, сливать отходы, но я не уверен, что справился бы с маминым порезом. Я думаю, эта кровавая рана добила бы меня».

Он говорил так, что я поняла: мы оба знали, что теперь нам предстоит по-новому заботиться о маме. Мы словно перешли на следующий этап. Я справилась с раной, но смогу ли я справиться с остальным? Я заснула чуть позже обычного: я просто лежала, смотрела в потолок и думала о том, что случилось, и о том, что ждет нас в будущем. Полеты на воздушном шаре и экскурсии по горам остались в прошлом, я понимала это. Нам предстояло столкнуться с новыми испытаниями.

В конце июля мы были уже на юго-западе Монтаны и решили устроить себе незапланированную экскурсию в Йеллоустонский парк к Мамонтовым горячим источникам. Мы с Тимом уже бывали там и подумали, что сейчас самое подходящее время свернуть с шоссе и посетить один из наших любимых национальных парков.

На день мы оставили фургон в Ливингстоне, штат Монтана, и взяли джип. Норму очень воодушевила наша идея, она радовалась, как и раньше, но все же чувствовала слабость и неуверенность в своих силах. Она все чаще прибегала к жестикуляции и стала меньше говорить.

Чем ближе мы подъезжали к Мамонтовым источникам и пешеходным тропинкам, ведущим к ним, тем чаще в моей памяти всплывали воспоминания о том, как несколько месяцев назад мы были во Флориде. Тогда Норма самостоятельно поднялась по ступенькам к форту Святого Августина на площадку над пушками, с которой открывался прекрасный вид на реку Матанзас и окрестности. Она так хотела охватить взглядом весь пейзаж и близлежащие достопримечательности, что ничто не могло остановить ее. Разумеется, на следующий день она чувствовала усталость, но она не раздумывая сделала бы это снова.

После падения с кровати все было по-другому. Каждый шаг Нормы становился все осторожнее. В фургоне она теперь всегда держалась за поручни, чтобы не упасть. Ее бывшая уверенность словно улетучилась. Она все еще очень хотела посмотреть интересные места, но с трудом могла преодолеть даже те пять ступеней, что вели в фургон. Боясь, что может снова упасть, Норма просила нас всегда возить ее в кресле. Теперь она даже не пыталась встать и идти самостоятельно.

Мы все знаем, что падение – это, как правило, начало конца: сломанное бедро, ушиб головы или, как в случае с Лео, компрессионный перелом позвоночника. Нам с Тимом повезло, поскольку Норма только поранилась, не получив никаких серьезных повреждений, но это все равно означало грядущие перемены. Если мы раньше чувствовали, что почти полностью отдаем себя Норме, то теперь мы должны были заботиться о ней еще больше.

Я говорила Тиму: «Не забывай, что мы сами согласились на это. Мы знали, что этот день наступит». Я произносила это вслух, одновременно пытаясь убедить и себя, и его. Но знать, что однажды этот день наступит, и столкнуться с этим вживую – две совершенно разные вещи. Я действительно не была уверена, что готова к такому. Может, я вообще никогда не буду готова.

Я вздохнула и прислонилась к окну пассажирского сиденья.

Мы ехали на юг по автомагистрале Вайоминга. Красота скалистых пейзажей с чистыми горными ручьями действовали умиротворяюще, но в то же время страх и беспокойство не покидали моих мыслей. Что же будет дальше? Как мы справимся с этим? И сможем ли мы продолжать наше путешествие в фургоне? Я пыталась взять себя в руки, не думать о том, что сулят нам эти перемены, и просто довериться судьбе. Когда мы добрались до источников, то увидели, что в округе очень много машин. Мы несколько раз объехали шесть или семь забитых парковок, но не нашли ни одного свободного места. Наконец, мы встали недалеко от туалетов.

На лице Нормы, которая молчала большую часть пути, засияла ее фирменная улыбка, когда она заметила, что Тим вешает бело-голубой значок «инвалида» на зеркало заднего вида. Она выдала одну из своих коронных фраз: «Спорим, вы рады, что взяли меня с собой». В парке имелась лишь пара дорожек для инвалидных колясок, ведущих к известняковым насыпям, что нас с Тимом очень расстроило. Мы видели, что большинство источников находится над нами. Одна из туристок, должно быть, разгадала нашу авантюрную затею и указала на крутую мощеную дорожку, ведущую к верхнему ярусу. «Там нет ступеней, а тропинка и вправду очень крутая. Но, если вы сможете дотолкать коляску доверху, вас ждет шикарный вид», – сказала она.

Когда мы подошли к подножию склона, многие пытались отговорить нас. «Он очень крутой, я бы не рисковал», – сказал один из туристов, а другой даже грубо бросил в нашу сторону: «Силы есть, ума не надо». Когда мы спросили Норму, хочет ли она, чтобы мы отвезли ее наверх, она согласилась. «Почему бы и нет?» – ответила она. Пока мы взбирались, проходящие мимо зеваки не переставали отпускать комментарии: «Интересно, как вы спускаться будете». Я взглянула на Тима, который, упершись руками в инвалидное кресло своей мамы, шаг за шагом двигался вперед. Он улыбался.

Когда мы дошли до верха, я глубоко вдохнула и схватилась за ручки кресла. С высоты я смотрела на форт Йеллоустон, окруженный горными хребтами. Я разглядела наш серебряный джип с яркими желто-оранжевыми каяками на крыше. Я вспомнила, как засветились глаза Нормы, когда она шутила на парковке. И я подумала, что несмотря на все то, что мы пережили за последние два месяца, несмотря на мои страхи о будущем, Норма была абсолютно права. Мы очень рады, что взяли ее с собой.

Глава 15

Перемены

Фрайдей-Харбор, Вашингтон. Август и сентябрь

Рейми

Мы медленно ехали вдоль бесконечных яблочных садов в восточной части штата Вашингтон в национальный парк Северные Каскады – одно из тех редких мест, где мы с Тимом еще не были. Мы не хотели торопиться, мы наслаждались окружающей нас красотой. Мы миновали Озеро Дьявола с отражающимися в нем крутыми склонами гор – эта настойка на ледниковой глине имела столь пронзительно-бирюзовый цвет, что казалась нереальной. Раньше мы бы остановились, нашли тропинку и исследовали бы местность.

Но сейчас Норма полулежала на кушетке за водительским сиденьем. У нее кружилась голова, и ей было трудно дышать. Теперь нашей главной целью было поскорей миновать возвышенность. Мы думали, что на равнине кислорода будет больше и ей полегчает. Нам нужно было как можно быстрее проехать гористую местность, другого выбора у нас не было.

Мы решили остановиться на пару дней в прибрежном лагере для фургонов на острове Фидальго, штат Вашингтон, чтобы Норма оправилась перед тем, как сесть на паром к архипелагу Сан-Хуан, где мы планировали провести пару недель с Нэн и Стивом, нашими друзьями из Нижней Калифорнии, жившими неподалеку от Фрайдей-Харбор, штат Вашингтон.

Когда мы спустились с возвышенности, Норма действительно стала чувствовать себя лучше. Вскоре она уже самостоятельно передвигалась на коляске по территории в шесть акров, ставшей нашим временным пристанищем. Рана на ноге от падения быстро заживала, и нам с Тимом казалось, что она идет на поправку. Я думала, что все меняется к лучшему.

Нэн полностью спланировала нашу поездку. Сначала мы собирались навестить Попайя, местного тюленя, который жил во Фрайдей-Харбор рядом с магазинчиком морепродуктов. В субботу утром мы планировали отправиться на фермерский рынок, а вечером попасть на концерт одной знаменитой группы в центре города. По вторникам проходили встречи музыкантов, играющих

на гавайских гитарах. Гости приносили с собой пиво и попкорн и наслаждались музыкой. На одно из таких выступлений была приглашена и Норма. Кроме того, наши подписчики с Фейсбука постоянно предлагали нам посетить различные мероприятия. Мы решили посмотреть китов, съездить на лавандовую ферму и перед отъездом познакомить нашего Ринго с другим пуделем по имени Ринго.

В перерыве между нашими вылазками Норма читала, играла на iPad и загорала. Облачный и дождливый тихоокеанский северо-запад лучше всего посещать именно в августе. И, пока остальная часть США утопала в палящем зное и жаре, мы расслаблялись в самом комфортном месте Америки, наслаждаясь мягким солнышком и 25 градусами тепла.

Жизнь была прекрасна. До тех пор пока все снова не пошло под откос. Норма опять упала посреди ночи по пути из ванной в комнату, находившуюся всего в паре шагов. Она отделалась легким испугом, но мы с Тимом оба поняли, что наше грандиозное приключение подходит к концу. Она все дольше и дольше спала днем, а мы все больше и больше бодрствовали ночью из-за того, что она постоянно вставала в туалет. Мы просили ее пить достаточно воды, опасаясь, что может наступить обезвоживание, но испугались, увидев, как распухли ее ноги. Мы никак не могли найти золотую середину. Теперь не оставалось никаких сомнений в том, что врачи не ошиблись с диагнозом: из-за застойной сердечной недостаточности жидкость плохо выводилась из ее организма.

С каждым днем Норме становилось все хуже. Рак не давал о себе знать: кровоизлияния прекратились уже много месяцев назад, а от любой боли ее спасали таблетки с содержанием КБД. Мы с Тимом начали предполагать, что причиной ее смерти станет, скорее, остановка сердца, а не рак.

24 августа 2016 года мы отметили первую годовщину нашего совместного путешествия. К тому времени мы уже могли подвести промежуточные итоги: мы проехали 13 000 миль, побывали в 32 штатах, посетили 15 национальных парков, получили новые впечатления, познакомились с новыми людьми, выпили огромное количество пива и съели кучу пирогов. Мы устроили небольшую вечеринку на террасе Нэн и Стива, обрамленной решетками для вьющегося плюща. Они играли на гавайских гитарах и исполняли для нас песню «Все хорошие люди». А затем мы вместе выпили пива и съели пирог, что уже стало для нас доброй традицией.

Мы вспоминали то, что пережили за этот год путешествия в фургоне, и рассказали о наших приключениях Нэн и Стиву. Мы

смеялись над тем, как часто Норма спрашивала: «Спорим, вы рады, что взяли меня с собой?», наслаждаясь теплотой и гостеприимством наших друзей. Но даже во время этого неожиданного праздника я чувствовала, как тесно наша радость переплетается с душевными страданиями. Мы все начали осознавать, что поселились на острове Сан-Хуан совершенно по другой причине, чем предполагали: именно здесь Норме суждено умереть.

Норма вычеркивала дни в своем карманном календаре, и с каждым днем она спала все больше. К тому же ее перестали интересовать пазлы, чтение или игры на iPad, которые она раньше так любила. Она постоянно задыхалась, а ноги ее отекали все сильнее.

Теперь, чтобы вытащить Норму из фургона или загрузить ее внутрь, нам требовались недюжинные усилия. Дочь Нэн, которая приехала навестить свою маму, страдала расстройством органов дыхания, и мы одолжили у нее переносной кислородный генератор, надеясь, что он поможет Норме. Поначалу Норма и слышать о нем не хотела и всячески пресекала наши попытки уговорить ее воспользоваться генератором. Думаю, все дело было в том, что она воспринимала его как устройство для поддержания жизнедеятельности, а не аппарат, который способен облегчить ее страдания. Наконец, через три дня, она разрешила нам вставить трубку в свой нос, но только ради эксперимента. Очень скоро мы все поняли, что дышать ей стало намного легче. Кроме того, она наконец-то почувствовала, как ее жизненно важные органы наполняются кислородом, и это понравилось ей, так что она захотела использовать генератор.

Когда через несколько дней дочь Нэн уехала, забрав переносной генератор с собой, Норма сказала, что ей хочется дышать свободно, она не хотела отказываться от этого. Пришло время обратиться за помощью. Мы вспомнили разговор с доктором из Мичигана, который год назад поставил Норме диагноз. Тогда Тим спросил его: «Чего нам следует ожидать, когда болезнь начнет прогрессировать, и как лучше всего ухаживать за мамой?»

Он посоветовал обратиться в местный хоспис в том городе, где мы остановимся. «Думаю, в таком случае, она сможет провести свои последние дни в вашем фургоне», – сказал он.

Мы договорились о встрече в Медицинском центре Пис-Айленд, местной больнице, чтобы понять, действительно ли нам помогут в хосписе. По счастливой случайности, медсестра, которая принимала Норму тем утром, оказалась бывшей сотрудницей хосписа, и она прекрасно поняла нашу ситуацию.

После часовой беседы мы вернулись в лобби, чувствуя удовлетворение, – мы получили направление в северо-западный хоспис. Теперь, когда мы заручились необходимой поддержкой, мы могли выполнить свою часть «сделки»: Норма останется жить с нами в фургоне до конца ее дней.

Тим катил маму через лобби, которое больше походило на музей изобразительных искусств, нежели на больничный холл, к автоматическим двойным дверям, ведущим на улицу. Выйдя, мы втроем глубоко вдохнули, стараясь набрать побольше свежего вашингтонского воздуха про запас. Я успокоилась, сказав себе, что задача, за которую мы взялись, – марафон, а не спринт. «Мы справимся», – сказала я Тиму шепотом.

Выйдя из здания, я обернулась – и раскрыла рот от удивления. Под навесом на въезде в здание больницы стояла винтажная серебряная «Тойота MR2» 1980 года. Ее водитель явно ждал кого-то. Мы с Тимом переглянулись и, не говоря ни слова, замедлили шаг. Нас переполняли эмоции, ведь для нас это был знак: Лео ждал встречи с Нормой, он был готов забрать ее на своем «Мистере-2». Наконец, Тим зашагал в прежнем ритме. Не останавливаясь у «Тойоты», он подвез маму к нашему джипу, припаркованному на месте для инвалидов, словно хотел сказать: «Еще не время, пап».

Мы сразу же отправились во Фрайдей-Харбор, на ярмарку округа Сан-Хуан. Ни один человек не догадался бы о том, что только что Норму прикрепили к хоспису. Она тщательно изучала прилавки с отборными овощами и пирогами, радостно улыбалась, махала рукой узнавшим ее людям и позировала, просунув голову в фотостенд с героями «Американской готики» Гранта Вуда. Но самое главное, она не отказала себе в удовольствии съесть жареную лепешку, посыпанную сахарной пудрой, – лакомство ее молодости.

От всего этого у меня голова пошла кругом, словно колесо обозрения, расположенное в самом центре ярмарки. Я разделяла радость, которую в этот момент испытывала Норма, но в то же время беспокоилась, не имея ни малейшего представления о том, что ждет нас в ближайшее время.

«Добро пожаловать в особый хоспис для мисс Нормы!» – произнесла Нэн, ведя нас в хлев показать козлят. Вместе со Стивом они присоединились к нашей поездке на ярмарку и даже кое-что продали на ней. Я засмеялась. Весь этот год был особенным, так почему на этот раз что-то должно измениться? Нам оставалось лишь продолжать жить моментом и говорить «да» всему, что предлагала нам судьба, – пока у нас оставалась такая возможность.

Вечером я задумалась о том, что почувствовала Норма, увидев стоящую у входа в больницу «Тойоту». Интересно, возникали ли у нее такие же мысли, как у нас с Тимом? «Ты сегодня заметила машину около больницы?» – спросила я ее. «Да. Мне показалось это странным. Словно за мной приехал Лео, – ответила она, подтвердив мою гипотезу. – Я не знала, что и думать». «Значит, – решила я, – наши мысли все же совпали». На глазах у меня выступили слезы, и я улыбнулась Норме. Я представила, как Лео ждет, когда она будет готова отправиться с ним. Меня очень тронула эта картина, но стало грустно от того, что Нормы скоро не станет.

* * *

Нам не просто понравилось в северо-западном хосписе, расположенном на материке, и в хосписе Сан-Хуана, расположенном на острове, – мы были приятно удивлены. О Норме заботилось так много людей; как, впрочем, и о нас. Все сотрудники имели опыт работы со смертельно больными пациентами, однако Норме потребовалось немного времени, чтобы показать своей новой медсестре Кэтрин, что она была не простой пожилой дамой.

«Сейчас я измерю ваше давление», – сказала Кэтрин, впервые оказавшись в нашем фургоне. Затем она взяла анализ на уровень кислорода в крови и послушала сердце и легкие. Норма удобно устроилась в своем кресле и попивала чай, а Кэтрин прикрепила оксиметр к ее среднему пальцу и затем приложила стетоскоп, который она достала из санитарной сумки, к сердцу и легким. «Снимите тапочки, пожалуйста», – попросила она.

Снимая первый тапочек со своей опухшей ноги, Норма заговорщически мне подмигнула. Мы обе знали, что сейчас обнаружит Кэтрин, и едва сдерживали смех. Вскоре засмеялся и Тим, увидев, что происходит. Норма сняла тапочки и продемонстрировала удивленной Кэтрин яркие розовые цветы, нарисованные на больших пальцах ее ног. Недавно Норма впервые в жизни сделала педикюр и вся сияла, пока Кэтрин нахваливала чудные узоры на ее пальцах.

Затем Кэтрин осмотрела ступни и лодыжки Нормы. Она умело прощупывала руками ее тонкую кожу, но внезапно резко остановилась прямо над лодыжкой. «А здесь что такое? – обеспокоенно спросила она. – Что это за пигментация? А это что за линия?» Норма улыбнулась еще шире и гордо ответила: «А это линия от загара. Просто я загорала в носках, а они как раз ровно

такой длины».

«Должна вам признаться, мне есть чему у вас поучиться, Норма», – рассмеялась Кэтрин.

* * *

Мы думали, что все решения уже приняты, а все неприятные беседы остались позади. Но в первую неделю нашего пребывания на острове Сан-Хуан, когда мы заметили, что здоровье Нормы резко ухудшается, нам пришлось настоять на том, чтобы она заполнила «Указ о пяти желаниях». Я обнаружил этот документ прошлым летом в киоске больницы, где Лео провел свои последние дни. Данная бумага является «завещанием о жизни», в которой пациент указывает свои требования личного, душевного или духовного характера, а также пожелания по поводу дальнейшего медицинского обслуживания. Если документ заверен в присутствии двух свидетелей, он приобретает юридическую силу и признается в сорока двух из пятидесяти штатов. Разговор был непростым, однако благодаря этому «указу» мы могли быть уверенными в том, что исполним все последние желания Нормы наилучшим образом.

Когда документ был заполнен и вся наша команда из хосписа была в сборе, мы решили, что готовы принять все их рекомендации и Норма уйдет во сне, так же, как и ее мама. Она сама призналась мне, что хотела умереть именно так. Несколько месяцев назад Норма рассказала мне, что в день своей смерти ее мама, пообедав с друзьями в столовой дома престарелых, решила вздремнуть, но так никогда и не проснулась. «И все, – подытожила Норма, – мне кажется, это лучше всего». Однако все оказалось намного сложнее. Норме прописали лазикс – мочегонное средство, способствующее выведению жидкости из организма и снижению отеков, вызванных сердечной недостаточностью. Для Нормы это была сущая пытка: ей приходилось раз по пятнадцать ходить в туалет днем и столько же ночью, а побочных эффектов лекарство имело массу, в том числе запор и вымывание кальция, так что требовалось принимать дополнительные медикаменты, чтобы компенсировать потери. Норма отказалась носить истязующие компрессионные гольфы, которые назначили от отеков, и, став пить меньше жидкости, она перестала принимать и мочегонное, которое так ненавидела.

После того как Норма прекратила прием лекарств, жидкость вернулась, и, когда Кэтрин в очередной раз пришла навестить

Норму, она сообщила ей о том, что ее лечащий врач настаивает на возобновлении приема таблеток. Однако никто из нас не понимал, для чего это нужно. Организм Нормы, отработав 91 год, постепенно выходил из строя. Ее здоровье стремительно ухудшалось, и этого никак нельзя было избежать. Неужели мы будем мучить ее мочегонными средствами только для того, чтобы на время отложить то, что в любом случае произойдет? «Я просто хочу отдохнуть», – сказала она, изнуренная очередным походом в уборную.

«Объясните мне, зачем ей нужно возобновлять курс лазикса», – не унимался Тим во время очередной беседы с медсестрой.

«Он поможет ей дышать», – ответила она, намекая на то, что так будет лучше для Нормы.

Но Тима убедить было не так просто. «Для чего мы пытаемся продлить ей жизнь, которую никак нельзя считать полноценной?» – поинтересовался он. Казалось, что разговор зашел в тупик. Норма заснула, и Тим перестал спорить, чувствуя, что его не понимают.

«Но это поможет ей дышать», – шепотом повторила Кэтрин, обращаясь ко мне.

«Расскажите мне, как действует это лекарство при длительном применении», – попросила я, пытаюсь понять, сколько на самом деле Норма выиграет времени, учитывая пагубные побочные эффекты.

На протяжении всей нашей беседы Кэтрин проявляла огромное терпение. Тим сидел на кухне и безучастно слушал наш разговор о том, какая смерть может ждать Норму, какие симптомы у нее могут наблюдаться и каким образом мы можем поддержать ее в этой нелегкой борьбе.

«Уф, я не часто так откровенно разговариваю с близкими своих пациентов», – с облегчением выдохнула Кэтрин. Она была похожа на подростка-отличника, сообщающего своим родителям, что получил четверку, не зная, как они отреагируют на эту новость. «Такие беседы бодрят даже больше, чем вы можете себе представить», – добавила она.

Мы уже слышали подобное от другой медсестры, но все еще не могли переварить эту информацию. «Ваши слова меня удивили», – ответила я, считая, что многим другим семьям куда лучше удавалось справиться с подобной проблемой. Однако, очевидно, мы были не единственными, кто боялся говорить откровенно о таких вещах. «Я думала, когда пациент попадает в хоспис, для него это становится обычной темой для разговора, – продолжила я, – выходит, мы все оказываемся трусами, когда

дело доходит до этих вопросов».

Перед уходом Кэтрин взяла с меня обещание поговорить с Нормой о возобновлении приема лазикса, но не посвящать в это ни Тима, ни кого-либо другого. Это должно было остаться между нами.

На следующий день мы с Нормой остались наедине (Тим вышел прогуляться). Мы говорили о том, что на ее часах, неумолимо бегущих вперед, осталось совсем мало времени, а потом я вернулась к тому, что сказала нам медсестра: в легких Нормы застаивается жидкость, и это только приближает ее конец. Если она начнет снова пить лазикс, то он сможет на время очистить ее легкие. Дышать ей станет легче, и она, вероятно, выиграет пару недель – однако, в конце концов, этот момент все равно настанет, и она в любом случае скоро покинет нас.

«Я понимаю», – сказала она. Норма не плакала, она просто взяла меня за левую руку, а в глазах ее читалась поразительная ясность ума.

Я провела правой рукой по ее пухлой, отекавшей ноге. «Мне нужно, чтобы ты подумала, хочешь ли ты снова принимать лазикс, чтобы вывести застоявшуюся жидкость», – сказала я.

Я видела, что Норма пытается подобрать слова. Не дав ей заговорить, я быстро продолжила: «Не обязательно отвечать прямо сейчас. Я надеюсь, ты тщательно все взвесишь. Это твоя жизнь и твое решение. И что бы ты ни решила, мы будем на твоей стороне. Мы примем любой исход. Что бы ты ни решила, у нас есть лекарства, которые помогут тебе уйти в мир и покое, ты ничего не почувствуешь».

Она молчала. «С Тимми все будет в порядке», – сказала я. Она закрыла глаза. «Я тоже смогу справиться с этим. И Ринго сможет». Она не отвечала.

«Поговорим об этом завтра», – предложила я. Тут она открыла глаза: «Ладно». Мужества ей было не занимать. «Норма, ты самый смелый человек из всех, кого я знаю, – сказала я, – я так думала о Стейси, но я изменила свое мнение, теперь я думаю, что это...»

Не успела я закончить, как она, глядя прямо мне в глаза, прошептала: «Я пью «эликсир Стейси».

Я понимала, что это значит. Она черпала силу из источника, который есть у каждого из нас: свой ангел-хранитель или свой супергерой.

На пару мгновений я задержала свой взгляд на ее небесно-голубых глазах. Я знала, что к ней пришло осознание всего происходящего. Она готовилась отойти в другой мир и хотела сделать это с достоинством. Если смогла Стейси, то сможет и она.

Я прошептала в ответ: «А не подсказешь, где взять «эликсир Стейси?»»

В полудреме она все же собралась с силами и ответила: «Тебе придется самой отыскать его».

Затем нас ждал очередной ужасный поход в туалет. Я приговаривала: «Ставим одну ногу, теперь другую ногу», – и так мы медленно шли в уборную, смеясь по дороге.

«Эликсир Стейси» помогал нам обоим.

Ровно в 9 вечера мы с Тимом взялись за привычную работу: провести Норму из одного конца фургона в другой и уложить ее спать. Мы помогли ей вылезти из кресла, отцепив длинный шланг подачи кислорода, чтобы она не запнулась о него во время ходьбы. Ринго встал с насиженного места рядом с ножкой ее кровати и отправился в передний отсек фургона.

По пути мы напевали ремейк хита «The Champs» 1958 года под названием «Текила». С каждым шагом улыбка Нормы становилась все шире. Когда мы дошли до раздвижной двери, разделявшей наши комнаты, Норма двигала бедрами в ритм, который задавал Тим, хлопая себя по ногам. Мы не могли сдержать смех. «Если бы мы не смеялись, нам пришлось бы плакать», – сказала Норма, переводя дыхание. Она была права, как никто другой.

Мы дважды вставали ночью, чтобы отвести Норму в туалет и обратно в спальню. Нам приходилось менять ей памперсы, отключать кислородные трубки и управлять ее ногами, которые с каждым разом становились все слабее. Она с трудом могла передвигать ими.

* * *

На следующее утро за завтраком (Тим приготовил для нас крабовый омлет) у меня появилась возможность вернуться ко вчерашнему разговору с Нормой и узнать о ее решении. «Помнишь, накануне мы говорили о лазиксе и застое жидкости в ногах и легких?»

«Конечно, помню. Я не хочу принимать лазикс», – сказала она тоном, не терпящим возражений. Мы не закончили беседу, так как пришла сестра из хосписа, чтобы искупать Норму.

«Мы продолжим наш разговор после душа, хорошо?» – предложила я, и дверь уборной закрылась. Мне было важно, чтобы Норма полностью понимала: состояние ее здоровья резко ухудшается, и, отказавшись от лазикса, она умрет раньше. В то же время я хотела, чтобы она знала, что мы поддержим любое ее

решение.

Через сутки после неприятного разговора Кэтрин снова позвонила. «Доктор хочет, чтобы Норма возобновила прием лазикса на три дня, – сообщила она, – а затем мы переведем ее на другое лекарство для...» Я отчаянно пыталась записать каждую деталь плана, разработанного доктором. В тот момент Кэтрин была похожа на учителя Чарли Брауна^[9], она что-то пыталась донести до меня, но я не понимала ни единого слова. Наконец, она кратко резюмировала каждый пункт плана, а затем сказала: «Ну, или можно отказаться от лазикса». В ее голосе я услышала намек на то, что этот вариант ответа неверный.

Но я поймала взгляд Нормы и поняла, что теперь я тоже пью «эликсир Стейси»: я почувствовала прилив мужества и уверенности. «Кэтрин, с прошлого июня, когда Лео заболел, Норма проводила с нами каждую минуту своего времени, – сказала я, – мы уверены в том, что немногим, особенно людям ее возраста, удастся насладиться таким количеством любви и радости, которое она получила за прошлый год».

«Не спорю», – согласилась она.

«Мы ни о чем не жалеем, между нами не осталось недосказанности, и мы сделали все, что хотели. Мы выполнили все ее предсмертные желания, – продолжила я, – она всегда хотела умереть естественной смертью, а не бороться с побочными эффектами лекарств или провести остаток своих дней на аппаратах для поддержания жизнедеятельности. Мы с трудом уговорили ее на оксиметр. Она такая. И сейчас она хочет отдохнуть. Я поговорю с ней еще раз, но я почти уверена, что мы склоняемся к варианту отказаться от всех этих таблеток. Пожалуйста, поймите, что мы с Тимом не придерживаемся какой-то особой политики, мы просто уважаем то, что важно для его мамы».

И мы очень благодарны Кэтрин за то, что она поняла нас. Я боялась, что она будет осуждать нас или пытаться докопаться до причины такого решения, но этого не случилось, мои страхи оказались напрасными. С того самого момента она стала членом нашей семьи.

После душа Норма взяла палочку и подошла к выходу из фургона. Мы с Тимом сидели на улице и щелкали фундук. «Можно мне выйти?» – спросила она. Вот уже неделю она не желала покидать «дом», и ее вопрос нас удивил. Мы смотрели, как она, пошатываясь, спускается с лестницы, держа палку в одной руке, а другой крепко держась за поручни фургона.

Беседа, которую я хотела продолжить после душа, завязалась сама собой. Мы взвесили все плюсы и минусы обоих вариантов.

Мы поговорили о том, что отведенное ей время неизбежно подходит к концу и, принимая лекарства, она может выиграть еще пару недель, но не больше. «Это твоя жизнь и твое решение, – повторила я, – мы с Тимом поддержим тебя в любом случае. Понимаешь, о чем я?»

«Да, понимаю. Но я не хочу принимать лазикс. Что ты об этом думаешь?» – И она взглянула на меня.

«Неважно, что думаю я», – снова сказала я.

Норма медленно повернула голову так, что теперь она в упор смотрела на сына. «Тимми, а ты что думаешь?» В ее голосе слышалось беспокойство. Она спрашивала Тима, сможет ли он принять ее отказ от лекарств, означавший, что она не хочет продлевать свое время на этой земле.

«Мам, это твое решение. Если ты спрашиваешь, что я думаю о твоем решении, то я считаю его хорошим. Мы сделаем так, как лучше тебе. Я люблю тебя, мам».

«Хорошо, тогда никакого лазикса», – заявила Норма.

Пару часов мы позагорали на солнышке, но затем облака затянули небо, и Норма вернулась в фургон. Мы шутили и болтали, пока я помогала Норме сесть в инвалидную коляску и искала для нее что-нибудь сладенькое. Жадно облизывая свой апельсиновый фруктовый лед, она внезапно остановилась и подняла глаза к небесам. «Господи, – сказала она, – надеюсь, когда-нибудь Ты примешь всех нас, и даже самых чокнутых». Она засмеялась, и смех ее озарил тусклые комнаты фургона в этот теперь уже дождливый день. В ее глазах блеснул огонек, когда они встретились с нашими «чокнутыми» взглядами.

Этим вечером мы пели «Когда ступают святые», Тим катал Норму по кругу, а она, пританцовывая в своей инвалидной коляске, дирижировала двумя руками, словно руководя маршем. Мы чувствовали облегчение. Больше не будет никаких мучительно принятых решений. Теперь мы могли просто дарить друг другу свою любовь и попрощаться.

* * *

С каждым разом Норме становилось все сложнее ходить самостоятельно. Нам приходилось пользоваться инвалидной коляской, чтобы отвести ее в туалет, находившийся на расстоянии в 25 футов в задней части фургона. На ночь она надевала памперсы для взрослых (их еще называют «шортами», некий эвфемизм, позволяющий не терять чувство собственного достоинства), и постепенно мы все проще относились к тому, что

раньше считалось для нас недопустимым. Чувство собственного достоинства у Нормы отходило на второй план, хотя мы изо всех сил пытались поддерживать его на протяжении всей ее жизни.

Испачкав нижнее белье, она лишь воскликнула: «Боже мой!», удивившись, с каким трудом ей стало даваться управление собственным организмом. Вместо того чтобы успокоить ее, сказав, что все хорошо, я просто ответила: «Что ж, дерьмово». Я заметила, что начала говорить все так, как есть на самом деле, не пытаясь что-то завуалировать или скрыть. Не успела я, однако, осознать, что только что сказала своей свекрови, как Норма рассмеялась и добавила: «Да уж, дерьмово – это не то слово».

* * *

Я поймала себя на том, что постоянно думаю: «А понравится ли это Норме?» или «Нужно обязательно показать это Норме».

Мы понимали, что больше она никогда не сможет выйти из фургона на улицу. Ее ноги устроили забастовку, и, судя по всему, остальной организм собирался вскоре последовать их примеру. И тем не менее мне по-прежнему хотелось показать ей все то, что я видела и что мне нравилось в повседневной жизни.

Наш друг Марк приехал на остров Сан-Хуан, чтобы поддержать нас. Вместе мы собирали фундук в саду Стива, когда вдруг на руку мне запрыгнул маленький изумрудный лягушонок. «Я должна показать его Норме!» – воскликнула я. Бросив все, я помчалась в фургон, пытаясь как можно бережнее держать несчастного лягушонка. Когда я добежала до кресла Нормы, лягушонок выпрыгнул из моей руки, приземлившись прямо на Норму. Если бы у нас были какие-то сомнения в том, жива ли Норма или нет, то они сразу же рассеялись бы: она едва не подскочила от радости, увидев лягушонка на своей ладони. К сожалению, насладиться этим прелестным существом она так и не успела, потому что в следующую секунду он вырвался из ее рук и выпрыгнул за дверь.

В воздухе витало такое напряжение, какого мы не чувствовали уже давно, словно все вокруг готовилось к переходу в иной мир. Как-то мы отправились с Нэн по делам в город, и я удивилась, заметив, что листья уже начали менять цвет. Больше всего мне запомнился один молодой дуб на парковке продовольственного магазина: его ярко-красные листья были огромными, даже больше головы Нормы. «Я просто обязана сорвать несколько листьев и отнести их Норме», – подумала я, решив сделать это на обратном пути к машине. Но, пока я стояла

в очереди, мне позвонила медсестра, и я, забрав покупки с ленты конвейера, уехала, совершенно забыв о дубовых листьях.

Я чувствовала себя так, будто кто-то постоянно переключает каналы в моей голове. Мне стало сложнее запоминать вещи и четко выражать свои мысли, как будто внутри поселился туман, который вовсе не собирался рассеиваться. Нэн заботилась и о своей маме, и о своей свекрови, и я спросила ее, смогу ли я когда-нибудь соображать так же, как раньше. «Да, – уверила она меня, – это временное явление».

За последние несколько недель я практически не смотрелась в зеркало. Когда я случайно увидела свое отражение, я заметила, что волосы у меня растрепаны, под глазами появились мешки, которых не было раньше, а морщин стало больше. Все это в очередной раз напоминало мне о том, что я все-таки уже никогда не стану прежней.

* * *

Мы привыкли к ненормированному распорядку дня: когда обе ноги Нормы отказали одна за другой и встать ей стало крайне сложно, по ночам мы часто не спали, помогая ей менять памперсы, справляться с болью или принимать снотворное. Она практически перестала говорить.

Ритуалы, которые мы проделывали перед сном, стали все более нежными. Мы с Тимом, держась за руки, сидели рядышком на кровати Нормы и под покровом ночи говорили все, что было у нас на сердце. Теперь Нэн и Стив тоже принимали участие в наших ритуалах: они играли старые мелодии и колыбельные на гавайских гитарах, и мы пели все вместе. Норма все еще помнила свои любимые песни и подпевала нам слабым голосом. Однажды вечером, когда наши друзья спросили, хочет ли Норма, чтобы они спели и сыграли для нее, Тим, вежливо поблагодарив их, ответил: «Не сегодня. Думаю, она устала».

В тот вечер мы с Тимом присели к Норме на кровать и тихонько поблагодарили ее за то, каким замечательным человеком она была. Мы сказали, что ее следующее путешествие будет не менее поразительным, чем то, в котором нам посчастливилось побывать всем вместе. Мы напомнили ей, что год назад, уезжая из Мичигана, она не знала, как все обернется, но тем не менее доверилась судьбе. «Мы надеемся, что ты также не испугаешься и своего следующего путешествия в неизвестность», – мягко сказала я Норме, погружавшейся в сон.

С помощью капельницы мы аккуратно ввели ей

обезболивающее. Обычно после этой процедуры она тут же засыпала, поэтому мы пожелали ей спокойной ночи, сказали, что любим ее, и на всякий случай попрощались. Между нами не осталось недосказанности. Мы попросили ее представить себе, как она взлетает в небеса на «Мистере-2» или парит на воздушном шаре. Одна из этих идей ей явно понравилась, потому что она едва заметно улыбнулась и задремала. Перед тем как выйти из комнаты, Тим открыл окно, чтобы ангелы могли прийти и забрать ее прекрасную душу в следующее грандиозное путешествие.

Мы с Тимом устроились в передней части фургона и включили телевизор, пытаясь отвлечься. Примерно через час Тим услышал, как его мама что-то неразборчиво кричала.

«Мам? – выкрикнул он, мигом подлетев к ее кровати. – Что-то нужно, мам?»

Мы пытались понять, что она хочет сказать, но это нам не удавалось, поскольку она уже не могла управлять ни ртом, ни голосовыми связками. Не желая сделать ей больно, я сказала: «Прости, Норма, но я не понимаю, что ты говоришь, не могла бы ты повторить?» Мы осознавали всю серьезность происходящего, волнуясь о том, что она хочет сказать нам что-то важное. Ее проблемы с речью привели нас в смятение. С каждым вопросом ситуация лишь ухудшалась.

Внезапно меня осенило: юмор всегда был частью наших отношений. Когда мы не понимали, что происходит, мы всегда находили способ посмеяться над этим. «Всякое бывает, верно?» – я перестала говорить серьезно, но в моем голосе звучала уверенность. «Я знаю, чего ты хочешь!» – подытожила я. В усталых глазах Нормы читалось: «Боже мой, надеюсь, это правда. Я так устала от этих бессмысленных игр».

«Ты хочешь, чтобы я тебе СПЕЛА!» – засмеялась я.

К моему полнейшему удивлению, Норма закивала головой. «Серьезно?!» Она снова кивнула.

И я начала петь. Я пела, пела и пела, исполнив с десятков песен. Я пела старые мелодии, слова которых она знала и еще пару дней назад могла подпевать. Я спела «Когда ступают святые» и «Сюзанну», «Боевой гимн Республики» и «Весь мир в его руках».

Когда я почувствовала, что с нее хватит моего исполнения (частенько я не попадала в ноты), я спросила ее: «Достаточно?»

Она снова затрясла головой, но на этот раз отрицательно. «Мне продолжать, Норма?»

И она закивала в знак одобрения. Удивившись, я переспросила ее, но ответ остался неизменным.

И я продолжила петь. Я спела «Велосипед для двоих» и «С

горы ты разнеси весть». А затем я исполнила одну из наших самых любимых мелодий «Мой маленький свет». Наконец, Норма заснула. Так я пела ей перед сном еще три дня. На четвертый день она выпила свой последний глоток «эликсира Стейси».

Глава 16

Покой

Южная Нижняя Калифорния, Мексика. С ноября и до конца путешествия

Тим

Еще в самом начале нашего путешествия мы с Рейми поняли, что зимой мама не сможет отправиться с нами в полюбившуюся нам Южную Нижнюю Калифорнию. Ей было бы сложно приспособиться к отсутствию удобств и жить среди людей другой культуры. Вместо этого мы провели три чудесных месяца в солнечной Флориде.

Однако ранней весной, во время поездки по Восточному побережью, мама сказала, что в следующий раз хотела бы отправиться с нами в Мексику. Возможно, на нее повлияла встреча с нашими друзьями из Нижней Калифорнии, а может, китовые акулы в Атланте, которых ей захотелось увидеть в их естественной среде обитания. Или, может, наши слова о том, что мы считаем Нижнюю Калифорнию своим домом, пробудили в ней интерес. Зная, что мама будет чувствовать себя некомфортно на нашем традиционном месте обитания прямо посреди пляжа, я заранее снял небольшой домик около Посада Концепсьон. В нем были все самые необходимые удобства: вода, туалет и электричество на двенадцать часов в день, подаваемое небольшим дизельным генератором. Всех этих земных благ маме было бы достаточно, чтобы не испытывать дискомфорта. Мы также забрали ее паспорт, когда останавливались в Преск-Айл в июле.

Тщательно все спланировав, я с нетерпением ждал момента, когда мама пойдет с нами на пляж. Я мечтал о том, чтобы прокатить ее на одной из наших досок. Я понимал, что в силу своего возраста она не сможет встать на нее, но я воображал, как моя хрупкая мама лежит на широкой доске и отдыхает, болтая ногами в воде. Вот она покачивается на кристально чистых волнах залива Концепсьон, а ее лицо озаряет улыбка. Позже я бы приготовил ей свою фирменную маргариту, добавив ликер Дамиана вместо Трипл-сек, и мы бы подняли тост за наше

путешествие. Мы бы сидели на крыльце до самого захода солнца и наслаждались обычными моментами этой необычной жизни.

Но вместо всего этого мы с Рейми ехали на юг к западной границе США, надежно спрятав урну с прахом мамы под кроватью, на которой она раньше спала. Ринго, который перед похоронами забрался в катафалк, где находилось тело мамы, и не желал из него вылезать, когда пришло время ехать, сейчас свернулся в калачик около ножки маминой кровати. Мы чувствовали, что он тоскует. Теперь нас ожидало совершенно другое путешествие: нам нужно было научиться справляться со своей душевной болью и забывать о ней, когда приходило время разбивать лагерь или двигаться дальше.

На зиму мы оставили фургон в Калифорнии и двинулись к югу границы на джипе. Так как свободного места у нас было мало, а Ринго занимал добрую его часть, мы вынуждены были оставить большинство маминых вещей в фургоне, решив разобраться с ними по возвращении следующей весной. Однако мы не могли оставить без внимания один ящик – мамин «беличий ящик».

Когда маме дарили сувениры, небольшие подарочки или памятные вещи, она шла в свою комнату и прятала их, чтобы рассмотреть позже, словно белочка, откладывающая желуди про запас. Мы постоянно шутили на эту тему. Когда я спрашивал маму, где лежит тот или иной необходимый мне предмет, она отвечала: «Вероятно, я положила его в свой «беличий ящик». После этих слов мы обычно смеялись. В ящике хранились все мамины «сокровища»: значок и браслет с парада в честь святого Патрика, который мы посетили в Хилтон-Хед-Айленд, небольшой розовый кварц, подаренный ей в Южной Дакоте, ракушки правильной формы с острова Санибел, штат Флорида, и брелок для ключей в виде ботинка из магазина «L. L. Bean», – все эти сувениры лежали в ящике среди кучи других вещей.

В глубине мы обнаружили кукольную Норму, сделанную Дуайтом, подсобным рабочим, с которым мы познакомились в лагере во Флориде. Однажды он явился к нам, представившись Мистером Ямайкой, и в знак своей любви и расположения подарил Норме деревянную куклу, как две капли воды похожую на реальную Норму; голову куклы украшали «кудри» из серой пряжи. До этого он спрашивал у меня, можно ли ему исполнить песню для мамы, которую он написал сам. В последний день нашего трехнедельного пребывания во Флориде он зашел к нам в фургон. Мы все удивились, увидев на его голове дреды. Они были такими длинными, что практически касались пола. Обычно он убирал их под большую черную вязаную шапочку, которую носил

на работу. Он сел на диван напротив мамы, начал брэнчать на гитаре и петь ей регги так, словно меня и Рейми не было в комнате. «Рассказы о вашем путешествии очень тронули меня. Спасибо вам», – сказал он перед уходом.

На дне маминого ящика мы нашли большие круглые значки с изображением Микки-Мауса и Гуфи и надписью «Первое посещение». Как мы могли забыть о ее первой поездке в тематический парк «Всемирного центра отдыха Уолта Диснея» в январе? Я вспомнил, как целый день мы катали ее в коляске по «бессменной Всемирной выставке», разделенной на две тематические зоны: «Мир будущего», представленный в восьми павильонах, и «Витрина мира», в которых принимали участие одиннадцать стран со всего земного шара.

После «полета» на космическом корабле «Земля» мы с мамой сделали мультфильм: вместо лиц двух главных героев мы вставили свои фотографии. В мультике мы путешествовали на летающей тарелке будущего, которая могла в любой момент превращаться в подводную лодку. Несмотря на то что в ролике не было звука, мы разместили его на нашей страничке в Фейсбуке, чтобы порадовать наших подписчиков, которые хотели увидеть Норму на видео. Нас с Рейми до сих пор забавляли статьи в интернете и газетные утки о том, что мы побывали не только в США, но и в Германии, и в Китае. Выходит, декорации в павильонах «Всемирного центра» действительно весьма убедительны, раз нам удалось обдурить столько народу.

В небольшой бархатной сумке, спрятанной под какими-то детскими рисунками, мы обнаружили настоящий клад: три маленьких флакончика с водой, на дне которых блестели крупички золота. Два из трех флаконов принадлежали нам с Рейми, однако и они каким-то чудом оказались среди маминых запасов. «Интересно, а куда я в старости буду прятать свои вещи!» – засмеялась Рейми. Мы с теплотой вспоминали тот день в начале апреля, когда мы промывали золотой песок на шахте в Далонеге, штат Джорджия. Туда мы отправились по приглашению Датана, главного управляющего шахты. Специально для нас он организовал экскурсию по катакомбам, и мы попытались удачу, промывая песок в поисках золота. Я никогда не забуду мамину решимость обойти все уступы и ступеньки, встречавшиеся на нашем пути в полмили. Даже когда мы оказались на глубине 300 футов под землей, мама не испугалась. Она лишь время от времени присаживалась отдохнуть на складной стул, который Датан очень удачно взял с собой. Мама была настоящим геологом; наш поход в шахту напомнил мне о том, как в детстве по выходным мы всей семьей отправлялись на местную

каменоломню по добыче известняка в поисках окаменелостей.

Еще мы нашли небольшую тетрадь на пружине, в которой мама вела дневник. Внутри страница за страницей аккуратным почерком она описывала наше совместное путешествие. В пути мы с Рейми замечали, что она делала какие-то заметки, но мы никогда не заглядывали в них, а она никогда не предлагала нам почитать. Когда я увидел знакомый почерк, мне стало грустно и захотелось плакать. «Давай прочтем их в Нижней Калифорнии», – предложила Рейми. Рана от потери была еще слишком свежей, к тому же мы были заняты сборами в дорогу. Я согласился и припрятал дневник в надежное место, чтобы позже взять его с собой на юг.

* * *

Рано утром в субботу мы пересекли границу с Мексикой, желая поскорей добраться до нашего пристанища на берегу Калифорнийского залива, где мы останавливались на зиму. Полуостров Калифорния простирается на 800 миль и является вторым по протяженности полуостровом в мире. Чтобы добраться до нашего места назначения, нам предстояло преодолеть расстояние в 600 миль, то есть добрые три четверти от всей длины полуострова. Двухполосная дорога без обочин извивалась вдоль подножия гор и потухших вулканов, сформировавших «хребет» полуострова. Пока мы ехали по ней, нам открывались завораживающие панорамы.

Встречаясь с лежащими полицейскими на въездах и выездах из маленьких деревушек, я каждый раз сбавлял скорость и думал о том, что бы сказала мама, увидев эти пейзажи за окном. Интересно, ей стало бы жалко бедняков, просящих милостыню прямо на дороге? Захотела бы она остановиться и дать им немного денег? А все эти новые запахи, звуки и виды, произвели бы они на нее неизгладимое впечатление? К сожалению, я никогда не смогу узнать этого.

Пустыня Вискаино была последней точкой на возвышенности, после дорога шла под уклон к восточному побережью полуострова. Мы не спеша проехали известный своими медными шахтами город Санта-Розалия, который еще не оправился после недавнего урагана. Мы объезжали огромные рытвины, минуя искореженные машины, которые до сих пор лежали под валунами, оставшимися после оползня. Миля за милей мы приближались к дому, к нашему кусочку рая на земле.

Небольшая рыбацкая деревенька Мулехе – последний

ближайший к нашему пристанищу оплот цивилизации. За долгие годы мы успели познакомиться со всеми ее 3200 жителями, некоторые из которых стали нашими друзьями. По пути, перед тем как преодолеть последние 15 миль до залива Консепсьон, мы всегда останавливаемся здесь, чтобы пополнить запасы. И эта поездка не стала исключением. Мы притормозили перед огромной ступой у ресторанчика Марио, где подавали тако, и повернули налево на пыльную парковку. Мы поприветствовали Марио и вместе съели тако с рыбой, которую он поймал утром. Пока мы сидели под огромным фикусом, ветви которого укрывали от солнца уличные столики (в помещении столиков не было), на меня навалилась гнетущая тоска. «Маме бы здесь понравилось», – сказал я Рейми, хрустя свежей редькой, разложенной на тарелке. Рейми взяла меня за руку, а я глубоко вздохнул.

Двигаясь вниз по главной улице, мы встретили Адольфо, подметавшего дорожку около семейного антикварного магазинчика. Увидев нас в нашем новом джипе, он засиял от радости и помахал нам рукой, улыбаясь во все тридцать два зуба. «Привет, ребята, – закричал он нам, а затем добавил: – Может, хотите прикупить что-нибудь? Есть все цвета! Сколько нужно? Отдам почти даром!» Как же здорово было вернуться сюда и ехать по узким улочкам, на которых не смогут разъехаться две встречные машины. Мы даже убрали зеркала, чтобы ничего не зацепить и без труда проехать на нашей большой машине. Как обычно, мы заходили практически в каждый магазин, чтобы купить все необходимое. Приветствуя людей на улице и болтая с кассирами, я постепенно вспоминал испанский язык.

Наполнив двадцатилитровые бутылки питьевой водой, мы двинулись на юг. Несмотря на то что я регулярно бываю в этих краях с 1990-х годов, каждый раз меня поражает вид с вершины холма. Отсюда можно увидеть весь залив Консепсьон целиком. По всему западному побережью простираются дугообразные бухты и песчаные пляжи, а бирюзовые воды залива усеяны множеством маленьких островов. От этого пейзажа просто дух захватывает.

Мы припарковали джип у домика на второй береговой линии, выкрашенного в зеленый цвет. Это и было наше пристанище, в котором мы намеревались провести зиму. Мы зашли внутрь через раздвижные стеклянные двери и осмотрелись. В доме было две спальни и душ, и мы тут же почувствовали, как нам не хватает мамы. Места было намного больше, чем требовалось для двоих. Во второй спальне, предназначенной для мамы, стояли двухъярусные кровати. Мы с Рейми рассмеялись, представив, как мама залезает на верхний ярус исключительно для того, чтобы

попробовать что-то новенькое. Я залез по лестнице, лег на одинарный матрац, и тут же меня накрыла волна воспоминаний.

«Не уверен, что нам удалось бы затащить ее наверх», – сказал я громко, чтобы Рейми слышала, представляя, как мама слезает с верхнего яруса и идет в уборную, выкрашенную в ярко-желтый цвет. Я вспоминал, как в Северной Каролине она каталась на некоем подобии качелей, подвешенных между двумя деревьями. Их собственноручно смастерил мой давний приятель Кевин. «И все это снимали на видео операторы NBC, уму непостижимо!»

«В этот же день она впервые прокатилась на лошади, – сказала Рейми, – никогда не забуду, как тренеры сказали ей выпрямиться и выгнуть плечи».

«И правда», – поддержал я. «Она не может держать спину ровно», – кричали мы через весь ипподром, а она вдруг взяла и выпрямилась. Когда я вспомнил об этом, по щекам потекли слезы. Впрочем, я прекрасно знал, что могу начать плакать практически по любому поводу.

Мы с Рейми сошлись на том, что маме понравились бы разукрашенные ракушки, висящие на стенах, рисунки тропических рыбок на душевой шторке и то, что она могла бы воспользоваться обычным туалетом со сливным бачком. Она смогла бы собирать своих поклонников в одном из двориков и наслаждаться тем, как ее почитатели, которые до недавнего времени даже не были с ней знакомы, были глубоко тронуты ее стремлением жить. Она положила бы еще множество вещей в свой «беличий ящик» и добавила бы главы в незаконченную историю... Только вот история была закончена. Пришло время закрыть эту книгу и начинать новую.

* * *

Мы никогда еще не жили в этих окрестностях, обычно мы останавливались на пару миль южнее, там, где нет домов. Мы надеялись, что сможем вписаться в общество жителей каменных зданий так же, как смогли подружиться с теми, кто, как и мы, на протяжении многих лет останавливался в палатках на пляже. Время покажет.

Этой ночью я спал на новой кровати, и мне приснились родители и Стейси. Они пролетели над моей головой, и Стейси сказала: «Эй, Тимми смотри, – я узнал ее голос, – мама теперь тоже умеет летать. Она быстро учится!» Моя семья казалась такой счастливой, пока я, как это со мной часто происходило во сне, тоже не поднялся к ним в воздух. «А это что еще такое? –

разозлилась Стейси. – Я думала, только мертвые могут летать». Мы немного полетали вместе, а затем они втроем испарились в дымке. Когда я очнулся от сна, мое сердце наполняла безграничная любовь, которой я никогда не чувствовал раньше. Сквозь открытое окно я услышал, как волны мягко бьются о берег, и та ясность, которая пришла ко мне во сне, вдохновляла меня. Я понял, что границы между мирами зыбкие и те, кого мы любим, всегда остаются рядом. Я знал, что справлюсь со своим горем.

* * *

В Южной Калифорнии по утрам мы всегда ходили купаться. Это занятие дарило нам умиротворение. Мы вставали еще до восхода и плавали на доске, пока не встанет солнце. И теперь мы хотели возобновить эту практику. Рейми очень дисциплинированна, и это помогло мне последовать ее примеру в первое же утро. К 8 утра мы обогнули остров Койот и остановились посмотреть, как скопа ныряет в залив в поисках добычи. Над горами, простиравшимися вдоль восточного побережья полуострова, поднималось солнце. Вода была спокойной и отливала золотом. Мимо нас проплыли три дельфина. Дождливый и туманный тихоокеанский северо-запад остался далеко в прошлом.

А затем по воде до нас донеслись звуки волынки. Кто-то играл гимн «О благодать». Мы перестали грести и расплакались. Мы плакали все пять минут, пока длилась песня. Мы знали, что ее исполнял Гэрри, ежедневно устанавливавший мегафон рядом со своим тростниковым навесом и игравший эту мелодию перед тем, как сообщить прогноз погоды и рассказать о том, какие ожидаются волны. Но сегодня нам казалось, будто он играет специально для нас.

После бодрящего купания нас ждал завтрак. Лупе приготовила для нас тамале и принесла угощение в пластиковом ведре, укрыв его теплым и влажным полотенцем, чтобы все осталось свежим. Потом мы отправились на прогулку вместе с Ринго по тропе Гуд-Харт, пересекавшей главную мексиканскую автомагистраль. Тропа уходила наверх, откуда можно было увидеть близлежащие бухты и палатки на берегу, пустовавшие, поскольку сезон еще не начался. Мы ждали встречи со своими друзьями, которые должны были приехать сюда в ближайшие дни, недели или месяцы.

Первый день нашей новой жизни прошел отлично. Когда мы поняли, что все начинает возвращаться (или, по крайней мере,

может вернуться) на круги своя, мы почувствовали облегчение. И все же я понимал, что так, как раньше, уже не будет. Этот год стал самым удивительным в нашей жизни. Он изменил нас. Теперь мамы с нами не было, а ведь я едва начал узнавать ее по-настоящему. Я постоянно думал о том, что ждет нас впереди. Но после того, как во сне ко мне явились мама, папа и Стейси, я почувствовал умиротворение. Я понял, что мне не обязательно знать все и сразу. Я должен жить здесь и сейчас, как это делала моя мама.

Полдень выдался жарким, и Рейми очень хотела «искупаться в бирюзе», как любила говорить наша подруга Гленна. Восемидесятилетняя Гленна была родом из Канады. Она никогда не упускала возможности поплавать в безупречно чистой воде Калифорнийского залива. На протяжении многих лет она вдохновляла Рейми следовать ее примеру.

Пока Рейми купалась, я растягивал гамак между двух столбов с южной стороны нашего дома. Вернувшись, она забралась в широкую сетку и устроилась рядом со мной. Рейми прижалась ко мне своим прохладным телом, освежив меня под палящим полуденным солнцем. Прошлый год принес нам взлеты и падения, и мы оба очень устали. Ринго лежал на камне под нами, наслаждаясь его прохладой. Мы заснули и проспали до самого обеда. Наконец, у нас открылось второе дыхание, которого мы ждали так долго.

* * *

Нам понадобилась еще пара недель (мы встречались с друзьями и много спали), прежде чем мы взялись за мамин дневник. Я решил приготовить тако из спинорога, пойманного нашим соседом, и мы пригласили Нэн, Стива и Марка, которые во Фрайдей-Харбор провели рядом с мамой ее последние дни. Смерть мамы нас очень сплотила, и теперь мы были готовы предаться воспоминаниям о ней, читая ее дневник и попивая маргариту.

Листая страницы, Рейми начала читать. Я откинулся на спинку стула и слушал:

29 ноября, суббота. Сегодня облачно. Мы поехали в город, в музей, посвященный Второй мировой войне. Там меня встретили так, словно знали всю мою жизнь. Я всем пожимала руки, а меня благодарили за то, что я служила в армии.

«Мне показалось, что в музее в Новом Орлеане твоя мама впервые почувствовала, что ее ценят за заслуги перед

отечеством», – сказала Рейми, прочитав абзац. Я решил, что она права, ведь я никогда не видел, чтобы мама так гордилась собой, как в тот день. Она была представителем исчезающего поколения ветеранов, которые не искали славы за участие в «войне, ведущей к концу всех войн».

Пришла моя очередь читать. Я пролистал несколько страниц в поисках понравившегося мне отрывка и прочел:

4 марта, пятница. Прошлой ночью шел сильный дождь, гремел гром и сверкала молния. Утром было всего лишь 10 градусов. Пошла прогуляться. Тим и Рейми решили поужинать гамбургерами, поэтому мы отправились в местный ресторанчик. Мы познакомились с владельцем, его зовут Большой Джордж. Он крупный чернокожий паренек, очень душевный. Мы сфотографировались с ним. Он приготовил для меня целое произведение искусства: спаржу с крабом и грибами. Вкуснятина. А на десерт мы ели шоколадно-карамельный пирог. С нас даже денег не взяли! Я спросила Тима: «Спорим, вы рады, что взяли меня с собой!»

Мы все рассмеялись. «Она так забавно описывает Большого Джорджа», – сказала Нэн. Мы все закивали головами, продолжая хохотать. Я перечитал предпоследнее предложение. «Да, бесплатные бонусы маме определенно были по вкусу», – сказал я.

«А еще она любила говорить эту фразу, о том, что мы не зря взяли ее с собой», – вспомнил я, улыбаясь. Сколько же раз я слышал ее от своей мамы!

Мы передавали дневник по кругу. Нэн пробежалась глазами по одному из отрывков, рассмеялась и прочла его вслух:

22 марта, вторник. Сегодня прохладно и солнечно. Мы едем в Чарльстон и останемся там до четверга. Дорога заняла порядка двух часов. Мы остановились в лучшем отеле в городе. Я живу в президентском ЛЮКСЕ. Тут есть гостиная с обеденным столом на 8–12 персон, мини-бар, туалет с раковиной, кровать, гардероб и ванная комната с душем и ванной. Рейми с Тимом сидят в гостиной вместе с Ринго. Когда мы приехали, нам предложили по бокалу шампанского. И нас постоянно кормят.

«Мне нравится, как она написала слово «люкс», – сказала Нэн, которую наши апартаменты в Чарльстоне явно впечатлили не меньше, чем маму. Я усмехнулся.

Нэн передала дневник своему мужу Стиву, и он прочел:

15 мая, суббота. Сегодня облачно и прохладно. Собирались ехать на парковку магазина «L.L. Bean», но наши планы изменились, и мы решили остановиться в лагере для фургонов: слить отходы и постирать вещи. До самой окраины города нас провожала патрульная машина с сиреной и мигалкой. Многие жители города

пришли попрощаться с нами.

«Подождите, я прочту и следующий абзац», – сказал он. Вероятно, что-то его заинтересовало.

16 мая, понедельник. Сегодня холодно. Мы в штате Мэн, в городе Фрипорт. Думаю, мы остановимся на парковке магазина «L.L. Bean». Мы зашли внутрь, и я кое-что себе прикупила: новую курточку, кожаные штаны и футболку, в которой я буду ходить в Мексике. Вернулись в лагерь. Погулять не получится – очень холодно.

«Она действительно хотела отправиться в Нижнюю Калифорнию», – сказал я, едва сдерживая слезы. «Марки, твоя очередь читать». – И я быстро передал ему дневник, стараясь не терять самообладания.

Марк откашлялся и быстро начал перелистывать страницы. «Так-так», – произнес он.

27 сентября, суббота. Ни ветерка. Мы поехали в Боулдер, встретились там со Сьюзан, а затем отправились на завод по производству чая компании «Celestial». Сходили на экскурсию, мне понравилось. Рейми сфотографировала меня с огромным чучелом медведя. Затем Тим катал меня по городу в моей инвалидной коляске. Мы зашли в магазинчик по продаже марихуаны (да-да, серьезно) и купили специальный крем для моей ноги.

Маленькая гостиная наполнилась смехом. «Вот умора! Интересно, она где-нибудь еще писала о марихуане?» – сказала Рейми. Мы мысленно перенеслись в тот осенний день в парк Роки-Маунтин, когда стена, разделяющая нас, начала рушиться.

Мамин дневник не был многословным, как и она сама. Она писала простыми предложениями, рассказывала о прошедшем дне, разбавляя картину своими размышлениями. Она записывала все от остановки на мосту Макинак до своего первого педикюра. Мы прочли о том, как она трогала лунный камень в центре космических исследований и как до глубокой ночи смотрела матч Суперкубка и ела куриные крылышки с креветками.

Мы читали, смеялись, плакали и вспоминали самые яркие моменты ее приключения – например, полет на воздушном шаре, – или, наоборот, какие-то незначительные события: она могла описывать погоду, рассказывать о том, что целый день провела за чтением книги, или же о том, что Ринго положил голову ей на колени, когда мы поднимались в горы.

Весь прошлый год мы частенько спрашивали себя, достаточно ли мы делаем для мамы. Кое-что было по-настоящему захватывающим, но в некоторые дни не происходило ничего особенного. Читая ее дневник, мы заметили, что ее радовали самые простые вещи: ей нравилось ходить в парикмахерскую,

принимать гостей, собирать пазлы с Рейми, покупать новые открытки и отправлять их домой. Однажды на дороге она увидела кролика, и это тоже вызвало улыбку на ее лице.

Рейми взяла дневник и прочла еще один отрывок. «Тимми, помнишь тот день, когда мы ели лобстера?»

24 мая, вторник. Переменная облачность, 15 градусов тепла. Тим и Рейми ушли на прогулку. Когда они вернулись, то на прогулку отправилась я. Тим развел костер и на ужин запек лобстера.

Я вспомнил о том, как мой отец провел свои последние дни, и понял, что то, что мы сделали для мамы, в сотню раз лучше того, что могли бы предложить ей в больнице. Прогулки, посиделки у костра и лобстеры на одноразовых тарелках казались намного круче врачей и больничной койки.

«Вот это да, Тимми, ты только послушай», – сказала Рейми, когда снова пришла ее очередь читать.

10 сентября. Сегодня холодно, листья тополей желтеют. Мы вышли из дома в 10 утра и отправились к озеру Дженни. Людей было много, поэтому пришлось подождать. Мы устроились на корме лодки. Я сняла шляпу, чтобы ее не унесло ветром. Приятный паренек рассказал нам о горах, окружающих озеро. Вернувшись, мы отправились на прогулку вдоль озера и пообедали у воды. Мы поехали в Джексон-Хоул за продуктами и по пути домой встретили стадо бизонов и пару антилоп. Мы все подустали, поэтому вечером просто сидели и пили пиво.

«Я помню, как в начале сентября она стала называть фургон и лагерь своим «домом», – задумчиво сказала Рейми, – я всегда надеялась, что они и правда станут для нее домом».

Пришла очередь Нэн. Она взяла дневник, немного полистала его и, остановившись практически в самом конце, прочла вслух:

9 июня, четверг. Солнечно, но прохладно, всего лишь 14 градусов. Прошлой ночью я заболела. Сегодня мы едем в Питсбург. Нас встретит Пэтти. Я посмотрела много новых мест. Мы то взбирались по склону, то спускались с него. Мы съели немного бискотти, карамельного попкорна, потом пообедали и вернулись. Около 8 вечера Ринго стало плохо, Рейми с Тимом повезли его в ветеринарную клинику. У него был заворот кишок, пришлось делать операцию. Все обошлось. Вечером я смотрела кубок Стэнли.

«Серьезно?» – воскликнула Рейми и взглянула на меня. Мы не верили своим ушам. Все, что мы читали до этого, полностью соответствовало нашим собственным воспоминаниям, но только не этот абзац. «Она действительно написала «все обошлось»? Но в тот вечер ничего еще не было ясно». – И Рейми рассказала нашим друзьям свою версию происходящего, подчеркивая те моменты,

которые явно отличались от маминой истории. Она в красках описала нашу бессонную ночь, переживания, страх и ужас.

А затем она взяла дневник у Нэн и несколько секунд молча смотрела на отрывок, в котором мама упоминала операцию Ринго. «Это еще раз доказывает, что она намного лучше видела некоторые вещи, чем мы, – тихо сказала Рейми. – Ведь в конце концов все действительно обошлось. Но откуда она могла это знать?»

Стив пролистал дневник и, казалось, нашел то, что искал. «Вот же, – сказал он, – здесь она пишет про дерево».

25 марта, пятница. Сегодня я пошла в парикмахерскую, нужно было подстричься. Днем мы отправились в Блафтон и там встретили много людей, в том числе и мэра города. Мы пошли в детский парк и посадили багрянник в память о Лео. На дереве будет табличка с его именем. Это некая дань всем тем деревьям, которые Лео посадил за всю свою жизнь. Затем мы заехали в торговый центр и купили мне обновки.

«Мама и новые вещи, – засмеялся я, – она никогда не упускала возможности обновить гардероб. Правда, в магазин мы зашли до того, как отправились сажать деревья, потому что вечером маму ждало интервью на телевидении и она хотела хорошо выглядеть».

«Это был один из самых трогательных дней за все время нашего путешествия, – добавила Рейми. – Багрянник останется там навсегда, как и клен, который мы с вами посадили в честь Нормы в парке Оверлук во Фрайдей-Харбор».

«Здорово, что эти деревья словно охватывают всю страну, соединяя Южную Каролину на юго-востоке и Вашингтон на северо-западе, – сказала Нэн, и от ее слов в комнате стало теплее. – Они сливаются в «арку» любви, радости и приключений, которым не будет конца».

«Она зарядила деревья своей энергией, – размышлял Марк, для которого единение с природой всегда оставалось на первом месте. – Уверен, что они даже станут местом паломничества многих людей».

«А знаешь, ты прав, – согласился я. – Уже сейчас люди со всего света приезжают к этим деревьям. Они присылают нам фотографии и вывешивают их на Фейсбуке. Они ухаживают за ними. Мы читали, что деревья спасли после нескольких сильных ураганов, а одна из сотрудниц дома престарелых, англичанка, во время каникул на юге США специально отправилась в парк Дюбуа, чтобы посмотреть на папино дерево».

«Невероятно. Размах и глубина ее истории поражают. Благодаря этим деревьям она будет жить вечно. Они станут

неким культовым местом, или, как выразился Марки, местом паломничества. Нас переполняет восхищение и безграничная благодарность за подаренные нам любовь и гостеприимство».

* * *

Когда Стейси была жива, она представляла, как уйдет на пенсию в пятьдесят лет, купит небольшое ранчо в окрестностях Ашвилла, штат Северная Каролина, и будет жить в коттедже с домиком для гостей, а на веранде поставит кресла-качалки, чтобы мама и папа могли переехать к ней. Она собиралась позаботиться о них. Казалось, мы все решили. Но Стейси не суждено было претворить планы в жизнь. Она умерла в 44 года от рака языка.

После ее смерти я понял, как коротка наша жизнь. Мы часто говорим это, но не всегда осознаем то, что стоит за этими словами. На самом деле никто не знает, сколько времени отведено нам на этой земле. Некоторым, как, например, моей маме, объявили «смертный приговор» – и назло ему они прожили намного дольше, чем предполагали врачи. Другие же отказываются от радостей жизни и увядают намного раньше, так и не успев воплотить свои мечты в реальность.

Я скажу вам одну банальную истину: все, что мы можем, – это жить здесь и сейчас. И неважно, где мы находимся, мы можем наполнить свою жизнь красотой, радостью и любовью. Мы должны использовать любую предоставленную нам возможность. И мама была тому живым доказательством.

В Нижней Калифорнии мы прочитали мамин дневник целиком. Но самым удивительным было не то, что она написала, а то, чего она НЕ написала. В ее заметках мы не нашли ни слова ни о раке, ни о популярности, а ведь для нас с Рейми они стали основными лейтмотивами путешествия. Она не упомянула ни о своем телевизионном интервью, ни о том, что ее узнавали на улицах. Она умолчала о страхе смерти и о болезни. Вместо этого она писала о жизни, делилась впечатлениями и рассказывала о своих маленьких радостях: добротная инвалидная коляска и я, человек, который всегда возил ее; встреча с козой и козлятами; печенье и пирожки с перечной мятой; завивка в парикмахерской; колпак Санты и новое мыло в подарок; ужин в кругу близких, друзей и верного товарища, Ринго.

Она притягивала то, о чем думала: радость порождает радость, любовь порождает любовь, а мир порождает мир. И, пока она улыбалась, корчила рожицы или просто изучала маршрут, мы многому учились у нее. Я так благодарен, что не отказал себе в

возможности лучше узнать свою собственную маму. В конце концов, она научила меня говорить: «ДА!»

notes

Стенд для фотосъемки с отверстием для лица. – *Прим. перев.*

«Десять ночевок» (англ.). – Прим. перев.

Формально не обозначенный барьер, ограничивающий продвижение по службе по причинам, не связанным с профессиональными качествами человека. – *Прим. перев.*

«Сеть хороших новостей». – *Прим. перев.*

Сухой док Чесапика. – *Прим. перев.*

Жареные кусочки красного мяса наподобие шашлыка, традиционное блюдо в Южной Дакоте. – *Прим. перев.*

Густой суп со специями, похожий по консистенции на рагу. –
Прим. перев.

Боевое искусство. – *Прим. перев.*

Персонаж серии комиксов Peanuts, созданный Чарльзом Шульцем в 1950 году. – *Прим. перев.*